

ИЗВЕСТНЫЕ ЛЮДИ
БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ

*Лидия
Жабелова*

*Он подарил
нам радость*

Нальчик
Издательство М. и В. Котляровых
2009

ББК 84(2Р-6КБ)
Ж12

Книга издана при содействии общественной организации «Социально-культурный центр «ЭРТУР»

Жабелова Л. Л.

Ж12 Он подарил нам радость. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. – 272 с. – (Известные люди Балкарии и Карачая.)

Книга, открывающая серию «Известные люди Балкарии и Карачая» состоит из двух частей, в первой из которых повествуется о драматических событиях, определивших судьбу карачаево-балкарского народа в середине двадцатого столетия; вторая часть посвящена жизненному и творческому пути выдающегося балкарского балетмейстера Мухтара Чукаевича Кудаева, основателя современной карачаево-балкарской этнохореографии, создателя профессионального ансамбля народного танца «Балкария».

© Л. Л. Жабелова, 2009

© Издательство М. и В. Котляровых,
2009

ОТ АВТОРА

Однажды теплым летним вечером в библиотеке имени Кязима Мечиева мы сидели втроем – ученый Махти Джуртубаев, поэт Мухтар Табаксоев и автор этих строк. Говорили, как повелось, «о бурных днях Кавказа...», а вернее о прошлом и будущем нашего народа, о его богатейшей духовной культуре, о реальности угрозы ее исчезновения. Впрочем, говорили они, а я больше слушала, так как для полноценного участия в разговоре мне не хватало знаний. Полученные в школе и университете, они были настолько скудными, что привели к восприятию одного штампа – «мой бедный, маленький, многострадальный народ». Десятилетиями в сознание нашего поколения внедрялось это определение. Оно несло в себе привкус горечи, от которого хотелось, но, казалось, невозможно было избавиться. (Впрочем, вряд ли на территории Российской империи, а затем страны Советов существовал народ, который не мог бы произнести эти слова в преломлении к себе: русские, казаки, украинцы, татары, литовцы, казахи, абазины, чеченцы...) Некоторые народы повторяют их с какой-то горделивой печалью, для нас же они уничижительны и тягостны. Возможно потому, что не соответствуют нашему внутреннему самоощущению. Несмотря на все трагические перипетии истории, мы не чувствуем себя ни маленькими, ни бедными, к тому же роль бедняка и страдальца категорически не популярна в нашем народе.

Избавиться от горечи помогли знания. Последние два десятилетия, несмотря на всю их сложность и жесткость, раскрыли нам многое. Мы вступили на тяжелый, трудоемкий, но и увлекательный путь самоузнавания. И вели нас по нему уже не сторонние, пусть даже очень талантливые и любознательные исследователи, а выходцы из народа, ученые, для которых Кавказ не экзотическая страна, а родной дом, привычный и понятный. Они дали нам возможность взглянуть на свое прошлое не *чужими*, а *своими* глазами. Мы узнали подлинную историю своего народа, прослеживающуюся на протяжении нескольких тысячелетий, и ней оказалось столько славных страниц, что ее изучение чревато развитием комплекса неполноценности у нынешних поколений – трудно соответствовать уровню героических предков. К нам вернулось присущее нашим дедам и прадедам осознание себя частью огромного мира. А это не только родные по крови тюркские народы, широко раскинувшиеся по всей Евразии, или те народы, с которыми нас сроднили перенесенные страдания, ужас депортации, но и народы Великой России, неотъемлемой частью истории и культуры которой мы себя ощущаем.

Во время одной из бесед Махти Джуртубаев сказал: «Ты не представляешь, каким огромным духовным богатством обладает наш народ. Мы напоминаем бедняка, который сидит на закрытом сундуке и не знает, что он наполнен золотом». Я была тем самым бедняком, и потому слова его показались мне, мягко сказать, преувеличением, но интерес был разбужен. Знания имеют обыкновение накапливаться, они дали реальное представление о глубине и необъятности народной карачаево-балкарской культуры. На протяжении своей многовековой истории нашему народу удалось сохранить и развить своеобразную культуру, ценность которой в том, что она представляет собой интереснейший сплав кавказской и самобытной древнетюркской культурных традиций. Раскрытие этого «сунду-

ка с золотом» пополнило бы мировую сокровищницу культуры чистейшими слитками ее образцов.

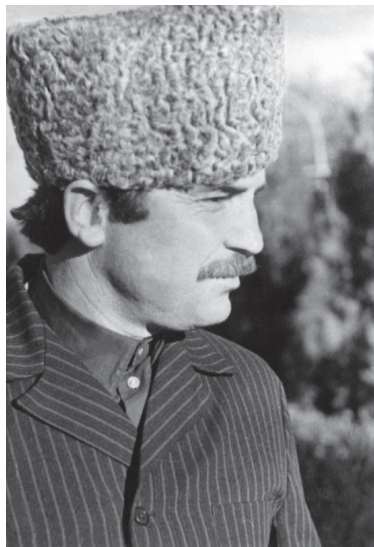
Но, к сожалению, если по историческому пути народа уже прошли и идут многие исследователи, информированность о культурном наследии, которым мы обладаем, невелика. «Сундук с золотом» еще заперт даже для нас самих. Сегодня многие из нас затруднятся перечислить хотя бы по два десятка национальных блюд, народных песен, танцев, сказок, назвать традиционные праздники и обычаи своего народа. Не лучше обстоит дело и с родным языком. Недавно ЮНЕСКО опубликован список языков народов мира, которым грозит исчезновение. Карачаево-балкарский язык оказался в первой десятке этого списка. Лауреат Международной Вавилонской премии Йохан Вандервалле, полиглот, изучивший двадцать два языка, в том числе персидский, греческий, санскрит, латинский, писал: «Велик интерес в мире к тюркским языкам, которые превосходят все языки мира красотой своей логики. Человек интеллигентный рано или поздно будет очарован магией тюркских языков». Карачаево-балкарский язык уникален даже в кругу тюркских языков, так как является одним из самых древнейших. В отрогах Кавказских гор он сохранился в наиболее чистом виде. Но, к сожалению, при нынешнем положении дел, без принятия серьезных мер на государственном уровне, его магия может быть утеряна навсегда даже для нас самих.

Идея создания серии книг, посвященных выдающимся людям Карачая и Балкарии, возникла из осознания сложившейся ситуации, а поводом послужило отсутствие материалов о современных карачаево-балкарских деятелях искусства, литературы и науки. То, что в числе первых в этой серии должен быть представлен Мухтар Чукаевич Кудаев – основатель современной карачаево-балкарской этнохореографии, знаток и неутомимый собиратель культурного наследия наших предков, создатель первого про-

фессионального ансамбля карачаево-балкарского народного танца, ни у кого не вызывало сомнений.

М. Ч. Кудаяев в истории карачаево-балкарской культуры фигура грандиозная и знаковая. Он один из тех немногих, кто посвятил всего себя без остатка служению своему народу, а исчисляются такие люди всегда единицами.

В 1993 году я гостила в семье Кочкаровых-Кубатиевых в Турции, в городе Адана, где он никогда не бывал. К моему удивлению, первый вопрос, который мне задали, прозвучал так: «Кто он – Мухтар Кудаяев? Расскажи нам о нем». Это было после первых гастролей ансамбля «Балкария» в Турции, видеокассеты с записью его концертов передавались из рук в руки среди соотечественников.

Несмотря на то что мы с Мухтаром были знакомы уже около пяти лет, мне не удалось в полной мере удовлетворить их интерес. Прошли годы. Значение многих событий прояснилось, определилось и место Кудаяева в нашей культуре. А со временем появилась уверенность в том, что о его жизни, как о примере самоотверженного служения своему народу, необходимо рассказать, и, прежде всего, молодежи.

Работа над книгой началась в 2003 году. Писалась она тяжело, так как писать сложно само по себе, а для молодежи – чрезвычайно. Трудно предугадать, как наше слово отзовется в их душах. Выдержки из рукописи прочитывались друзьями и знакомыми. В результате некоторые главы, которые могут показаться отходом от основной темы,

возникли как ответы на вопросы молодых читателей: «кто мы?», «какие мы?», «за что мы были депортированы?» и др. Так постепенно объем книги увеличился, и пришлось разделить ее на две части.

Первая описывает драматические события, определившие судьбу карачаево-балкарского народа в середине двадцатого века. Вторая часть посвящена жизненному и творческому пути Мухтара Кудаяева. Обе эти темы неразрывно связаны друг с другом, потому что детство и юность Мухтара пришлось на сороковые и пятидесятые годы двадцатого столетия, и говорить о нем невозможно без рассказа о событиях того нелегкого исторического периода. Эти события наложили свой отпечаток и на наш сегодняшний день. Именно в связи с этим им уделено такое большое внимание в нашем повествовании. Это Великая Отечественная война, бедствия и тяготы которой народ достойно перенес вместе со всей страной. Но это и ни с чем не сравнимые страдания почти четырнадцатилетней депортации, когда оболганный и униженный карачаево-балкарский народ боролся в степях Средней Азии и Казахстана не только за физическое выживание, но и за сохранение своей чести и национального достоинства. Рассказ о детстве и юности Мухтара – рассказ об этой героической и упорной борьбе.

Мухтар покидал Родину ребенком, и детская память не могла сохранить происходящее в полном объеме, поэтому его воспоминания дополняют краткие свидетельства очевидцев тех событий, документальные материалы. Они создают картину времени, которое сформировало характер и судьбу Мухтара Кудаяева.

В книге сделана попытка дать анализ становления современной карачаево-балкарской народной танцевальной культуры, без чего сложно понять и оценить всю меру вклада Кудаяева в возрождение и развитие этого вида искусства.

В ней имеется библиографический указатель статей и книг М. Кудаева и публикаций о нем на языках народов республики. Указатель составлен библиографом Азизой Махиевой, профессионализм и образованность которой, в сочетании с интеллигентностью и любовью к людям, поднимают труд библиотекаря на подходящую ему высоту.

В приложении также дана небольшая по объему, но очень ценная по заключенной в ней информации статья известного фольклориста М. Джуртубаева, содержащая краткую характеристику некоторых известных на сегодняшний день карачаево-балкарских танцев и плясок. Она подготовлена на материалах, собранных М. Ч. Кудаевым и М. Ч. Джуртубаевым и, по словам автора, призвана дать молодежи хотя бы приблизительное, общее представление об этой важной составляющей традиционной народной культуры.

Просматривая страницы рукописи, нельзя не заметить разностильность отдельных кусков и глав, следы их «сшивания», повторы. Хотелось бы написать многое заново, но год 2008-й – год семидесятилетия Мухтара Чукаевича Кудаева, а 2010-й – двадцатилетия создания ансамбля «Балкария». Уверена, недочеты настоящей работы скрасят талантливые, искренние, проникнутые любовью к нашему герою, к народной культуре статьи его друзей, коллег и единомышленников.

В селах и районах Балкарии, Карачая и даже далекой Турции по инициативе людей, осознающих его значение для карачаево-балкарской культуры, весь 2008 год проходили чествования непревзойденного мастера танца. Эта книга – подарок М. Ч. Кудаеву к его юбилею от всех, кто принял участие в ее написании и издании. В ней наша благодарность и признательность ему не только за возвращение одного из любимейших и популярных жанров карачаево-балкарского искусства – народного танца, но и за тот пример редкого сочетания таланта, мужества и благородства, который он показал молодежи.

* * *

Карачаево-балкарские писатели и поэты, люди искусства и науки, детство и юность которых пришлись на годы войны и изгнания, заслуживают особой нашей благодарности. Более тринадцати лет прожили они на чужбине и все это время были лишены того, что естественно, как воздух, сопровождает жизнь любого человека от самого рождения до смерти. В основном сироты, они знали Родину только по рассказам старших. Вернувшись на Кавказ, они открывали ее, прежде всего, для себя. Впервые проходили они по протоптаным дедами и прадедами тропинкам, пили воду из заброшенных родников, касались руками шершавых каменных стен древних боевых башен, узнавали вкус кизила и барбариса... Многим из них приходилось заново осваивать родной язык, потому что привычней были киргизский, узбекский или казахский.

Но именно этому поколению выпало на долю возвратить народу его духовное богатство, которое на войне, в лагерях и в переселении неудержимо уходило вместе со старшими. Это они заново осваивали, восстанавливали и развивали то, что на государственном уровне было обречено на забвение: язык, историю, литературу, традиции, обряды, песни... Это они вернули нам все то, что определяет лицо народа, его душу. Упорные и любознательные, великие труженики, совсем еще молодые, они привыкли всего добиваться вопреки обстоятельствам и рассчитывать только на себя. На Родине, наконец, получив доступ к знаниям, они вышли на второе место по числу имеющих высшее образование на единицу населения среди народов огромной страны Советов. Из этих мальчишек и девчонок, перенесших страшные тяготы войны и депортации, выросли академики, доктора наук, генералы, герои труда, поэты и писатели, артисты... Об одном из выдающихся представителей этого поколения – Мухтаре Кудаеве, наш рассказ.

Глава первая

ВОЙНА

Мухтар родился 10 апреля 1938 года в крестьянской семье в селении Яникой. Его отец Чукай и юная семнадцатилетняя мать были счастливы: первенец, сын. Молодая семья росла. Одна за другой на свет появились две девочки. Отец и мать трудились, растили детей, радовались и огорчались, мечтали о будущем. Но мечтам этим не было суждено сбыться. В их мирную жизнь, как и в жизнь тысяч и миллионов людей в Европе и во всем мире, ворвалась Вторая мировая война.

О карачаево-балкарском народе можно с полным основанием сказать, что он единодушно поднялся на защиту Родины. По воспоминаниям людей, служивших в ту пору в Эльбрусском, Чегемском, Хуламо-Безенгиевском, Черекском районных военкоматах, от добровольцев, стремившихся попасть на фронт, не было отбоя. Среди них были и сотни мужчин, по различным причинам не подлежащих мобилизации. В военкомат столицы Карачаевской автономной области город Микоян-Шахар (ныне Карачаевск) только за один день поступило более 1000 заявлений от добровольцев. Многие завышали себе возраст, отказывались от брони, настаивали на отправке в действующую армию.

Огромную волну энтузиазма среди молодежи Балкарии, повлекшую вторичный наплыв добровольцев, вызвал приезд на Родину в отпуск односельчанина Мухтара,

летчика Алима Байсултанова. Ему первому из уроженцев Северного Кавказа была присвоена высшая награда страны – Звезда Героя Советского Союза. Красивый, добрый, эмоциональный, обладавший удивительной внутренней энергией и природной храбростью, он был влюблен в небо. В первые дни войны Алим пережил потрясение от открывшейся перед ним страшной картины народных страданий. Плавающие села, обездоленные люди, плачущие беспомощные дети и старики... Теперь Алим, в свои двадцать три года, был полон одним устремлением – защитить этих женщин, детей, стариков от бедствий войны. Его самоотверженность, отвага и мужество поражали даже сослуживцев, далеко не обделенных этими качествами. Соколом Балтики прозвали они его. А для своего народа Алим навсегда стал символом воина – защитника Родины. Его гибель в холодных водах далекого северного моря была воспринята каждой балкарской семьей как личная потеря.

Помимо Байсултанова за мужество и храбрость еще двенадцать балкарцев были представлены к званию Героя Советского Союза, но не получили его, как представители репрессированного народа. Вот их имена: М. Залиханов, К. Зокаев, Ш. Кудаяев, А. Кучмезов, Х. Настаев, Д. Османов, Ю. Теммоев, М. Уммаев, С. Черкесов, М. Цакоев, З. Этезов, К. Эльсуеров. Только один из них, Мухажир Уммаев, получил эту награду в 1990 году. Награда для него была посмертной.

Аналогичная ситуация сложилась и с героями-карачаевцами. В 1943 году звание Героя за форсирование Днепра было присвоено танкисту Харуну Богатыреву. О его мужестве корреспондент газеты «Известия» писал с восхищением: «Он не верит смерти и обманывает ее на каждом шагу. В двадцати двух местах его тело пробито осколками...». В 1965 году уже посмертно Звездой Героя был награжден Осман Касаев.

Карачаевцам удалось частично восстановить справедливость: из 25 представленных к званию Героя Советского Союза 9 получили в 1995 году Звезду Героя Российской Федерации, многие уже посмертно. Мотивировалось это тем, что в нынешней России не практикуется вручение советских наград. В мае 2005 года в Черкесске открыта Аллея Героев, на которой установлены бюсты 30 уроженцев республики, удостоенных звания Героев Советского Союза и России. Среди них 11 карачаевцев: Х. Богатырев, Х. Баданов, С.-Х. Биджиев, М. Гербеков, Н. Голаев, А. Исаев, Ю. Каракетов, О. Касаев, Д. Узденов, К. Хаиркизов, Х. Чочуев.

Решение вопроса о награждении воинов-балкарцев, не получивших награду из-за национальной принадлежности, затянулось на долгие годы. Впервые необходимость восстановления справедливости в их отношении была высказана в речи академика М. Ч. Залиханова на I съезде народных депутатов СССР. Но только в 2005 году, в преддверии 60-летия Победы, был получен допуск к документам в военном архиве в городе Подольске. К сожалению, началась эта работа слишком поздно. Из 31 миллиона дел осталось только 17, остальные были уничтожены в связи с истечением шестидесятилетнего срока хранения. Это свело возможность отыскания нужных материалов почти к нулю. Долгие и кропотливые поиски увенчались успехом частично: еще трое балкарцев (Дадаш Османов – посмертно, Мустафа Цакоев и Магомед Залиханов) получили «командирские» ордена Александра Невского, к которым были представлены в годы войны. Этот орден, как и орден Суворова, был учрежден в 1942 году «для награждения командиров Красной Армии за выдающиеся заслуги в организации и руководстве боевыми операциями и за достигнутые в результате этих операций успехи в боях за Родину».

Воевать можно по долгу и по принуждению. Государство обладает множеством возможностей принудить чело-

века принимать участие в действиях, которые ему чужды и даже противны его душе. Но совершать подвиги, потрясающие своим героизмом и самоотверженностью, твердостью человеческого духа, не может заставить никто. Такими примерами изобилует история участия сыновей карачаево-балкарского народа в прошедшей войне. Так сражаться можно только за то, что ты искренно любишь и чем дорожишь безмерно – за Родину. Страна Советов и была для карачаево-балкарцев Родиной. В годы войны, по разным источникам, тридцать девять сыновей Карачая и Балкарии, то есть один на каждые семьсот мобилизованных, были представлены к званию Героя Советского Союза. Тринадцать из них – один на каждые две тысячи, получили заслуженную награду. Двадцать шесть не получили ее из-за национальной принадлежности, так как к моменту представления их народ уже был депортирован. Это был массовый героизм. Если бы карачаевцы со 2 ноября 1943 года, а балкарцы с 8 марта 1944 года не считались снятыми с фронтов, эта цифра была бы намного выше.

Тем не менее, большинство карачаево-балкарцев продолжали сражаться и погибать, но к наградам не представлялись. Даже в самые победные два последних года войны, когда ордена и медали выдавались щедро, их подвиги умалчивались. Так, 9 мая 1944 года Ажу Канаматов с боевыми товарищами прорвал оборону врага и лично водрузил в Севастополе красный флаг. Всех участников прорыва представили к званию Героя Советского Союза, и они его получили – все, кроме Канаматова. Подобных примеров можно привести множество. Но были и такие командиры, которые, несмотря на запреты, с риском для себя, идя на открытый подлог, выдвигали их на награду как представителей других народов. По словам историка Назира Будаева, занимавшегося поиском документов в Подольске, большая часть балкарцев была представлена

как кабардинцы, осетины, русские. Так, например, Этезов Зекерья Сулейменович, уроженец горного аула Герхожан, чья боевая биография – летопись героических подвигов, значился как Этезов Захар Николаевич, русский.

Бесстрастная статистика приводит к следующим ошеломляющим выводам. От немногочисленного карачаево-балкарского народа было мобилизовано свыше 28 тысяч человек (по другим данным, 30 600 человек). Каждый второй из призванных сложил голову, защищая Родину. Из 88 тысяч карачаевцев на фронт ушло 15 600 человек. От 52-тысячного балкарского народа на фронт было призвано свыше 12 тысяч человек (по другим источникам 15 тысяч). Для балкарского народа мобилизация была тотальной. Под ружье были поставлены все мужчины, способные держать в руках оружие. У въезда в селение Кенделен стоит памятник работы талантливого скульптора Хамзата Крымшамхалова. В народе его прозвали «скорбящим горцем». Без преувеличения – это лучшая скульптура в республике. В тяжелой бурке, спадающей до земли, горской папахе и башлыке стоит мужчина, суровое лицо его печально и задумчиво. Место для памятника выбрано не случайно – только из одного Кенделена на фронтах Великой Отечественной погибло более 800 мужчин.

Но все эти факты открылись позднее. А в ту пору подвиги воинов, их самоотверженность, верность советской родине и отвага не спасли карачаево-балкарский народ от страшного несчастья: насильственной депортации на Восток страны. С тех пор миновало более полувека. За последнее десятилетие издано множество материалов и исследований по этой теме, но люди, особенно молодежь, продолжают задавать вопрос: «За что?»

Глава вторая

ЗА ЧТО?

С древних времен известно наказание, страшившее людей больше, чем казнь. Называлось оно – изгнание. Многие предпочитали ему добровольную смерть.

В Советском Союзе изгнание с родной земли стало звеном в системе воспитания «нового человека». «Провинившихся» перед властью отправляли в ссылку. Это были отдельные лица и целые категории людей: политические противники, раскулаченные, духовенство... В годы Великой Отечественной войны без доказательств вины высылке подверглись целые народы – свыше двух миллионов трехсот тысяч человек.

В ноябре 1943 года было положено начало поголовному переселению «народов-предателей» Северного Кавказа. Первыми в течение 2–4 ноября были высланы карачаевцы – 69 267 человек, в том числе 12 500 стариков и подростков, 19 444 женщины, 36 670 детей были погружены в товарные вагоны и отправлены на восток. Затем последовали чеченцы, ингуши, калмыки... Восьмого марта 1944 года были изгнаны с родной земли без указания срока выселения 37 873 балкарца. Среди них дети составляли 52 %, женщины – 30 %, старики и подростки – 18 %. Эти цифры и приведенные ранее категорически и однозначно отмечают главное и основное обвинение, заключавшееся в том, что во время оккупации часть карачаево-балкарского населения «проявляла враждебное

отношение к Советской власти», другими словами встала на сторону врага. Нелепость подобного обвинения очевидна, так как все боеспособное население находилось в действующей армии, а отцы и матери никак не могли желать поражения своим детям. Следует подчеркнуть, что дезертирство из армии среди карачаево-балкарцев было столь единичным, что даже не упоминалось в справках, скрупулезно составленных правоохранительными органами. Из всех обвинений в их адрес имело под собой реальную почву одно: попытка к объединению Балкарии и Карачая в единую Карачаево-Балкарскую область с центром в Кисловодске, древней столице Карачая, которая была предпринята в период оккупации. Это вековечное стремление, вызванное искусственным расчленением на две части одного народа с единой историей, культурой, языком, было естественным. Вряд ли можно назвать его преступным.

Каковы же были истинные причины, повлекшие за собой депортацию карачаево-балкарского народа? Ответ на этот вопрос необходимо искать в прошлом, в политике царской России на Кавказе, делившей его народы на «благонадежных» и «неблагонадежных». Относительно тюркских народов, к которым относятся карачаево-балкарцы, она всегда строилась на недоверии. Память об их мощи и воинственности, многочисленность (они и прежде и сегодня вторые по численности среди народов страны) настораживала. Если плохо завуалированный сепаратизм и самовозвеличивание менее многочисленных этносов не вызывали тревоги и к ним относились снисходительно, то обычное проявление любви к своему народу, интереса к его истории и культуре представителей тюркских народов тут же влекло за собой обвинение в национализме. За обвинением следовала расправа, порой кровавая. Призрак пантюркизма пугал власть Российской империи не менее, чем Европу призрак коммунизма.

При этом сама идея пантюркизма (объединение турок и тюркского населения России в единое государство) была надуманной, привнесенной в тюркскую среду извне. Ее бесперспективность осознавали и обосновывали многие. Но, тем не менее, она при необходимости использовалась для оправдания действий, направленных против тюрков. Подливали масла в огонь и ученые. Так, например, Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938) ученый-языковед, историк, основатель теории евразийства, в статье «О народах Кавказа» писал:

*«Кумыкский язык является «международным» языком почти всего Северного Кавказа (от Каспийского моря до Кабарды включительно), азербайджанский господствует в большей части Закавказья (кроме Черноморского побережья) и, кроме того, в Турецкой Армении, Курдистане и Северной Персии. Оба эти языка тюркские. Надо иметь в виду, что при интенсификации экономической жизни пользование «международными» языками приобретает такое значение, что вытесняет туземные языки: многие аулы южных округов Дагестана уже совершенно «обазербайджанились». Вряд ли в интересах России допускать такую тюркизацию Дагестана. Ведь если весь Дагестан тюркизируется, то получится **сплошная масса тюрков от Казани до Анатолии и Северной Персии**, что создаст самые благоприятные условия для развития пантуранских идей с сепаратистским, русофобским уклоном. Дагестан должен быть использован как естественный барьер на пути тюркизации этой части Евразии».*

Далее следует совет признать официальными языками нетюркские языки Дагестана (аварский и кюринский), поощрять развитие литературы и прессы на этих языках, ввести их во все низшие школы, т. е. искусственно изменить сложившуюся исторически ситуацию. Такое предвзятое отношение и последовательная государс-

твенная политика губительно сказывались на развитии культуры и языка, самоощущении тюркских народов не только Кавказа, но и Российской империи, а позднее и Советского Союза.

Имело ли это недоверие к тюркским народам и обвинение их в русофобии под собой реальную почву? Нет. Ученые вводили политиков в заблуждение, так как для выработки подобного рода рекомендаций необходимо было глубокое знание не только истории народа, но и его психологии, традиций, обычаев, верований и т. д. А такими знаниями они не обладали. Посему все эти факторы не учитывались. В том числе один главнейший и основополагающий – тюрки, в первую очередь, государственники и они всегда верны стране, в составе которой находятся. Почитание государства и обеспечение его сохранности – основа официальной идеологии тюрков на протяжении всей истории. В их среде считалось, что государство создается по воле Бога, Тенгри, а потому оно является священным и вечным. Преданность, верность этой идее проникли в тюркское общество и укоренились в нем еще в глубокой древности. Мете-хан, основатель Хуннского каганата, первой известной в письменной истории державы восточных (азиатских) тюрков, говорил: «Земля – основа государства! Она дана каждому народу Великим Тенгри... Есть земля – есть народ и это значит, что можно создать государство». Эти слова были произнесены им две тысячи двести лет назад, когда многие народы только объединялись в родовые союзы. И это были не только слова – он создал страну, сумевшую противостоять могучему Китаю, более того, соперничавшую с ним за доминирование в Азии. Тот же Трубецкой отдавал должное приверженности тюрков государству, причем отмечал, что оно свойственно не только верхам, правящему классу, но и всему народу. Он писал: «Беспрекословное подчинение есть основа туранской государственности,

но оно идет, как и все в туранском мышлении, последовательно, до конца и распространяется, в идее, и на самого верховного правителя...», т. е. и правитель, как и все граждане страны, должен беспрекословно подчиняться государству, блюсти его законы и интересы.

На юбилее Кайсына Кулиева писатели и поэты, прибывшие из самых различных регионов Российской Федерации и стран СНГ, были поражены тем, что балкарские старики неизменно, даже на семейных торжествах, начинают свои тосты с пожелания процветания государству, здоровья и мудрости его правителям. Гости признавались, что, несмотря на свои частые поездки по стране, им **впервые** пришлось столкнуться с таким явлением.

На протяжении своей многовековой истории тюркские народы вынесли богатейший опыт проживания в многонациональных государствах. Их толерантность широко известна. Она единодушно отмечалась путешественниками, историками, купцами, посещавшими тюркские страны. Многонациональными были и Гуннская империя Аттилы, и Великая Булгария хана Кубрата, и Хазарский каганат, и Аланское царство, и Золотая Орда, и Казанское ханство, и Османская империя. Ни одно из них не распалось в результате национального сепаратизма. Из ближайшей истории можно привести как пример построения толерантных отношений Татарстан, Башкирию, Чувашию, Казахстан... Если в Казани строится мечеть, то рядом возводятся церковь и синагога. Столица Азербайджана Баку была и остается самой многонациональной и русскоговорящей из всех столиц Закавказья. Тот, кто проживал там, вспоминает об этом городе с неизбывной ностальгией. В период Отечественной войны все тюркские народы, в том числе и карачаево-балкарцы, напряженным трудом и героическими подвигами на фронте и в тылу в полной мере проявили свою преданность государству. Республики Средней Азии и Казахстана дали

приют тысячам эвакуированных, беженцев со всех уголков разоренной страны, делили с ними нелегкий кусок хлеба в голодные годы войны. Целые народы и отдельные российские семьи остались в долгу перед ними за свои спасенные жизни. Казалось бы, все это, а также позиция руководителей тюркских республик России, остановивших неизбежный развал страны в девяностые годы, должны были развеять миф о неблагонадежности тюркских народов, но стереотипы живучи.

Помимо вышеизложенного, одной из существенных причин выселения карачаево-балкарцев являлась внешнеполитическая ситуация того времени. В начале сороковых годов Россия готовилась к боевым действиям в южном направлении, т.е. к войне с Турцией, в связи с чем генштабом СССР были высказаны опасения, что мусульманские и тюркские народы Кавказа «могут стать занозой в чувствительном месте военной машины». Принятие против них «особых мер» объявлялось стратегически целесообразным, в том числе и депортация «неблагонадежных» народов. По этому поводу А. Некрич, автор книги «Наказанные народы», пишет: «С полным основанием можно рассматривать депортацию 1943–1944 гг. как составную часть внешней политики СССР: едва окончилась война, как от Турции было потребовано возвращение Карса, Ардагана и других земель, отошедших к ней после Первой мировой войны. На случай вооруженного конфликта с Турцией приграничная зона уже была очищена от «неблагонадежных» мусульманских народов Кавказа и Крыма». По его же утверждению, немаловажную роль сыграло то, что высшее турецкое руководство не раз подчеркивало в беседах с гитлеровскими дипломатами свое сочувствие «судьбе тюркских народов» Советского Союза. «Эта заинтересованность была затем использована советским правительством для обвинения ряда народов в измене. Эти несчастные народы неожиданно узнали, что

они являются вражеской агентурой», – пишет Некрич. Одним из этих народов были и карачаево-балкарцы.

В последнее время, по мере раскрытия новых страниц нашей старой истории, все чаще и настойчивей озвучивается мнение, что акция переселения северокавказских народов (балкарцев, карачаевцев, ингушей, чеченцев) преследовала одну цель – «очищение» Кавказа от древнейших насельников, иными словами, хозяев этих земель.

Но помимо общей политики на Кавказе переселение карачаево-балкарского народа сделали неизбежным и другие – «внутренние» факторы. Говорить о них – это значит искать ответ на вопрос: «Кто же был инициатором и кто ответственен за принятие решения о высылке карачаево-балкарского народа?». Иными словами, кто обрек тысячи людей на смерть и страдания?

При ведении следствия по раскрытию преступления опытные следователи ищут того, кому оно было выгодно. К сожалению, выгода – основной мотив поступков не только преступников, но и правителей. Кому же была выгодна депортация карачаево-балкарцев?

Горные массивы, плодородные долины, альпийские луга, прозрачные лечебные нарзановые источники, богатые полезные ископаемые, разнообразный растительный и животный мир и, прежде всего, несравненная красота Приэльбрусья – все это делает Балкарию и Карачай красивейшим уголком Земли. У многих тысяч людей посещение его остается в памяти как одно из самых незабываемых мгновений жизни. «Трудно себе представить что-нибудь живописнее и грандиознее», «Глубоко пораженный, в немом восхищении озирался я кругом! Гриндельвальд, Цермат, Шамуни – пустые призраки, слабые копии, детские наивные пародии горной природы! Настоящее величие, потрясающее человека до глубочайших фибр души, – вот оно, в этом непередаваемом амфитеатре прекрасном! Ничего подобного мне не случалось видеть до сих пор!»... – так

наперебой восхищались путешественники, ученые и горовосходители Балкарией и Карачаем.

Издавна эта прекрасная земля притягивала к себе завистливые взоры. Вызывают недоумение заявления некоторых историков о том, что в горы были *загнаны* остатки разбитых Тамерланом аланов. И якобы от этих «остатков» пошли карачаево-балкарцы. Наверное, эти авторы не бывали в Приэльбрусье, Чегеме, Безенги, Домбае, Теберде, Архызе... В такую красоту не «загоняют» – такую красоту отнимают. Долгие годы в жестоких сражениях и непрерывной борьбе предки карачаево-балкарцев оставляли ее с оружием в руках от захватчиков и щедро, от всей души, делились ее красотой с гостями. Известны слова балкарского просветителя князя Исмаила Мырзакуловича Урусбиева, прославившегося на всю Европу своим хлебосольством: «Мы всегда рады гостям, в особенности таким, которые любят Кавказ». Но откровенная горечь слышится в словах искреннего друга карачаевского народа Николая Григорьевича Петрусевича, царского пристава в Карачае: «Вся беда вашего народа в том, что вы владеете такими прекрасными землями». Стремление отнять эти земли и было основной причиной депортации карачаево-балкарцев.

В последние годы в исследованиях историков Д. Шабаева, Р. Тебуева, Р. Хатуева, Х.-М. Сабанчиева, Н.Будаева и других дан объективный и глубокий анализ всех причин выселения нашего народа, открыто названы его виновники и, в первую очередь, Сталин и Берия, втайне стремившиеся к созданию «Великой Иверии – от моря до моря». Анализ их действий в тот период служит тому подтверждением. В годы войны им почти удалось осуществить свои намерения. В результате депортации народов Кавказа в состав Грузии была включена значительная часть земель четырех автономий Российской Федерации: Кабардино-Балкарии, Карачая, Чечено-Ингушетии, Се-

верной Осетии. Грузия и в самом деле стала приобретать очертания «Великой Иверии».

Планы Сталина и Берии были понятны и близки мечтам некоторых лидеров северокавказских областей и республик о расширении этнической территории своих народов за счет других, соседних. Война развязала им руки. Начался поиск путей претворения намерений в реальность – поиск предлога. В условиях войны найти его было не трудно. Положение карачаево-балкарского народа усугубило то, что Кабардино-Балкария и Карачаевская автономная область подверглись кратковременной оккупации врагом. Карачаевская автономная область с августа, а Кабардино-Балкария с ноября 1942 года, обе по январь 1943 года оказались под властью фашистов. Хотя, пожалуй, вопрос был бы решен и без оккупации, как в случае с ингушами, чеченцами, калмыками и другими народами. Карачаево-балкарцы были обвинены в «благожелательном отношении к врагам», т.е. в измене родине.

Одним из основных поводов для обвинения послужил провал партизанского движения в КБАССР и Ставропольском крае, в состав которого входил Карачай.

По решению руководства страны на территориях, которым угрожала оккупация, создавались партизанские отряды. До последней минуты партийные, советские и комсомольские работники были обязаны осуществлять власть на местах, а при приближении гитлеровцев, оставив населенные пункты, оказывать захватчикам вооруженное сопротивление. Отряды формировались заранее, их составы утверждались, приносилась партизанская клятва. Каждый знал свою должность в отряде и пункт сбора. Такое решение способствовало функционированию власти на местах до последней минуты. Безвластие привело бы к панике и хаосу.

Неприступные теснины Кавказских гор обеспечивали успех партизанской войне, которая должна была при-

нять затяжной и упорный характер. Однако партийные руководители Ставропольского края и КБАССР Михаил Суслов и Зубер Кумехов не справились с задачей организации партизанского движения на оккупированной территории. Более того, они отсиживались в тылу, за линией фронта. В выступлении министра внутренних дел КАССР Горшкова на 18-й Кабардинской областной партийной конференции 26–28 декабря 1946 года, уже после выселения балкарцев, была дана следующая оценка роли руководителей Кабардино-Балкарии в тот период: «Они, а вместе с ними и другие, с позволения сказать, активисты, вместо того, чтобы организовать сопротивление немцам, создавать партизанские отряды, – поддались панике, проявили трусость, граничащую с изменой, и, позорно спасая свои шкуры, бежали с территории республики, бросив на произвол судьбы дело руководства республики».

Когда бойцы Эльбрусского партизанского отряда, согласно приказу, с боями прорвались в Чегемское ущелье, на месте сбора республиканского объединенного отряда никого не оказалось. Эта горсточка верных партизанской клятве патриотов, среди которых были и четыре женщины, без специального снаряжения, прокладывая дорогу сквозь двухметровые завалы снега, перешли через перевал Бечо в Грузию. Последними покинули они занятую врагом родную землю. Но это тема для отдельного рассказа.

Позднее, на заседании Кабардинского обкома партии, было принято решение вычеркнуть эту героическую, но неудобную страницу из истории партизанского движения республики. Аргументом служили слова одного из партийных функционеров: «Нет балкарского народа – значит, не было и балкарского партизанского отряда». (Кстати, такое отношение к депортированным народам было повсеместным. С памятников соскабливались име-

на их представителей, населенные пункты переименовывались, история и материальная культура переименовывались и присваивались.) Но отрицать очевидное сложно. В 1985 году, когда вся страна праздновала сороковую годовщину Победы, удалось добиться справедливости, но, как всегда, она была частичной: только восьмерым из двадцати двух бойцов Эльбрусского отряда были вручены партизанские удостоверения.

Из-за некомпетентности, а возможно и элементарной трусости партийного руководства, партизанское движение не получило должного развития ни в Ставропольском крае, ни в Кабардино-Балкарии, хотя в это же время в Белоруссии, на Украине и даже далеких Чехословакии и Югославии действовали партизанские отряды и не только с участием, но и под командованием карачаево-балкарцев. Помимо того, что это были отважные и доблестные воины, все они обладали несомненным полководческим талантом. Первым из них следует назвать Османа Касаева. В августе 1941 года, пробиваясь из окружения к линии фронта, Осман со своим другом Михаилом Абрамовым организовал партизанский отряд, вскоре развернутый в мощный армейского типа полк, насчитывавший до 1300 штыков. Двум офицерам, оказавшимся в глубоком тылу врага, удалось создать не только боеспособную, но и прекрасно организованную, дисциплинированную часть. Этот полк контролировал всю территорию Могилевской области и наносил гитлеровцам удары, из-за которых те несли тяжелые потери в живой силе и технике. Мужество Касаева и его талант военачальника признавали даже враги. Комендант Могилева, немецкий генерал-майор Эрмансдорф писал: «Всюду агенты партизан. Особенно много их в Могилеве... В деревнях западнее Могилева обосновался 121-й краснопартизанский полк, о котором мы ранее доносили. Полком командует некий кавказец Осман – коварный, опытный в военном деле красный ко-

миссар. В сущности, мы контролируем только районные центры, а в селах укрепились партизаны. Против них необходимы крупные силы...». «Опытному в военном деле кавказцу» лейтенанту Касаеву в ту пору едва исполнилось 26 лет. Погиб Осман в 1944 году во время налета вражеской авиации на базу отряда. Он был похоронен на месте своего последнего боя у села Сермяженка. Партизаны не могли смириться со смертью своего любимого командира. Ими были созданы истребительные группы «Мечь за Османа», которые под этим лозунгом уничтожали фашистов и их технику. Признательность белорусов парню из далекого Карачая, отдавшему жизнь за их свободу, не знала границ. После освобождения Белоруссии они перезахоронили его в г. Могилеве. Село Сермяженка в его честь было переименовано в Касаевку, именем Османа названа улица города Минска, столицы Белоруссии, ему посвящены стихи и песни. О его мужестве и героизме белорусскими писателями написаны книги.

Махти Кульчаев, оказавшись на территории Белоруссии, стал одним из организаторов прославленной партизанской бригады «Буревестник» и ее бессменным партийным лидером. Он лично руководил 25 операциями и участвовал в 156 открытых лобовых атаках против фашистов. В партизанском движении Белоруссии активное участие принимали воины-балкарцы Хасан Османов, Сергей Курданов, Зейтун Гижгиев и другие.

В 1993 году на турбазе «Медовые водопады» под Кисловодском мы познакомились с Михаилом Чочуевым. Встреча запомнилась и не только тем, что Михаил сам по себе удивительно обаятельный, добрый и жизнерадостный человек, обладатель мощнейшей энергетики (излишки которой выплескиваются в занятия альпинизмом и рафтингом!), но и его рассказом о драматической судьбе своего отца. Позднее я ознакомилась с немногочисленными публикациями о Харуне Чочуеве. Все услышанное

и прочитанное привело к тому, что он стал близким и очень дорогим мне человеком – его мужество восхищало, а испытания, выпавшие на его долю, вызывали слезы. Старший лейтенант Красной армии Харун Чочуев, в свои двадцать три года уже успевший принять участие в финской войне, в 1942 году получил ранение и попал в плен. Организовав побег из концлагеря, вместе с пятью товарищами он оказался в горах Словакии, где создал партизанский отряд «Свобода». С декабря 1944-го по май 1945 года отряд под его командованием провел 95 боев и ни в одном не потерпел поражения. После освобождения Словакии старшему лейтенанту советской армии Х. Чочуеву было присвоено звание надпоручика Чехословацкой армии. Демобилизовавшись, Харун отыскал свою семью в Средней Азии. А вскоре был осужден за измену Родине в наказание за то, что находился в плену, и провел в лагерях почти десять лет. Вернулся домой, женился. В годы «оттепели» попытался добиться реабилитации, но получил отказ.

Несмотря на то что имел образование и опыт руководства, Харун был обречен всю жизнь быть чернорабочим. Тяжелее всего приходилось во время празднования Победы. Участников войны приглашали в школы, дарили цветы, чествовали на торжественных собраниях. В эти дни Харун ложился на кровать, отворачивался к стене и молчал.

Но его самоотверженность, личное мужество, воинское умение, бережное отношение к людям остались в благодарной памяти словацкого народа. О нем слагались легенды. Все эти годы его настойчиво разыскивали товарищи по оружию. В 1974 году в зарубежной почте журнала «Огонек» было опубликовано письмо Франтишека Немчака под заголовком «Словакия помнит». Немчак разыскивал командира партизанского отряда, в котором он воевал, надпоручика Чехословацкой армии Николая

Чочуева, «родом с Кавказа, из Кисловодска или Еревана, не помню...». Вскоре Харуна навел один из бойцов отряда. Встречу обставили следующим образом: без всяких объяснений причин Харуну было предложено надеть синий рабочий халат, вынести из подсобки в одном из кафе ящик пустых бутылок и, не глядя по сторонам, пройти с ним по залу. По усвоенной в лагере привычке, он механически исполнил указание, не ожидая ничего хорошего. Но вдруг один из сидящих за столом мужчин с возгласом «Командир!» бросился к нему. Это был боец отряда «Свобода» Антон Янец!.. Проверку затеяли те, кто не верил, что этот угрюмый, молчаливый плотник мог быть легендарным командиром, героем, способным повести за собой людей на смерть. Завязалась переписка. Но из 20 писем Харуна его словацкие друзья получили только 4. Вскоре он был приглашен в Прагу на торжества, посвященные Дню освобождения Чехословакии от фашистов. Харун получил разрешение на выезд. «Впервые я видел его улыбающимся, оживленным. Мы все готовили его к поездке как к празднику, купили костюм, сувениры друзьям... Но за несколько дней до отъезда ему запретили выезд», – рассказывал Михаил. Да, жизнь, вернее, власть, была к Харуну Чочуеву последовательно жестока. В 1987 году его не стало. Вскоре пришло письмо из Чехословакии: «С болью узнали о кончине дорогого нам человека Харуна Адамеевича Чочуева. Память о нем будет жить в сердцах наших соотечественников. Настоящим извещаем родных и близких покойного, что решением местной администрации от 5 февраля 1988 года центральная улица города Неслуши названа именем Харуна Адамеевича Чочуева». В 1995 году Харуну Чочуеву было посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации. Справедливость имеет привычку запаздывать, но никогда не бывает излишней или ненужной.

Сыновья карачаево-балкарского народа вписали множество блестящих страниц в историю партизанского движения Великой Отечественной войны. Рассказ об их героизме можно продолжить, но мы ограничимся словами президента Белоруссии Александра Лукашенко: «Мы помним поименно героических сыновей Карачая, мужественно сражавшихся с ненавистным врагом. Навечно в памяти народной останутся легендарные подвиги Османа Касаева, Кичибатыра Хаиркизова, Юнуса Каракетова и сотен их боевых друзей, которые отдали свои светлые жизни в борьбе за независимость Советской Белоруссии».

На родине дела обстояли иначе. Там шел поиск тех, кто должен был ответить за провал партизанского движения на оккупированной врагом территории. Весной 1943 года прокурор Карачаевской области С. И. Медведев сообщал своему товарищу по работе: «В крае работает комиссия в составе двух генералов и нескольких офицеров. Она расследует причины неудачного партизанского движения... Суслов, вероятно, будет арестован». Но ареста не последовало. В это время всесильный руководитель НКВД Лаврентий Берия сам находился в затруднительном положении. В 1943 году произошел перелом в ходе войны: советская армия одерживала одну победу за другой. Берия же, как член ГКО ответственный за оборону Кавказа, провалил поставленную перед ним задачу. Необходимо было срочно найти оправдание своей несостоятельности. Интересы Берии и Суслова сошлись, виновные были найдены, ими «назначили» карачаевцев, якобы «массово сотрудничавших с немцами». Участь карачаевского народа была решена.

Стараниями Берии и Суслова, с одобрения Сталина, в морозный, пасмурный день 2 ноября 1943 года карачаевский народ был изгнан с родной земли. Учкуланский и часть Микояновского района КАО были переданы Гру-

зинской ССР. Из них образовали новый Клухорский район Грузии. Столица области город Микоян-Шахар, переименованная в г. Клухори, стала центром этого района.

Тучи сгустились и над Балкарией. Зубер Кумехов, первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома партии, 23 февраля 1944 года подписал справку, в которой были преднамеренно представлены только негативные сведения, и замалчивалось все то, что касалось самоотверженного участия балкарского народа в борьбе с врагом, как на фронте, так и в тылу. В ней говорилось: «Несмотря на большую помощь Балкарии, оказывающуюся Советским правительством и партией, часть населения балкарских районов проявляла враждебное отношение к Советской власти... Приход фашистско-немецких войск в Балкарию **большинством** населения встречен доброжелательно». Справка заканчивалась следующим заключением: «Исходя из вышеизложенного, **считаем необходимым** решить вопрос о возможности переселения балкарцев за пределы КБАССР». Это был приговор.

В последний период все чаще звучит вопрос: «Что же побудило Кумехова стать участником бесчеловечной акции, лишившей один из народов республики Родины и обрекшей его на страдание и гибель?» Толкование дают разное. Одни считают, что, переложив вину на балкарцев, он пытался избежать наказания за свои действия, вернее, за трусливое бездействие в предоккупационный и оккупационный периоды; другие, что им двигал страх перед жестокой тоталитарной системой, уже принявшей решение; третьи, что им руководили конъюнктурные соображения – желание, угодив руководству, сохранить занимаемую должность; четвертые считают основным стимулом его действий расчет на то, что земли Балкарии отойдут Кабарде, и, прежде всего, Приэльбрусью. Возможно, все эти факторы имели место в совокупности. Но слу-

жат ли они ему оправданием?! Это каждый решает для себя сам.

В настоящее время появился целый ряд публикаций о депортации и реабилитации карачаево-балкарского народа. Некоторые из них оставляют тягостное впечатление. Наука подразумевает объективность исследователя, но не бездушие и жестокость. И всякие холодные рассуждения по поводу того, какова была роль Кумехова – второстепенной или главной, входит он в число инициаторов или простых участников акции, является ли депортация балкарцев актом геноцида или поездкой в чужезадельные страны с обязательным трудоустройством, демонстрируют полное отсутствие человечности в тех, кто ими занимается. Это как раз тот случай, когда необходимы не околонучные размышления, а простое человеческое сопереживание и сочувствие. Такое сочувствие, которое вызвала пьеса «Громовый гул», когда в девяностые годы мы, независимо от национальности, сидя в зале Кабардинского драматического театра, оплакивали судьбу черкесов, покидавших родину. Такое сопереживание принесло бы больше пользы. Порой приходишь к мысли, что ученые и политики не достойны тех народов, чью историю они пытаются писать и чьи интересы, по собственному мнению, представляют.

В начале девяностых годов на многотысячном траурном митинге, посвященном депортации балкарского народа, письмо Кумехова впервые было предано гласности. Потрясение было столь сильным, что в тот день не прозвучало ни одного слова осуждения или проклятия. Над стадионом повисло тяжелое молчание.

Поминальная молитва о жертвах депортации. Траурный митинг на стадионе в г. Нальчике. 1994 г.

На следующий день сын Кумехова пришел в Национальный Совет балкарского народа и потребовал объяснений. Ему показали копию справки, подписанной его отцом. По словам очевидцев, прочитав ее, он молча вышел из кабинета.

Как бы то ни было, но в результате политических интриг различных группировок карачаево-балкарский народ был изгнан с родной земли, а его территория, сопредельная с Грузией, в том числе и вождеденное Приэльбрусье, отошла к ней. Оставшиеся земли разделили между Ставропольским, Краснодарским краями и Кабардинской АССР. На долгих четырнадцать лет карачаево-балкарцы стали спецконтингентом со статусом «спецпереселенец». Власти цинично заверяли, что для них не предусматривается лишение каких-либо гражданских прав, за исключением одного права – выезда на «прежнее место проживания». Так отныне называлась для них далекая Родина.

Глава третья

ИЗГНАНИЕ. ДЕТСТВО

Ранним холодным утром 8 марта 1944 года балкарский народ покидал Родину. Вместе с матерью и сестренками был выслан из родного села в далекую Киргизию и Мухтар. На сборы дали 30 минут. Шестилетний мальчик, как и все его ровесники, запомнил этот день в общих чертах: солдаты, дорога, вагоны, мешок с початками кукурузы, слезы матери. Но четко остался в памяти солдат-татарин, который пытался помочь растерявшейся молодой женщине. (Мухтару вообще свойственно с благодарностью помнить всех, кто когда-либо помог ему словом или делом. Его краткие воспоминания, написанные по моей просьбе, превратились в длинный перечень людей, в чем-либо помогавших ему.)

Из воспоминаний Мухтара Кудаева:

Солдат увидел, что мать не может сосредоточиться и сообразить, что взять с собой. Он сказал ей: «Бери продукты и теплые вещи». Его совет помог нам выжить в дороге. Хотя она смогла взять немного, потому что на руках у нее была моя младшая сестра, которая все время плакала...

Балкарцам было немного, нет чуточку, легче, чем кара-чаевцам, которых депортировали вторыми после немцев Поволжья и первыми из народов Северного Кавказа. Но это «чуточку» выразилось в десятках сохраненных жизней. Последствия пропаганды, проведенной среди солдат

и офицеров частей НКВД, занятых в этой акции, сказались на карачаевцах в полном объеме. С ними обращались жестоко, как с врагами и предателями. И все же в народе сохранилась память о русском офицере, который, после того как пожилая карачаевка показала ему похоронки на всех своих сыновей, вышел в другую комнату и застрелился. В Балкарию эти же войска НКВД вошли уже после выселения карачаевцев, чеченцев и ингушей. И каждый раз вместо «врагов народа» перед ними оказывались беспомощные женщины, старики и старухи, дети, сыновья и отцы которых сражались в это время на фронте, а также демобилизованные инвалиды войны. Поэтому для многих солдат-энкавэдешников, способных думать и сопереживать, операция по депортации «наказанных» народов стала тяжелой обязанностью.

Как реагировали на происходящее те, кто веками жил рядом, с кем рождались, дружили, соседствовали... Вопрос этот задается часто. Ответ один, и он, на мой взгляд, единственно верный: «По-разному». А разве мы, сегодняшние, одинаково относимся к попавшим в беду современникам? Достаточно вспомнить ситуацию с чеченцами-беженцами. Одни оказывали им бескорыстную помощь, другие наживались на их беде. А отношение к коммунистам, евреям, цыганам во время войны? Грузины-сваны не хотели занимать опустевшие села Карачая и Балкарии. Только под жестким нажимом властей удалось частично заселить их. Сванов с балкарцами и карачаевцами связывали долгие века мирного соседства, дружбы и родства. Русская творческая интеллигенция, сама находившаяся под постоянным гнетом и угрозой репрессий, была полна сочувствия к изгнанникам. Борис Пастернак писал Кайсыну Кулиеву: «Не падайте духом, мужайтесь. Избавление придет обязательно, хотя я сам ждал, что оно наступит раньше». В эти годы карачаево-балкарская диаспора за рубежом делала все возможное для того, что-

бы привлечь внимание мирового сообщества к происходящему производству, облегчить положение изгнанников.

Мера сочувствия и сопереживания всегда зависела от наличия человечности и воображения у каждого конкретного человека. Товарищ моего отца, Аубекир Калибатов, заядлый охотник, рассказывал, что уже через несколько лет после выселения балкарцев он был на охоте в горах Балкарии с друзьями. Поднявшись на склон, они увидели вход в пещеру. Их глазам открылась страшная картина: у входа в пещеру с двух сторон лежали огромные скелеты собак, а внутри белела большая груда костей – овцы. «Мы поняли, что пастухов забрали, а верные пастушьи собаки остались сторожить и не выпустили отару, ждали хозяев. Умирая от голода, они не задрали ни одну овцу, – погибли и овцы, и собаки. Так плохо, как в тот день, мне не было никогда. Почему-то я только тогда осознал всю трагедию, постигшую балкарцев».

В 2003 году школьники нашей республики приняли участие во Всероссийском конкурсе, по условиям которого они должны были описать, как исторические события XX века отразились на судьбах их близких. Мне запомнилась работа девочки из соседнего с моим родным Кенделеном кабардинского селения Заюково. Она писала, что после выселения балкарцев ее бабушка ходила в Кенделен, обмазывала глиной и белила один из пустующих домов. Это был дом ее подруги Абдуллаевой Айшат. Все недоумевали и спрашивали: «Зачем тебе это нужно?», но она отвечала: «А как же иначе. Если за домом не ухаживать, он развалится, и когда они вернуться, им будет негде жить». Односельчане поражались ее упорству. И это продолжалось не год-два, а долгих 13 лет. Свой рассказ школьница завершает словами: «Моя бабушка еще не знала, что она сохраняет не только дом своей подруги, но и будущее семейное гнездо своей младшей дочери, потому что, когда балкарцы вернулись, моя тетя вышла замуж за

сына бабушкиной подруги». Вот такая незатейливая, но полная человечности история, оставившая глубокий след в сердце девочки.

Председатель Союза журналистов КБР Борис Мазихов, вспоминая о своем детстве, писал: «Когда я впервые услышал, как соседские старики Дзадзу Керефов и Мацу Князев говорят на непонятном мне языке, то спросил дома, что это за язык. Тогда мне объяснили, что они говорят по-балкарски. И сказали много добрых слов о неведомых мне балкарцах. О том, что они безвинно пострадали. Теперь я понимаю, насколько опасны были тогда эти разговоры. Между прочим, наши старики говорили хорошо на балкарском языке. Тогда же и моя бабушка, и другие люди часто говорили: «Как не стало балкарцев, так и берекета (берекет – изобилие (*кар.-балк.*) – Л. Ж.) не стало». Дело в том, что балкарцы поставляли к нам, на равнину, продукты животноводства и меняли их на кукурузу и пшеницу. Дорога, по которой шел этот поток продуктов, даже называлась «балкарской тропой».

Для большинства порядочных и честных людей выселение карачаево-балкарцев с родной земли было тяжелым потрясением. Но нашлись и те, кто в этот страшный час на подводах по обочинам дорог, мимо студебеккеров, забитых изгнанниками, спешили в обезлюдевшие балкарские селения. Совсем ребенком покидал Родину Таусо Биттиров, но и сегодня не переносит грохота колес пустой телеги по каменистым дорогам села. Этот грохот неизбежно возвращает его в тот черный день. Что поделаешь, во все времена мародеры сопутствовали войне.

Карачаево-балкарский народ с достоинством переносил испытания, обрушившиеся на всю огромную Советскую страну. Мужчины сражались, женщины трудились, помогали фронту. Но новая беда сломила многих. Что такое жить на чужбине, под произволом спецкомендатуры – известно каждому карачаево-балкарскому ребенку.

Обвинение в пособничестве фашистам, на основании которого был издан Указ о выселении, народ не воспринимал. Все осознавали его надуманность, никто не считал себя пособником немцев. А иначе и не могло быть, так как не было ни одной семьи, не проводившей на фронт мужа, сына или брата. Хажбий Мисиров, муж моей тети, работал в областном комитете партии и имел бронь. Он дважды письменно обращался к руководству, чтобы его направили в действующую армию, но друзья перехватывали его заявления. Лишь на третий раз его просьба была удовлетворена. Погиб Хажбий 4 марта 1944 года на Украине. Через четыре дня его жену, двух маленьких сыновей (младшего не довелось ему даже увидеть) и старую мать в товарных вагонах везли в далекий Казахстан. Там и постигла их страшная весть: «Ваш муж, гвардии капитан, политрук батальона, пал смертью храбрых...» Из четырех моих тетушек три – вдовы военных лет, а одна умерла в Средней Азии в первые месяцы, не выдержав тягот переселения. Я привожу примеры из своей семьи, но ситуация эта типична для всех карачаево-балкарских семей.

Просматривая республиканскую Книгу Памяти, испытываешь настоящую боль. Были матери карачаево-балкарки, за два-три года войны лишившиеся всех своих сыновей. У Бачиевой семеро, Кайтаевой шестеро сыновей, у Ургеновой, Согаевой и Макитовой – по пять остались на полях сражений, не дождалась четырех сыновей с войны Бечелова, всех четырех сыновей отняла война у Кагиевой, Газаевой и Геляховой, всех трех сыновей и мужа у Динаевой, трех сыновей у Жабоевой, Кучмезовой... Этому списку нет конца. Скорбная судьба досталась нашим женщинам. Отдав Родине самое дорогое – жизнь своих братьев, сыновей, мужей, они приняли горькую участь изгнанниц.

Этой участи не избежали и воины-фронтовики. Страшная весть о переселении народа настигала их неожиданно: на передовой, перед боем, в госпиталях. Магомед

Башиев вспоминал: «Во всей 51-й армии я знал только одного человека, с кем мог бы разделить свое горе. То был Кулиев. В это время ко мне он и приехал. Заруливает на «виллисе» и сразу ко мне. Радостный такой, сияет. Отошли подальше в поле и сели на травке. У меня с собой была фляга со спиртом, я налил ему и себе. Выпили, и я ему все рассказал. А он перебивает: «Не может быть, Магомед! Не может быть!» Долго мы с ним так сидели. Больше я офицера Кулиева не встречал, а Кулиева спецпереселенца видел много раз в столице Киргизии – Фрунзе». (И все же жизнь удивительна. Пережив ужасы депортации и вернувшись на Родину, Магомед стал министром в Правительстве Кабардино-Балкарской АССР, а Кайсын вошел в мировую поэзию как один из лучших поэтов двадцатого столетия.)

Чем дальше от нас годы войны, тем больше мы узнаем о героизме ее участников, проникаемся уважением к судьбам тех, кто с достоинством перенес ее тяготы. Но испытания, выпавшие на долю фронтовиков, из числа репрессированных народов, чрезмерны даже для того жестокого времени. Война, помимо ужасов и страданий, дает редчайшую возможность получить ответ на вопрос, которым задается каждый мужчина, иногда даже неосознанно: «Мужчина я или нет?». В мирное время многие уходят из жизни, так и не уяснив это для себя и, более того, вводя в заблуждение окружающих. Другое дело война... Здесь мужчина раскрывается сполна. Если высшее земное предназначение женщины – это родить и вырастить ребенка, то высшее предназначение мужчины – защитить родную землю, эту женщину и этого ребенка, оградить их от врагов и испытаний (кстати, не всегда это война). И проходя, как принято говорить, «через горнило войны», мужчина постигает предел своих возможностей – храбр он или трусоват, способен ли взять на себя ответственность, повести за собой... Но каково, выдержав все ис-

питания, получив ордена и признание товарищей, вернуться не домой, а на чужбину, отмечаться у коменданта, чаще всего какого-нибудь разжиревшего на вымогательствах тыловика, выпрашивать у него разрешение проведать больную мать, которая живет на другой стороне реки или дороги?! «Терпенье – вот, мой друг, оружие героя, коль выбито из рук оружие другое. Терпи, как пуля, сжатая в стволе. Терпи, как порох, спрятанный в земле», – писал Кайсын. Но и терпению есть предел. Пример тому судьба Героя Советского Союза гвардии старшего лейтенанта Мухажира Уммаева. Это был человек с мужественным сердцем и нежной душой. Храбрый офицер, талантливый поэт. К званию Героя он был представлен за участие в боях за освобождение Одессы. Его рота трижды отбила жестокий натиск фашистов, а затем была поднята Мухажиром в атаку и первой ворвалась в город. Что ж, не единичный случай – не было бы героев, не было бы побед. Но освободили Одессу 10 апреля 1944 года, ровно через месяц после изгнания балкарского народа с родной земли. Знал ли об этом Уммаев? Сохранились его стихи, которые он написал уже после демобилизации, побывав в опустевшем родном селе, в Верхней Балкарии.

...Аллахны, адамны танымагъан ит,
Ай, Сталин, сен ечюлгюн!..
Къарачай-малкъар халкъны не ючюн
Къызыл къум тюзге кечюрдюнг?!

Ачыу кюйдюрген ташлагъа эрий,
Жиляп-жарылып къалама.
«Къоркъма, биз энтта къайтырбыз бери», –
Дей, ташла сылай барама...

Собачий сын, Иблиса верный пес,
За что ты нам удар такой нанес? –
Сослал в Сибирь и в Азию на гибель,
Ах, Сталин, чтоб ты сам зачах и сгинул.

Я глажу камни, черные от горя,
И стонет кровь, и сердце в клочья рвется,
Но говорю я им, с бедою споря:
«Не бойтесь, к вам народ ваш вновь вернется».

Перевод М. Табаксоева

Жизнь Уммаеву выпала короткая – всего 26 лет, из них 4 года он был солдатом, 2 последних – спецпереселенцем. Все его тело покрывали шрамы от ран, а грудь – медали и ордена. Здоровье было потеряно, но молодость брала свое: Мухажир полюбил, писал возлюбленной стихи, строил дом, готовился к свадьбе. Но однажды не выдержал и избил коменданта. Бил долго и жестоко. С «нервными» окопными офицерами-спецпереселенцами такое иногда случалось. Майор-балкарец в Акмолинске разрядил пистолет в младшего лейтенанта, попытавшегося сорвать с него погоны... И это были не единичные случаи. Кто его знает, какая расплата ждала Уммаева. Но в тот же день у него открылась рана в легком, в котором засел осколок. Кровь не смогли остановить... Звезду Героя его родные получили через 46 лет.

Всю долгую дорогу на восток людям казалось, что сейчас там, «наверху», разберутся, последует извинение, и эшелоны повернут обратно, на Кавказ. Народ все еще верил в справедливость. Но ждать ее пришлось долгих 13 лет, а извинения – 45. Четырнадцатого ноября 1989 года Верховный Совет СССР признал депортацию балкарцев преступлением против человечности. В 1994 году Президент РФ Б. Н. Ельцин в своем специальном обращении принес балкарскому народу официальные извинения. Но объяснение происшедшему ищут по сию пору.

Для современников же событий оно не требовалось. Чувства и страдания народа, его понимание происходящего выразил великий старец Кязим Мечиев, поэт, философ и гуманист:

Главный так решил. В чужие дали
Повелед переселить народ.
Разве виноватых здесь искали?
Не было в веках таких невзгод!
Губит нас *корысти* вражьей сила.
Суд неправый и не жди добра,

И к земле невинных придавила
Наговоров темная гора.
Стала жизнь, как рубище, дырява,
Сделалась безвкусною еда,
Беды – и налево и направо,
Нищие, уходим в никуда.

Корысть, наговоры и неправый суд... Вернее не скажешь.

Из воспоминаний моей матери:

«Мы останавливались на полустанках, выносили мертвых, укутанных в саван, и оставляли их на обочинах. Мимо шли составы. Все верили, сейчас этот абсурд, этот кошмар закончится, и нас повернут назад. Но чем дальше нас везли, тем меньше оставалось той веры. Однажды я увидела офицера. Он сидел на ступеньках вагона и смотрел вдаль, в степь. Лицо бледное, уставшее, видно, что после госпиталя, на груди ордена. Это был удивительно красивый человек, офицерская одежда сидела на нем так, как будто он в ней родился. В нем было что-то такое знакомое, что я, не сдержавшись, спросила: «Ты кто?» Он взглянул на меня серыми, как пепел глазами и ответил: «Нохчи, сестра». («Нохчи» – самоназвание чеченцев. – Л.Ж.) Больше мы не сказали друг другу ни слова. Его поезд тронулся раньше нашего. Уже позднее я поняла – знакомыми были боль и обида в его глазах, они были в глазах у всех, кто ехал в нашем составе. Вот тогда мне почему-то стало по-настоящему страшно. Внутри, казалось, все окаменело.

И все равно теплилась надежда. У каждого она умирала по-своему. У меня это было так. Однажды ранним утром нас в очередной раз остановили в степи. Рассвет в горах наступает неспешно: сначала розовеет один склон горы, потом свет постепенно заполняет ущелье. Поют птицы, шелестит листва. Солнечные лучи принимаются медленно согреть землю... Здесь же огромный желтый диск солнца стремительно поднимался над горизонтом и заливал нестерпимым жаром все вокруг. А вокруг – только необозримая, бескрайняя равнина. Как и большинство наших женщин, дальше Нальчика я нигде не бывала, за исключением эвакуопункта в Беслане, когда мужчин забирали на фронт. Вдруг мимо проехала женщина. На голове у нее был намотан большой белый тюрбан. Желтоватое лицо с узкими глазами невозмутимо. Во рту дымилась трубка. Ослик, на котором она сидела, бойко перебирал ножками по глинистой степной дороге. Об азиатских народах, их обычаях мы тогда практически ничего не знали; женщину на осла в давние времена у нас сажали в наказание за прелюбодеяние; курение было несчастным даже среди мужчин. Здесь же все было иначе. Это было выше моего понимания. Только тогда ко мне пришло осознание того, в какую неведомую даль нас забросили. И я зарыдала.

Из воспоминаний Мухтара Кудаяева:

«Около месяца длился этот путь в неизвестность. Наконец, на какой-то станции нас высадили. Председатели колхозов, руководители хозяйств распределили нас по бричкам и повезли. Они старались забирать тех, кто годился для работы, в нашей же семье были только мать и трое маленьких детей. Мы попали в город Токмак, в Киргизии. Расположен он был на равнине, далеко от гор, жара невыносимая, деревья – белые тополя, почти не дающие тени. Запомнилась старинная, древняя башня, окруженная оборонительными валами. Мы с мальчишками

поднимались на нее с риском для жизни. Рядом раскинул-ся колхозный сад, в который мы забирались и набирали яблук. За это нас строго наказывали. То, что на родине воспринималось бы старшими как ребячья забава, вдали от нее было серьезным проступком: матери боялись, что на чужой земле и без отцов мы отобьемся от рук».

«Не было в веках таких невзгод». Мухтар видел, как вокруг умирали люди – от тоски, голода, непривычного климата и каторжного труда. А главное – от несправедливости всего происходящего. Ощущать себя частью огромной страны, делить с нею все тяготы и испытания и быть преданными ею... Первый из трех микроинфарктов случился с моим отцом в 30 лет. Увидев под брезентом целый ряд детских ног, он откинул его край и узнал жену погибшего на фронте друга и его пятерых детей. Они умерли от голода. У балкарцев есть такое выражение: «разбитое сердце». Там, где русский скажет: «Это просто убило его, сразило наповал», балкарец скажет: «Это разбило его сердце». Так и сердце моего отца разбилось в тот день – с ним случился инфаркт.

Люди не выдерживали. В марте 1945 года умер на чужбине Кязим. Но чудо – сохранились его стихи, созданные в последний год жизни. Не опубликованные на бумаге, они остались в памяти и душе народа. Что же говорил своему народу в это страшное время Поэт, какие находил он слова утешения, к чему призывал? С волнением вчитываешься в кязимовские строки, звучащие как завещание: «Свой народ прошу – с бедою споря, жить работой, почитая труд, совести не забывать и в горе...», «честный труд – спаситель наш сегодня...», «На скачках проверяют скакуна. Пройдем же сквозь хулу и сквозь проклятья. От горя, как от скверного вина, не обезумьте – к вам взываю, братья!», «вы ненависти в сердце не копите...», «Пока нам хватит силы быть **людьми**, мы на земле останемся **народом**», «Да, вы-

держат такое нелегко. Не выдержать – покрыть себя позором»... Так, *Словом* пытался умирающий Поэт поддержать в народе его волю к жизни. Но многие не выдерживали.

Из справки МВД Киргизской ССР:

«Переселение проходило в осенне-зимний период 1943–1944 годов. Большинство переселенцев были плохо обеспечены одеждой и обувью. Скученность в вагонах привела к вспышке сыпного тифа в пути. После прибытия в места расселения в результате неудовлетворительных бытовых условий, а также резкого изменения климатических условий и неприспособленности к местным условиям эпидемические заболевания получили массовое распространение, вызвали большую смертность среди переселенцев. ...максимальная смертность имела место в 1944-м и в первом полугодии 1945 года. В первый год значительная часть спецпереселенцев была спровоцирована ложными слухами о скором возвращении переселенцев на Кавказ, в результате чего люди не устраивали свою жизнь и на 1945 год остались без посевов».

Из справки о рождаемости и смертности спецпереселенцев, составленной в МВД СССР 28 июля 1951 года, видно, каковы были масштабы смертности среди депортированных с Северного Кавказа. До 1948 года шло их прямое вымирание. В первые два года умер каждый третий спецпереселенец. От голода умерли мать, два брата героя войны Алима Байсултанова. Умерла маленькая двухлетняя сестренка Мухтара. Промучившись на чужбине ровно год, 8 марта 1945 года, ушла из жизни мать. Ей было 24 года, ему семь. У него не осталось даже ее фотографии. Между ним и миром исчезла защитная преграда, которую воздвигает для нас родительская любовь. Разве не в ней и в зрелые годы мы черпаем жизненные силы?

Мухтар остался один. Нужда, голод, безысходность. Но рядом – добрые люди. Чаще всего родичи. К счастью, в

трудное время они всегда рядом: дяди, тети, племянники... И сегодня эта традиция жива.

Из воспоминаний Мухтара Кудаяева:

«Я воспитывался у Софьи Мирзоевой, урожденной Гелястановой, двоюродной сестры матери. Ее муж и четверо братьев были репрессированы еще в 30-е годы во время гонений на духовенство. Мне она была еще и молочной матерью. У нее было шестеро своих детей. Жили мы бедно. Ей приходилось очень трудно. По воскресеньям мы с ней ездили на базар, продавали все, что покупалось. Продали даже ее серебряный пояс и нагрудник, которые из века в век, из поколения в поколение передавались у нас от матери к дочери. Она очень переживала, но выхода не было – продуктов не хватало. Тетя делала нам кашу из листьев бадана и крапивы. Очень вырочала сахарная свекла, ее варили и ели».

В нашей семье как ценнейшая реликвия хранятся две вещи: красивая керосиновая лампа из тонкого фарфора, которую из Нартсаны (нынешний Кисловодск) привез бабушке с ярмарки мой дед, и маленький стеклянный молочник, память о моем дяде, единственном брате матери. К тому времени их обоих уже не было. Один умер от тифа в Гражданскую войну, другой ушел под лед в лагере, на лесоповале в далекой Кандалакше, куда был сослан как сын коннозаводчика, хотя остался без отца в шесть лет. Во время долгих переездов каким-то чудом сохранились и лампа, и молочник. Это большая удача. Во многих карачаево-балкарских семьях не осталось ничего, напоминающего о прежней жизни. Все, что накапливается и передается, приумножаясь, от поколения к поколению, от отца сыну, от деда внуку, было утеряно. В течение пятнадцати лет балкарцам и карачаевцам пришлось дважды начинать свою жизнь с «нуля». В тяжелые минуты каждый из нас должен стыдиться своего малодушия, помня о тех непомерных испытаниях, которые выпали на долю старшего поколения.

Глава четвертая

ЮНОСТЬ. УЧЕБА

В Киргизии, в селении Дон-Арык, а затем в Пишпеке прошли детство и юность Мухтара. Очень рано он привык полагаться только на себя. В школу пошел позже своих ровесников, в 1949 году. За один год окончил первый и второй классы, перешел в третий.

Из воспоминаний Мухтара Кудаяева:

«Я одевался очень бедно, ходил в старом пальто, не снимая его. Девочки шарахались от меня, поэтому я старался учиться лучше других и отличиться хотя бы этим. Занимался прилежно, получал одни пятерки. Как и многие мальчишки в ту пору, мечтал стать офицером. У меня даже кличка была «офицер», но им я не стал. После окончания семи классов, когда я попытался поступить в Ташкентское пехотное училище (Мухтар и сегодня дословно помнит вопросы экзаменаторов и свои ответы на них. – А.Ж.), старший экзаменатор увлеченно беседовал со мной, но потом, узнав, что я из спецпереселенцев, виновато сказал: «Сынок! Мы не сможем тебя принять». Услышав это ласковое «сынок», я уже понял, что мне откажут».

В одну из наших нечастых встреч поэт Салих Гуртуев разоткровенничался. В школе, в старших классах мальчикам-спецпереселенцам стали раздавать ботинки. Они были удивительно хороши. На толстой подошве, прочные,

с металлическими бляшками. И как же ему хотелось их получить! Учитель предложил снять обувь и примерить ботинки, но Салих наотрез отказался разуваться. Учитель настаивал, сердился на его непонятное упрямство, но обувь он так и не снял. «На мне были разношенные, мокрые, с прохудившейся подошвой туфли, обут я был на босу ногу, потому что носков у меня не было. Разуться при всех было выше моих сил. Весь класс смотрел на меня. Такого стыда и унижения я не испытывал никогда». Передо мной сидел в элегантном костюме, начищенных до блеска дорогих туфель известный поэт, властный и напористый человек, а на лице его проступала краска того давнего, мальчишеского стыда. А ведь говорил он о времени, когда тысячи бездомных и нищих бродили по разбитым дорогам разоренной, измученной страны. В этот момент мне вспомнились слова старших о том, что в нашем народе никогда не было просящих подаяния.

В 1950 году вернулся из лагеря отец Мухтара. Судьба ему выпала нелегкая. В начале войны он стал бойцом 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. В ее составе Чукай Кудаяев принял участие в жестоком сражении под Ростовом. Это был один из самых трагических эпизодов Великой Отечественной войны. Кавалеристов, главным оружием которых во все времена была сабля, бросили против крупных мотострелковых и танковых соединений врага, поддерживаемых с воздуха авиацией. Итог этих неравных боев был предсказуем. Его драматизм отражен в кратком ответе Буденного на вопрос Сталина о том, как обстоят дела со 115-й кавдивизией: «115-я Кабардино-Балкарская дивизия, сражаясь, погибла».

После падения Ростова небольшая часть бойцов разбитой и, по утверждению очевидцев и историков, потерявшей управление дивизии вернулась домой. Многие из них трудились на заготовке сена, уборке урожая, на фермах, некоторые присоединились к партизанам. Были и те, кто,

боясь уголовной ответственности, скрывались. Независимо от национальной принадлежности они искали убежище конечно же в неприступных горах Балкарии. Позднее им было обещано, что они в общем порядке будут повторно отправлены на фронт. Но на фронт попала лишь малая часть, большинство же были заключены в тюрьму по обвинению в дезертирстве и бандитизме и осуждены на срок от 8 до 10 лет. Их судьбу разделил и Чукай Кудаяв.

Вскоре по возвращении из лагеря отец женился, но Мухтар не долго прожил в новой семье отца. В 1955 году он подал документы в Пишпекский сельскохозяйственный техникум. Конкурс был огромный: восемьдесят шесть человек на одно место, но Мухтар выдержал экзамен.

Из воспоминаний Мухтара Кудаява:

«Из балкарцев я был один. Кроме киргизов в техникуме учились карачаевцы, русские, чеченцы, курды и депортированные из Прибалтики и Поволжья немцы. Ребята-немцы стали опекать меня. Может быть, потому, что я был моложе их всех, им было по 20–25 лет, а может, потому, что видели, как мне трудно. Они забрали меня с собой на квартиру, научили жарить картошку, готовить чай из жженого хлеба. Я, в свою очередь, переводил им с киргизского, а если возникал конфликт с кем-нибудь из кавказцев, помогал его разрешать. Это были очень рослые, крепкие ребята. После учебы они разгружали доски и за ночь зарабатывали 10–20 рублей. Мы жили на эти деньги. Мою стипендию (я всегда получал повышенную стипендию) я отдавал в общую кассу, но, как оказалось, они откладывали ее на сберкнижку. Об этом я не знал. В 1956 году, когда я уезжал с семьей тети на Кавказ, все мои немецкие друзья пришли провожать нас на вокзал и отдали мне накопленные деньги. Это был неожиданный подарок! Деньги были небольшие, но мне они оченьгодились. Мы переписывались до самого их отъезда из Киргизии. И сегодня в моем сердце живет благодарность этим людям».

Глава пятая

БОРЬБА ЗА УТРАЧЕННОЕ ДОСТОИНСТВО

Смерть Сталина в марте 1953 года и последовавшее за ней разоблачение культа личности сыграли огромную роль в судьбе депортированных народов. Они вновь разбудили надежду на возвращение. Такая надежда уже однажды была жестоко обманута. После окончания войны среди спецпереселенцев появилась уверенность в том, что решение о выселении будет отменено. Эту веру несли с собой и демобилизованные воины-фронтовики. Но в ноябре 1948 года был издан Указ, который всех спецпереселенцев вверг в пучину отчаяния. Этим Указом им был определен срок ссылки – **навечно**. Отныне за нарушение режима депортации полагалось одно наказание – 20 лет каторжных работ. Спецпереселенцы могли свободно передвигаться лишь в радиусе 3 километров от места проживания. Перемещение за очерченную зону поселения расценивалось как попытка к бегству. Любая помощь нарушителям режима квалифицировалась как укрывательство и пособничество и наказывалась лишением свободы на 5 лет.

По этому Указу были осуждены тысячи людей, которых привлекали к уголовной ответственности не за побег, а за посещение без специального разрешения своих родных в соседнем селе. Зачастую, чтобы получить разрешение навестить больного родственника, приходилось отдавать последнее имущество. Чаще всего поборами занимались

коменданты и их жены. Уголовные дела по побегам рассматривались Особым совещанием при МВД СССР, т.е. внесудебным органом. Только за один 1949 год за самовольный выезд (побег) из мест поселения были осуждены к 20 годам каторжных работ 1932 человека.

Больше всех от Указа пострадали подростки. Они, впитавшие вместе с рассказами и слезами старших любовь к далекой Родине, успели подрасти на чужбине и теперь бежали на Кавказ. Они стремились к заброшенным горным аулам настойчиво и упорно, как муравьи к муравейнику, голуби к голубятне, орлы к гнезду... Их как преступников снимали с составов, отлавливали на дорогах. Были и такие, которые бесследно исчезали.

И вот, наконец, вновь возвращение стало казаться реальным. Надежда вызывала желание действовать. Подъем сказывался на всех сторонах жизни спецпереселенцев. Увеличивалась производительность труда, улучшались трудовые показатели. Молодежь из числа репрессированных народов устремилась в открывшиеся для нее двери учебных заведений. Но дни тянулись за днями, месяцы за месяцами, а изменений не было...

Ожидание становилось нестерпимым. В Москву полетели письма от лучших представителей карачаево-балкарского народа с просьбой об отмене бесчеловечного Указа о депортации, хотя все помнили, что лишь недавно каждый, кто пытался обратиться к «вождю народов» по этому вопросу, рисковал в лучшем случае свободой. Так, боевой офицер, орденноносец Адильгерий Соттаев еще в 1945 году написал Сталину о беззакониях по отношению к его народу. Им двигало убеждение, что произошла чудовищная, трагическая ошибка. «Предатели Родины подняли свои грязные руки на мой народ и тем самым пытались посеять рознь и вражду между народами нашей страны, в том числе подорвать дружбу балкарского народа с русским народом», – писал он. Сам Адильгерий, по его сло-

вам, человек с «сердцем чистым, как солнце», искренне верил, что руководители партии и правительства так же «чисты сердцем» и введены в заблуждение. Вывести их из него он считал своим долгом коммуниста и офицера. Через четыре года после написания письма, измученный нескончаемым следствием, обвиненный в буржуазном национализме и противопоставлении себя руководству страны, Адильгерий был приговорен к высшей мере наказания – лишению свободы на 25 лет. Арест Соттаева произвел на всех спецпереселенцев тяжелейшее впечатление, так как он пользовался большой любовью и уважением не только тех, кто его знал лично, но и тех, кто просто слышал о нем. Это был безупречный человек – умный, добрый, образованный, волевой, мужественный. Ученый, поэт, прекрасный спортсмен. Письмо его не было продиктовано эмоциями. Он был силен физически и душевно, и поступок его был абсолютно взвешенным и осознанным. Недавно в небольшом по объему, но огромном по имеющейся в нем ценной и интересной информации сборнике биографических статей «Ахшы адам – элге борчлуу», составленном Аминат Биттировой, опубликовано второе письмо Соттаева, написанное им в 1955 году. В нем он обращается в Президиум ЦК КПСС с просьбой пересмотреть его дело. Какого же необыкновенного по внутренней красоте и свободе, искренности, силе и мощи человека воистину планетарного масштаба рисуют нам строки этого письма!

«Из всего, что для нас всех свято, слово НАРОД – самое дорогое и замечательное. Ради народа мы все готовы пожертвовать не только своим желанием, но и жизнью. Этому меня учили идеи великих людей истории», «Одно чувство владеет мной навеки – любовь к свободе, желание видеть все народы на Земле счастливыми». Это пишет бесправный каторжанин из якутского поселка Батагай. Карачаево-балкарский народ может гордиться тем,

что подарил миру такой образец достоинства, мужества и человечности. Как хотелось бы, чтоб наша молодежь в это непростое время воспитывалась на таких высоких примерах и нашла бы сама формы увековечения памяти людей, даже в сталинских застенках не потерявших веру в то, что **ВСЕ** люди на Земле «ради народа готовы пожертвовать жизнью».

Адилгерий Соттаев не был одинок. «Свое мнение относительно депортации выразили И. Башиев, С. Караев, К. Отаров и другие. Для многих авторов подобные обращения завершились трагически. Всем им приписывали стандартные в те времена обвинения типа «антисоветская агитация, дискредитация руководителей ВКП(б), клевета на советский государственный и общественный строй» и т. д. Нужно было обладать огромным гражданским мужеством, чтобы, не страшась последствий, выступить с разоблачением политики насильственного выселения народов, в защиту их попранных прав и поплатиться за это собственной свободой. Люди шли на жертвы во имя своего народа... Умер в тюрьме И. Башиев, С. Караев отсидел в камере шесть месяцев. «Серьезная разъяснительная работа» была проведена с инвалидом войны поэтом Керимом Отаровым. Это была печальная и изнурительная война не за житейские блага, не за абстрактную справедливость, а за утраченное человеческое достоинство». Это строки из книги доктора исторических наук Хаджи-Мурата Сабанчиева «Были сосланы навечно». Несмотря на то что он, серьезный, вдумчивый ученый, пытается сохранить в своей книге научный, беспристрастный тон изложения, в ней через все повествование прорывается голос автора. Голос этот полон горечи и боли за тысячи разрушенных судеб.

Душевное состояние спецпереселенцев, на мой взгляд, наиболее полно отражено в письме поэта, фронтовика, инвалида войны Керима Отарова Н.С. Хрущеву,

направленном им в ЦК партии за три месяца до XX съезда, 10 декабря 1955 года. Оно пронизано такой любовью к своему народу, такой болью за его страдания и унижения, что даже если бы Керим не оставил нам свою прекрасную поэзию, только за это письмо он должен и останется навечно в памяти так горячо им любимого балкарского народа.

Из письма К. Отарова:

«...До начала Отечественной войны Балкария стала одним из самых передовых районов страны. Были созданы богатейшие колхозы, совхозы, замечательные села, школы, больницы. По ликвидации неграмотности Балкария занимала одно из первых мест среди национальных советских республик страны. В результате коллективизации Балкария стала богатым цветущим краем в подлинном смысле слова. Благодаря заботе правительства выросла своя национальная советская интеллигенция.

В годы Отечественной войны сыны Балкарии, наряду с воинами других национальностей страны отважно, не жалея своей крови и своей жизни, сражались на фронтах, защищая нашу советскую Родину. На полях битв пали многие и многие сыны Балкарии. Их кровь ныне взывает о великодушии в отношении их народа – матерей, отцов, жен и детей, братьев и сестер. Мало найдется балкарских семей, из которых кто-нибудь не был или не погиб на войне, защищая нашу Родину. Это – факты, не могущие быть отвергнутыми никем и никогда.

Крошечный балкарский народ был и останется одним из самых трудолюбивых, каких только знает мир. Это он доказал в достаточной мере в Средней Азии, в местах поселения, хотя он находился в таких угнетаемых моральных условиях, где не было буквально ничего, могущего вдохновить труженика на трудовые подвиги. Более того, любой из нас (в т. ч. и коммунисты, инвалиды войны, защитники Родины) на каждом шагу мог услышать по своему адресу довольно неслестные клички вроде «изменник

Родины», «фашистский пособник», «бандит» и т. д. Прошу не подозревать меня в преувеличении фактов, ибо это действительно так было.

На Кавказе балкарцы веками растили зерно, можно сказать, прямо на скалах, косили сено над пропастями, дна которых не видно... Мой маленький народ считался не только одним из самых трудолюбивых, но и одним из самых талантливых на Северном Кавказе. Он, как и всякий народ, независимо от численности, в течение веков создал золотые россыпи народной поэзии, чудесный самобытный мир заключен в его сказках, нестареющая сила в его песнях и эпических поэмах. Наш народ, как и любой другой, имеет свой прекрасный язык и самобытную культуру. Все это он берег отважно, сохранил свой язык и обычаи в течение веков под ударами жестоких завоевателей, когда могил павших в горах за свободу было больше, чем живых. ...Ныне речь идет о существовании самого дорогого для народа – родной земли, языка и созданной веками культуры...

В течение 11 лет пребывания в местах поселения моего народа я не переставал думать о судьбе своего несчастного народа. А память о моих погибших за Советскую Родину товарищах требует от меня, коммуниста, обратиться к моей великой партии, к ее выдающимся руководителям с великой просьбой обратить свое внимание на судьбы сирот, вдов, стариков и старух, отцы и мужья, сыновья и братья которых отдали свою жизнь за свободу и счастье нашей Советской Родины. Чувство ответственности перед детьми моих погибших товарищей не дает мне покоя и заставляет меня с этой великой просьбой обратиться к Вам. Просьба моя о том, чтобы наше родное Советское правительство разрешило балкарцам вернуться на свою родную древнюю землю, облитую их потом и кровью».

Поразительно, что к тяжелейшим испытаниям Керим причисляет не голод, нищету, смерть, а те словесные, мо-

ральные оскорбления, которым подвергается его народ. Они кажутся ему столь немыслимо жестокими, что он просит не подозревать его в преувеличении. Вспомнился рассказ матери о нем. Они были не только родственниками, но и молочными братом и сестрой и были очень близки друг другу. Ни разу после его смерти моя мать, любившая танцы до самозабвения, не вышла в круг.

Из воспоминаний матери:

«Керим рано потерял отца. В связи с этим мать любила и жалела его безмерно, долго не отнимала от груди. Рос он балованный и обласканный ею. Привязанность их друг к другу не имела границ. Он играл с нами, потом бежал к ней, обнимал ее, и только потом вновь присоединялся к нам. Мы часто поддразнивали его этим. Керим не любил драк, не переносил боль. Рано стал писать стихи, много читал. Преподавал в Нальчике, в Ленинском учебном городке. Вырос необыкновенно чуткий, нежный, ласковый парень, окруженный обожанием родных и любовью женщин. Он был настолько красив, что встречные женщины останавливались и смотрели ему вслед. Талантливый, образованный, неизменно любезный Керим был гордостью не только нашего рода, но и всех односельчан. Началась война, он ушел на фронт. Я не могла его представить в грязи окопа, ожесточенным... Вернулся наш Керим без ноги. Ему тогда не было и тридцати. Человек со всем смиряется. После всех потерь, которые мы пережили, и такое возвращение было счастьем».

Она неизменно плакала, вспоминая его слова: «После ранения я пришел в себя от холода, потому что тело мое наполовину лежало в воде. Оказалось, Нафисат, это была не вода, а моя кровь». Каково же было ему и таким, как он, слышать слова: «изменник», «предатель», «фашист»?!

После XX съезда партии и разоблачительной речи на нем Н. С. Хрущева 25 февраля 1956 года, делегации, представлявшие репрессированные народы, настойчиво

добивались встречи с руководителями страны. Они привозили на эти встречи письма с тысячами и тысячами подписей.

В каждом из многочисленных писем – боль и страстное желание разбудить совесть и сострадание в человеке, от которого зависела судьба ни в чем не повинных народов. И Никита Сергеевич Хрущев услышал эту боль. Президиум Верховного Совета СССР Указом от 9 января 1957 года восстановил автономию балкарского и карачаевского народов. Путь на Родину был открыт.

Глава шестая

«ДОМОЙ! НА КАВКАЗ!»

Но руководители республик, в которых были расселены карачаево-балкарцы, не были расположены отпускать своих еще совсем недавно непрошенных гостей. За прошедшие 14 лет они добились уважения и признания. Часто слыша в свой адрес: «У вас одно только право – трудиться», они использовали это «право» сполна. В нарушение прямых запретов поощрять труд спецпереселенцев, из их среды вышли орденоносцы, более того, Герои Социалистического Труда.

Для проведения разъяснительной работы по материалам XX съезда партии среди депортированных карачаево-балкарцев ЦК компартии Киргизии командировал коммунистов из числа самих же карачаево-балкарцев в места их компактного проживания. Несмотря на то что народ уже обустроился, а многие жили даже богаче, чем на родине, командированные всюду сталкивались со страстным и единодушным стремлением вернуться на родину, которое разделяли и они сами. Да и как могло быть иначе. Однажды Алихан Хабичев, певец и композитор, великолепный исполнитель народных песен, рассказал мне о навязчивом сне, который снился ему все четырнадцать лет на чужбине. Около их дома в родном Учкулане был школьный сад, полный яблоневых и грушевых деревьев. Мать часто приводила его туда, стелила на

зеленую густую траву коврик и укладывала спать, вложив в руку яблоко или грушу, а сама садилась рядом, с рукоделием. Не смолкая пела колыбельную Кубань, медленно покачивались на фоне синего бездонного неба ветки, усыпанные солнечными плодами, шелестели листья от дуновения легкого прохладного ветра с гор, по надкусанному яблоку тек сладкий сок...

В Киргизии они оказались в конце ноября. Их встретили голод, стужа и тоска. У маленького Алихана была своя подушечка, на которой он засыпал около матери. И стал ему неизменно сниться один и тот же сон: учкуланский школьный сад, зеленая трава, деревья в цвету. Но мать будила: «Проснись, сыночек, поешь биямук (мучная похлебка. – Л. Ж.) пока горячий». От досады он плакал: «Зачем ты меня позвала. Я был в саду». Мать успокаивала: «Не плачь, малыш, это сон». Умывала, кормила и укладывала спать на кровать. Алихан представлял себе, что в следующий раз он крепко ухватится за траву, и матери не удастся забрать его из прекрасного учкуланского сада в эту безрадостную жизнь. Но мать вновь будила, и он вновь просыпался весь в слезах, а вместо зеленой травы под судорожно сжатыми пальцами оказывалась подушка: «Ну, зачем ты разбудила, мама. Я был в нашем саду».

С трудом сдерживая волнение, Алихан рассказывал: *«Когда мы вернулись в Карачай, то первым делом пошли с братом в Учкулан, хотя нас предостерегали, говорили, что это небезопасно – поселенцы были не очень расположены освободить наши жилища. Сорок километров прошли мы пешком со старшим братом Магомедом туда и сорок обратно. Хотелось увидеть сад из моих снов. Когда мы вошли в село, те, кто жил в наших домах, собрались толпой и стали потихоньку приближаться. Один из них, лохматый и сутулый, вынул большой нож и поигрывал им в руках так, чтобы мы видели. Тогда мой брат Магомед тоже вынул нож и, срезав ветку, стал ее*

стругать. После этого они остановились и наблюдали за нами издали. Но не нашел я моих груш и яблонь. После нашего отъезда новые жильцы их вырубали и топили ими дома. В лес не ходили, может, боялись чего, не знаю. Иначе, зачем плодоносящие деревья рубить? Полежал я на траве, погладил ее и ушел. Но случилась со мной по дороге одна странная вещь. Задолго перед этим я простудился, температурил, горло болело сильно. Сколько ни старался, не мог излечиться. А по дороге устал от жары и попросил у брата разрешения искупаться в реке. Вода горячая, ледяная, но он разрешил. Я окунулся в Кубань и вышел абсолютно здоровым. Только тогда я понял смысл слов, которые так часто произносили в Средней Азии наши старшие: «Чтобы пить воду из родных родников, мы согласны питаться камнями родных гор».

Для молодежи, не помнившей Родины, но росшей с родителями, никаких сомнений не существовало: «Домой, на Кавказ!»

Назифа Магомедовна Кагиева рассказывала:

«Нам повезло. Моя семья попала в поселок, в котором в основном жили русские, репрессированные в годы раскулачивания. Они встретили нас сердечно. Их было не обмануть, навешанными на нас ярлыками «враги народа», «бандиты». На своем горьком опыте они знали им цену. Мы жили дружно. Земли были богатые, росли плодовые деревья, виноград, клубника, арбузы, дыни, урюк. Можно было за один год встать на ноги. А о трудолюбии нашего народа нет нужды говорить».

После окончания школы я поступила во Фрунзенский университет. Мы уже прижились, чувствовали себя очень комфортно. При университете был создан ансамбль народного танца, в котором танцевали карачевцы и балкарцы. Каждое их выступление становилось праздником. Помню, во время концерта одному из ребят, Узденову Осману, бисировали шесть раз.

Киргизия стала для нас второй Родиной. Скольким людям она дала приют в это нелегкое время! Навсегда в моей памяти остались ее добросердечные люди, цветущие акации и рдеющие маки.

Родину я помнила, конечно, смутно, но во всех разговорах взрослых, рассказах родителей присутствовал он: Кавказ. Белый снег на вершинах Эльбруса снился мне ночами, иногда мне казалось, что я чувствую его вкус на губах. Мама моя была образованной женщиной. Ее учителями были Акбаев Исмаил – знаменитый Чокун-аэфенди, просветитель, талантливый поэт, педагог, и Ляля Крымшамхалова – мать скульптора Хамзата Крымшамхалова, дочь Мисоста Абаева, первого нашего историка. Его очерк «Балкария» еще в 1911 году был издан в Париже. Мама в совершенстве владела арабским языком, знала немецкий и русский языки, классическую русскую и восточную поэзию, наизусть читала целые поэмы, сочиняла стихи и песни. Она была глубоко религиозной женщиной, совершала обязательный пятикратный намаз. Но одна из ее песен закачивалась словами: «На Кавказ верни нас, Бог, и тогда нам рай не нужен». Надо понимать, что такое для истинно верующего человека такие слова.

И вот, казалось бы, период тяжелейших страданий для нашего народа миновал, нас признали, нам предлагали остаться, но мы росли в атмосфере этой страстной тоски по Родине и ни минуту не сомневались. Когда после встреч со старейшинами и интеллигенцией собрали студенческую молодежь, мы не хотели слушать никаких доводов: топали ногами, шумели, выкрикивали: «Домой! Домой! На Кавказ!». Нас пытались убедить, что там будет тяжело, селения наши разорены, дома разрушены, разграблены. Но мы, вслед за старшими, упрямо твердили: «Только бы пить воду из родных родников».

Назифа Кагиева

Наши семьи, торопливо, за копейки распродав все, с таким трудом нажитое, выехали на Кавказ, а мы, студенты, были вынуждены остаться в Киргизии. Только сдав летнюю сессию, мы тоже отправились домой. Добирались долго и на вокзале в Черкесске, усталые, подавленные, торопливо распрощались. После столицы Киргизии Фрунзе, чистой, зеленой, окруженной Тяньшанскими горами, с богатыми, обильными базарами, над которыми стоял гул веселых, приветливых голосов и аппетитный запах фруктов, плова, мантов, впечатление от Черкесска было гнетущим: пыльный, маленький, неухоженный городок, по центральной улице которого в глубоких лужах, не доставая копытцами дна, плавали розовые, черные и пятнистые свиньи. Потрясенная несоответстви-

ем увиденного тому, что нам рассказывали старшие, чувствуя себя абсолютно несчастной и обманутой, я забилась в потрепанный, дребезжащий автобус, который ехал в Карачаевск. Дорога была ухабистая, разбитая. Я сидела, опустив голову, и подняла глаза только тогда, когда автобус достиг предгорий. Прямо передо мной торжественно высились заснеженные вершины. У меня захватило дух от их строгой и нежной красоты. Так в один миг для меня открылась Родина».

На родной земле Назифа стала известной, любимой и почитаемой народом поэтессой и писательницей. Все ее творчество, проникнутое безмерной любовью, восхищением, состраданием и нежностью к своему народу, произрастает из того давнего мига соприкосновения с вновь обретенной Родиной, освещено этим ласковым сиянием заснеженных вершин родного Карачая.

У Мухтара все сложилось иначе. В отличие от детей, росших с родителями и перенявших от них страстную тоску по покинутой Родине, Мухтар не помнил Кавказ, родной Янिकой. Детские впечатления почти изгладились из памяти. Родными стали синие горы, белые тополя и красные маки Киргизии. Рассказывать о Балкарии длинными ночами ему было некому.

Из воспоминаний Мухтара Кудаява:

«На Кавказ я ехал без большого желания. Когда встал вопрос о нашем возвращении на Родину, карачаевцев и балкарцев не хотели отпускать. Местные власти предложили нам остаться. Дело в том, что советская пропаганда представила нас как предателей и бандитов, и встретили нас соответственно, но люди увидели, что перед ними инвалиды войны, вдовы погибших, сироты, а когда с фронта стали возвращаться мужчины, с боевыми орденами и медалями, отношение к нам изменилось окончательно. Оценили и наши трудолюбие, честность, верность слову, умение дружить. К тому же мы узнали,

что с киргизами, узбеками и казахами идем от одного тюркского корня, это еще больше сблизило нас. Из незваных гостей мы превратились не в друзей, а в братьев, каковыми и останемся навсегда.

Среди студентов карачаево-балкарцев был проведен опрос. К нам в техникум пришли поэты Кайсын Кулиев, Исса Боташев, искусствовед Исмаил Рахаев. Они разъяснили, что при нашем согласии специально для нас будет образована автономная область, причем на лучших, прекрасных, плодородных землях у озера Иссык-Куль, а ведь Иссык-Куль – душа, святыня киргизов, как у нас – Эльбрус. Надо понять и оценить ту жертву, на которую они шли ради нас. Но старшие твердили «На Кавказ, домой!». Нам предложили заполнить анкету. Кто-то из ребят-карачаевцев, старший по возрасту, подсказал мне: «Отметь эту графу». В графе стояло: «Хотите ли Вы вернуться на Родину?» Я отметил. Но весь был полон сомнений.

Глава седьмая

ТАНЕЦ

В своей статье «Сохранить бесценное духовное наследие», опубликованной в апреле 1989 года, историки Исмаил Мизиев и Ахмат Мусукаев, подчеркнув, что книга М. Кудаяева «Карачаево-балкарский свадебный обряд» является серьезным вкладом в дело поиска и сбора еще не утраченных народных традиций, писали: «Мы много говорим и пишем о воспитании молодежи, философствуем о проблемах национальных отношений, дискутируем по поводу интернациональных качеств членов нашего общества и в то же время забываем, что если с детства ребенка не приобщать к народным традициям, опыту своего народа, его истории и культуре, не прививать ему любовь к своему народу, дому, близким, селу, соседу, то мы не сможем его научить уважать и признавать других».

Прививать эти качества детям, оторванным от родной земли, было сложно. Не издавались книги, газеты и журналы на карачаево-балкарском языке. В школах обучение велось на русском, киргизском, казахском. Карачаевцы и балкарцы танцевали в ансамбле при Киргизской госфилармонии, но назывался он «Горные орлы Кавказа», участвовали и побеждали в спортивных состязаниях, но под именем коренных народов.

Был установлен полный запрет на упоминание депортированных народов в научных изданиях, энциклопедиях, в литературе и искусстве. Известный кавказовед

Л. Лавров вспоминал, что только с замаскированным заголовком и без упоминания «балкарцы» и «карачаевцы», которое заменяло безликое «горцы» или «горские народы», вышла его работа по истории этих народов в годы их ссылки. Имя карачаевцев и балкарцев, как и других репрессированных народов, убиралось со страниц книг и документов, память о них старательно уничтожалась. Примером тому, как тщательно велась эта работа, могут служить «правки», внесенные после смерти поэта Дмитрия Кедрина в его знаменитое стихотворение, посвященное Кайсыну Кулиеву. Оно было написано во время их встречи с Кайсыном, приехавшим после ранения в Москву. Цензоры заменили кедринское посвящение «Кайсыну Кулиеву» на «Другу – поэту», а строку «Я не знаю, как пишут по-балкарски «поэт»» строкой «Я не знаю, как пишут по-кавказски «поэт»... Не смутило даже отсутствие «кавказского» языка как такового.

Футбольная команда из балкарцев-спецпереселенцев в Кызыл-Кия

Спецпереселенцев не призывали в Красную армию и не ставили на учет в военкоматах, более того, предпринимались меры, чтобы они самостоятельно не овладевали военными знаниями и навыками. Предполагалось, что они таят в душе мстительные чувства и могут представлять опасность. Безусловно, это было очередным заблуждением. Подтверждением этому может служить один, но очень красноречивый факт: после расстрела Берии, к его матери, также подвергшейся высылке, приходили с соболезнованием депортированные им карачаево-балкарские женщины, жившие по соседству. В пору воскликнуть: «Ну, это уж слишком!» Но, тем не менее, все обстояло именно так – им, перенесшим так много потерь, была понятна и близка боль матери, потерявшей сына.

Депортированным отказывали в приеме в партию и комсомол. Формально не лишённые избирательных прав, они не могли быть избранными в местные органы самоуправления, не имели права обучаться в вузах, иметь свои учреждения культуры. Деятели литературы и искусства были поставлены вне творческой жизни. Писатели и поэты создавали свои произведения, но не имели права публикации. В 1953 году Кайсын писал своему бывшему сослуживцу: «Меня сейчас нет в литературе, но это не зависит от моего дарования. Воля судьбы». Эти горькие слова сказаны им как-то мельком, невзначай, с неловкостью и стеснением человека, не привыкшего жаловаться. Вырвалось. Сослуживец ему тогда не ответил. Гораздо позднее, когда имя Кайсына, как драгоценный алмаз, заблестало среди имен талантливейших поэтов мира, тот напомнил ему об этом письме и просил позволения написать очерк о его жизни и творчестве. Кайсын ответил на письмо и позволил.

Казалось, в таких условиях народ обречен на потерю своего языка, обычаев, традиций, песен, танцев... Но сохранил, сберег – выжил! Прекрасно сказал об этом писа-

тель Эльдар Гуртуев. В выступлении на своем юбилейном вечере он, обычно сдержанный, внешне замкнутый и холодноватый, с трудом скрывая волнение, вспомнил то потрясение, которое испытал, услышав впервые родную речь по радио. Вместо трафаретных слов признательности представителям власти, организаторам вечера, от которых почему-то становится неловко, он благодарил старших и, прежде всего женщин – бабушек, матерей, сохранивших для нас родные песни, сказки, наш прекрасный язык и древнюю культуру. Там, на чужбине, они внушили детям любовь к своему народу, к покинутой Родине, к далекому Кавказу. Зал аплодировал ему стоя.

В этом, наверное, прежде всего предназначение писателя: облечь в слова то, что мы чувствуем, но не всегда можем выразить.

В принятии Мухтаром решения о возвращении на Родину определяющую роль сыграло то, что в ту пору он уже был влюблен в кавказский танец и мелодии неведомого ему Кавказа. Более года, одновременно с учебой в Пишпекском техникуме, Мухтар занимался в вечерней студии восточного танца. Ему всегда нравилось танцевать.

Из воспоминаний М. Кудаяева:

«Однажды в техникуме нам показали концерт, в программе которого был один карачаево-балкарский танец. Это был «Арсланбия». В нем участвовал Исса Боташев, будущий драматург и поэт. И хотя, оказывается, он не считался выдающимся танцором, я был потрясен удивительным и решил посвятить себя кавказскому танцу».

Так танец стал для Мухтара олицетворением далекой Родины. В 6 лет, совсем еще несмышлениш, он был оторван от родной земли, 13 лет жил на другой почве, среди другого, хотя и родственного народа. Его собственный народ был разбросан по огромным бескрайним просторам Азии по несколько семей в аилах, селениях, поселках.

Как же проникла любовь к своей земле, музыке, песням и танцам в сердца тех, кто их не знал? В сердце Мухтара? Откуда в нем эта, доходящая до фанатизма, самоотверженная любовь к родной культуре? Как пробилась ее роски через жесткий бетон запретов и забвения?

Из воспоминаний М. Кудаяева:

«В селении Дон-Арык в Киргизии нашими соседями были Биттировы: мать, четверо сыновей и дочь. По вечерам после тяжелой работы мать, ее звали Чужай, устраивала для своих детей танцы. Перегородка была тонкой, и я слышал пение, хлопки и топанье ног. Она учила детей танцевать, но почему-то тайком, посторонние туда не допускались. Мне разрешили присутствовать, но не учили. Старшие дети танцевали очень хорошо и потому везде были самыми желанными гостями, и я завидовал им и пытался подражать. Так же хорошо умели танцевать моя тетья Софья и ее мать Кесамхан. Что удивительно, все эти женщины были очень религиозны и говорили, что Коран запрещает танцевать, и на том свете тело будет спрашивать хозяина: «Почему ты мучил меня танцами?», но сами с удовольствием и красиво плясали на всех торжествах.

Когда самый старший сын Биттировых, Манаф, женился на девушке из моего рода, среди гостей на свадьбе был парень Хочуев. Он так великолепно танцевал, что мне захотелось обнять его, он же не обратил на меня никакого внимания».

Это чувство необычайного восторга, восхищения и благодарности за подаренную красоту мне понятно, потому что я сама тоже испытала его однажды благодаря самому же Мухтару. За все время нашего знакомства я никогда не видела его танцующим. Два-три движения, взмах руки, поворот, иллюстрирующие рассказ. Всегда необычные, интригующие своей несхожестью с ранее виденным,

они вызывали острое желание посмотреть весь танец. Но не привелось. Почему-то у меня сложилось мнение (оказалось, и не только у меня), что он больше теоретик танца, педагог. Одним словом, «неиграющий тренер». Грузный, сутуловатый, он и внешне не соответствовал привычному для нас представлению о балетмейстере, непременно стройном, с летящей походкой...

И вот, случилось... Несколько лет назад в его родном селе Яникой, на банкете, после юбилейного вечера Каншаубия Мизиева, тюрколога, переводчика, открывшего для турецкого читателя балкарскую поэзию, я неожиданно увидела Кудаета танцующим.

Мухтар царил на площадке один. Он шел по кругу легко и стремительно, в движениях его была и сдерживаемая сила, и удивительная завершенность. Округлое, с мягкими чертами и каким-то нерешительным, скользящим взглядом, обычно милое, простое, добродушное лицо Мухтара вдруг стало сосредоточенным, строгим, почти грозным. Неожиданно вспомнились слова римского историка и военачальника Аммиана Марцеллина о наших предках-аланах: «Они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей». Эта фраза настолько выпадает из обычных описаний народов историками и путешественниками, что вызывает недоумение. И вдруг... Так вот каким был «грозный» взгляд алана, потрясший воинственного римлянина! В этом взгляде было все – угроза, вызов, предостережение. Позднее я узнала, что Мухтар исполнил «Арсланбия» – танец львов (тюрк. *арслан*, *аслан* – лев, *бия* – арх. пляска), танец воинов. Древний воинственный танец вызвал и соответствующий ему взгляд.

Я смотрела танцы многих знаменитых в республике и за ее пределами талантливых танцоров, но ничего подобного видеть не приводилось. Все гости, изрядно уставшие, так как время было позднее, сорвались с мест! Ла-

донец никто не жалел. Даже обычно внешне сдержанные турки, приехавшие на юбилей, показали во всей полноте свой знаменитый темперамент. Глаза музыкантов – это были братья Аппоевы, сияли любовью к танцору, кобзу заливался, даурбас гудел. Восторг охватил всех. Отчего-то хотелось плакать и смеяться. Как оказалось – не только мне. Позднее поэтесса Сакинат Мусукаева, рассказывая о том, какое сильнейшее впечатление произвел на нее в тот вечер танец Мухтара, повторяла: «Я едва сдерживала слезы».

Из воспоминаний Мухтара Кудаяева:

«Мужчины были на фронте до 1946–1947 годов. Целый день с шести часов утра женщины трудились в поле. Среди них было много вдов и незамужних. Труд был тяжелый: тяпкой, размером чуть больше ложки, надо было прорезивать всходы свеклы. Весь световой день приходилось сидеть на одном колене, согнув спину, под палящими лучами солнца. Работа продолжалась до сумерек. Когда уже ничего нельзя было разглядеть, усталые, измученные женщины шли домой, где их ждали старики и дети, которых надо было накормить, подбодрить. По дороге они танцевали. Обувь снимали, берегли и танцевали прямо на зеленой траве босиком. Конечно же без музыки, напевая мелодию, отбивая ритм ладонями... Они танцевали до тех пор, пока трава не исчезала и под ногами не оставалась одна голая земля».

Какой же могучей силой должен обладать танец, если он способен оказать людям поддержку, помочь им сохранить душевное равновесие, человеческое достоинство в самые тяжелые минуты жизни! Среди карачаево-балкарцев были люди, понимавшие это.

Летом 1954 года во Фрунзе, столице Киргизии, на площади перед университетом состоялось собрание карача-

ево-балкарской молодежи, обучавшейся в высших учебных заведениях города. Организаторами его были студенты старших курсов во главе с Ракаем Алиевым. На встрече состоялся серьезный разговор о необходимости оказания друг другу поддержки, взаимопомощи, о проведении разъяснительной работы среди народа в связи с ожидаемым возвращением на Родину, о сборе подписей под письмами к руководству страны с просьбой об отмене бесчеловечного Указа о депортации. Это собрание можно назвать историческим – впервые в условиях депортации рассеянные по Азии карачаево-балкарцы смогли обсудить свои национальные проблемы, заявить о себе как о народе.

Ракай, человек уникальный по своему знанию национальной культуры и любви к ней, понимал ее значение для сохранения самобытности народа. Он поднял вопрос о создании ансамблей карачаево-балкарского народного танца в учебных заведениях. Слова эти легли на благодатную почву. Вскоре самостоятельные танцевальные коллективы появились не только при вузах, но и в некоторых населенных пунктах, где проживали карачаево-балкарцы. Одновременно с концертной деятельностью участники ансамблей занимались сбором подписей под письмами руководству страны.

М. О. Акбаев (с л е в а) – зампред Карачаевского облисполкома; Р. Т. Алиев – начальник Управления по делам искусств при Карачаевском облисполкоме. 1938 год

Самодельный танцевальный коллектив пос. Озерная ГЭС 1 (под Алма-Атой, Казахстан). С и д я т: гармонистка Шаманова Тамара, Бабаева Элина; стоят (слева направо) в первом ряду: Теммоева Гезамхан, Шура Бочиева, неизвестная, Роза Бониева; во втором ряду: Жамал Теммоев, Борис Журтубаев, Гузиев Окуб, Мажид Хаджиев. Ориентировочно 1954 год. Из личного архива Р. Бониевой

Создание ансамблей сопровождалось большими трудностями. Национальных музыкальных инструментов и сценических костюмов не хватало, профессиональные танцоры и специалисты были разбросаны по всей Средней Азии и Казахстану. Но никакие трудности не могли погасить энтузиазм молодежи. В одном из коллективов вместо гармоники студенты яростно аккомпанировали себе... на мандолине. Для приобретения костюмов шли на разные ухищрения. Из числа самой же молодежи находились ребята, перенявшие от дедов и бабушек знания национальной культуры. Они и возглавляли вновь со-

здаваемые коллективы. Так, ансамблем Самаркандского госуниверситета руководил студент ветеринарного факультета Кайсын Боташев. Несмотря на молодость, среди своих сверстников он считался знатоком народных танцев, песен, традиций и обрядов. По просьбе ребят, вместе с девушками-карачаевками и балкарками в этих коллективах танцевали армянки, татарки, азербайджанки, русские. Ансамбли стали давать концерты, оставшиеся в памяти у всех карачаево-балкарских детей и подростков как первая незабываемая встреча с танцевальным искусством своего народа.

«Танец – это и прошлое, и сегодняшнее, и будущее. Но танец – это всегда – над, над бытом и бытием. Танец – это невмещаемость в слово, невмещаемость в груди. Если и есть на этом свете победители, то это танцующие люди. Ибо сдавшийся не танцует, а танцующий не сдается», – это слова талантливого балкарского писателя Бориса Чипчикова. Его книга рассказов «Возвращайся свободным» – одно из наиболее ярких явлений в литературе, посвященной периоду депортации. В ней в полной мере отразилось восприятие этих событий поколением, родившимся на чужбине.

Глава восьмая

ВОЗВРАЩЕНИЕ

На долгие 14 лет опустела древняя карачаево-балкарская земля. Казалось, затаившись, терпеливо ждала она возвращения своих хозяев. Новым владельцам не удалось освоить даже ее равнины. В справке представителя Совета по делам колхозов при правительстве СССР по Кабардинской АССР «Об использовании земель, построек, скота и других материальных ценностей бывших балкарских колхозов» отмечалось, что вместо ранее существовавших 33 колхозов было «организовано только 4 колхоза, селения разорены, дома разобраны и стройматериалы вывезены, дороги приведены в негодность, мосты разрушены, плодоносящие сады запущены, сенокосы не используются...». Запустение и руины ждали балкарцев и карачаевцев на родине.

«...Встретил меня незабвенный Чегем. Выжил я. Страшные сказки, однако, жизнь мне в пути рассказала меж тем...» – писал Кайсын. Да, страшных сказок в жизни карачаево-балкарцев было предостаточно. Но, пройдя через все испытания, народ сумел доказать свою жизненную силу и право на существование. «В нечеловеческих условиях спецпоселений он не сломался, объективно оценил происшедшее, утвердил в своем самосознании чувство невиновности и упорно вынашивал идею о возвращении на родину» (Х. Сабанчиев). Возвращение это планировалось провести поэтапно, в течение нескольких лет, но ос-

тановить поток людей было невозможно. Вот оно сбылось то, что помогало выжить, что великой болью кричало в сердце. «Кавказ! Ты райский дом!» – писал поэт и певец Исмаил Семенов. Второпях, за бесценок продавали нажитое, грузились в вагоны: «Домой! Домой! На Кавказ!».

Возвращение. Счастливые люди на фоне руин

О возвращении изгнанников рассказала в одном из своих интервью Невская Валентина Павловна, доктор исторических наук, ученый-этнограф с мировым именем. Решением Кембриджского международного биографического центра Валентина Павловна дважды (в 1993-м и 1995 году) была признана «Женщиной года» и удостоена серебряной «Медали века». Ее книги переводились и издавались в Германии и Японии, хранятся в библиотеке Конгресса США.

В. П. Невская (в центре) с доктором исторических наук
З. Б. Кепкеевой и З. С. Тулпаровой

Эрнест Хемингуэй писал, что человек, помимо Родины, на протяжении жизни должен узнать и полюбить еще какую-нибудь страну и ее народ. Его любовью были Испания и испанцы. Любовью Невской стали Карачай и карачаевцы. В 1952 году, после защиты диссертации, она, дочь репрессированного, была заброшена судьбой на Северный Кавказ, в Черкесск. Здесь, еще до возвращения карачаевцев из Средней Азии на родину, В. П. Невская обратилась к их истории и этнографии, несмотря на то что ей недвусмысленно давали понять, что эта тема не только закрыта и бесперспективна, но и просто опасна.

По ее словам, чем тщательнее она трудилась над архивными материалами, тем ярче вырисовывался перед ней облик неведомого народа-изгнанника, и, заочно, она

всей душой полюбила этот «удивительно трудолюбивый и дружелюбный народ». Исследование истории Карачая стало важнейшей частью научной деятельности Валентины Павловны. Материалы, накопленные ею, легли в основу учебника по истории КБР. На защите докторской диссертации именитые ученые отдали ей должное: «Это не только научный труд, но и духовный подвиг: суметь так глубоко вникнуть в жизнь другого народа»...

Из интервью В. П. Невской:

«Еще не видя самого народа, я поняла, что это очень хорошие трудолюбивые люди. Помню, с каким нетерпением я ждала их возвращения. Даже подумывала про себя, вот у меня есть четыре платья, два я обязательно подарю кому-нибудь из вернувшихся, ведь переселенцам надо помочь... А оказалось, приехали сытые, хорошо одетые. Потому что поразительно трудолюбивый и выносливый народ, как я и думала. Пережив самое страшное: высылку, войну, смерть детей, голод, они и там, благодаря неустанному труду, обжились и обустроились.

Причем, что меня еще поразило, некоторые карачаевцы привезли с собой скот, козочек, хотя могли их там продать. Вот это – действительно скотоводы! Женщины сразу принялись за вязание, рукоделие. До этого у нас на рынке и шерсти-то никогда не было. А тут сразу появились и носки, и шапочки, и свитера, и платки.

Еще меня поразила их взаимопомощь – «маммат». Как они помогали друг другу строиться! Ведь вернулись на пустое место. Никаких компенсаций не заплатили, отобранное жилье и имущество не вернули. В Большом Карачае жилища вообще были заброшены, разрушены, разобраны на дрова... Надо было выкупать свои же дома и со своим же скарбом внутри, чаще всего, строить новые. Тогда, на примере карачаевцев, я поняла и значение старинного русского понятия «помочи».

Домой. С улыбками, знаменами, заработанными в изгнании, и музыкой

Наши предки говорили: «Жизнь – это испытание и дар живущему». Долгий исторический путь карачаево-балкарского народа – это череда испытаний, через которые он всегда проходил с честью, проявляя свои лучшие качества: мужество, трудолюбие, душевную щедрость, становясь, вопреки всему, и чище, и сильнее, и благороднее. Испытание депортацией, обрушившееся на него, не стало исключением.

В 1956 году Мухтар вернулся на Родину. Сразу по приезду в Нальчик, 20 июля, он с друзьями Хубиевым Хамитом, Кубановым Борисом, Жашуевым Жамалом, Малкондуевым Хамитом обратился к директору сельскохозяйственного техникума Нечаеву с просьбой зачислить их в техникум для продолжения учебы. Не без волнения

ждали они ответа. Но все вопросы были тут же решены: их приняли в техникум, стипендии гарантировали, места в общежитии выделили. Правда, комната на двенадцать человек, но это не беда. По случаю такой радости пошли на рынок, купили вкуснейшие пирожки с ливером и отправились гулять по проспекту Ленина. У здания облсовпрофа, где находился городской Дом культуры, услышали музыку и поднялись по ступенькам на второй этаж. В небольшом зале шла репетиция.

Из воспоминаний М. Кудяева:

«Балетмейстер Григорий Гальперин репетировал узбекский танец. В этот день я впервые увидел свою будущую жену. Несколько девушек, в том числе и она, повторяли вслед за Гальпериным движения. Я стал копировать, передразнивать их. Мне в ту пору было всего 18 лет. Делал я это самозабвенно, с увлечением и не заметил, что за мной наблюдают. Это был Билял Каширгов, композитор и балетмейстер, сын знаменитой гармонистки Курацы. Мать дала ему имя в честь своего друга, талантливого балкарского гармониста Биляла Казиева. Он стал расспрашивать меня и, узнав, что в Азии я посещал студию восточных танцев, сказал об этом Гальперину. Тот предложил мне показать девушкам движения. Просить дважды меня не пришлось. Так началось мое знакомство с этими двумя безгранично увлеченными танцевальным искусством людьми. Они хотели создать ансамбль песни и танца. Поговорив с нами, стали уговаривать записаться в группу кавказского танца к Билялу. Мои спутники согласились, а я отказался, так как у меня не было репетиционной формы. Через некоторое время меня пригласили и дали форму. Постепенно собралось 16 человек, 8 пар. Мы прошли хорошую школу кавказского танца у Биляла Каширгова, затем у Ахмеда Никаева, Казбека Браева, Каральби Мамишева. Они учили

нас его основам: осанке, движениям. Но нас это не удовлетворяло. Мы были полны энтузиазма, нам хотелось узнать свое, народное, чего были лишены все эти годы. Балкарские танцоры Жамал Жашуев, Кеккез Уянаев, Адрахман Шаваев, Нух Болатов, Масхут Рахаев и я, стали просить поставить с нами хотя бы один балкарский танец. Но Билял балкарских танцев не знал. Не знал их и Гальперин, грамотный балетмейстер, профессионал. Не нашлось ни одного хореографа, знающего наши танцы. Мы были разочарованы и группа стала распадаться.

Через некоторое время нас пригласили и предложили готовиться к участию в декаде Кабардино-Балкарского искусства в Москве, посвященной 400-летию присоединения Кабарды к России. Но я отказался, потому что ехал с друзьями на лето на целину, на заработки».

С друзьями на целине (Мухтар второй слева)

Тем временем жизнь шла своим чередом. Надо было оканчивать техникум, думать о будущем. А о нем приходилось задумываться – Мухтар влюбился. Избранница его была красавицей. На Кавказе женщины не обделены красотой, но осетинкам свойственна особая, утонченная красота: продолговатое матовое лицо, выразительные глаза, нежные губы, горделивая осанка. Всем этим Светлана была наделена сполна. Но Мухтара не меньше внешности привлекали ее внутреннее благородство, скромность, рассудительность и сдержанность.

Мухтар Кудаев с женой Светланой
Икаевой

«Мне пришлось побороться за ее любовь. Многим ребятам она нравилась. Но я был, наверное, самым настырным», – улыбается Мухтар. Сама Светлана рассказывает: «Мы познакомились в 1956 году, в 1958-м стали встречаться, а в 1959 году поженились. Мухтар не был похож на других ребят из моего окружения. С книгами никогда не расставался, приходил с ними даже на репетиции. Проверял, как я учусь.

Мухтар очень обязательный человек, строгий, но всепоощающий. А еще очень добрый и очень щедрый. Однажды, помню, подарил свои новые брюки какому-то парню. На мой упрек он ответил, что у него двое брюк, а тот совсем обносился. Он неприхотлив, умеет довольствоваться малым. В домашних делах абсолютно беспомощен. Он часто очаровывается, а потом разочаровывается, но это в людях, а в своем деле – никогда».

В каждом слове Светланы чувствовалась не только любовь, но и уважение к человеку, с которым ей довелось разделить такую непростую судьбу. А ее последняя фраза: «Он часто очаровывается, а потом разочаровывается, но это в людях, а в своем деле – никогда», стала для меня ключом к пониманию Мухтара.

В 1959 году Мухтар окончил техникум и по распределению был направлен агрономом в колхоз «Советская Балкария». Здесь он попал под опеку Магомеда Ульбашева, председателя колхоза. С первых же дней этот добрый и красивый человек стал проявлять отцовскую заботу о молодом, очень одиноким и очень серьезном пареньке. Он поселил Мухтара в своем доме на правах сына.

Мухтар со свойственной ему энергией принялся за работу. Уже тогда стали проявляться его незаурядные организаторские способности. (К моему удивлению, жители Верхней Балкарии и сегодня с благодарностью вспоминают о его вкладе в восстановление колхоза.) Сам же Мухтар не был удовлетворен. Несколько раз он пытался заговорить о своем желании уехать в город, но Магомед

не хотел даже слышать об этом. Он намеревался подготовить из Мухтара высокопрофессионального специалиста в области сельского хозяйства. А Мухтар после работы, несмотря на усталость, встречался со стариками, записывал описание танцев и движений, выучивал их наизусть, запоминал мелодии. Знания накапливались, росла потребность воплотить их в танце. И тут у него нашелся единомышленник, так же страстно влюбленный в народное искусство – Манаф Темукуев.

Манаф работал в старом верхнебалкарском клубе, играл на гармошке, на балалайке, пел и немного танцевал. Совместными усилиями в 1961 году им удалось создать танцевальный коллектив, который вошел в историю балкарской культуры как первый самостоятельный ансамбль балкарского народного танца, созданный после возвращения на родину.

М. Кудавев. Танец на родине

Из воспоминаний Мухтара:

«На просмотр программы ансамбля приехал композитор Трувор Карлович Шейблер. Он, как и мы, подвергался высылке из-за национальной принадлежности, несмотря на то что его предки – прибалтийские немцы, жили в России более двухсот лет. Шейблер был очень увлечен балкарской музыкой. Начиная с 1939 года он обработал для хора балкарские народные песни «Гапалау», «Ногайская девушка», «Бек-Болат» и другие, на слова уже современных поэтов К. Мечиева, Б. Гуртуева... Его работа к первому балкарскому спектаклю «Кржавая свадьба», написанная на основе народных мелодий, получила высочайшую оценку московских специалистов. Трувор Карлович был искренно растроган и обрадован тем, что за столь короткий срок нами была проведена такая большая работа. После просмотра мы пошли пообедать, поговорили с ним и, неожиданно для меня, он сказал следующее:

– Мухтар, я в жизни видел много плохого и хорошего и всегда старался оставаться порядочным человеком. Но меня мучает одна ошибка, которую я допустил. Наверное, Бог мне ее не простит.

Я сказал:

– Можешь не говорить, Трувор Карлович. Я сам скажу. Ты много наших песен и мелодий приписал другим. Ты не думал, что мы вернемся.

– Да. Это так, – удрученно ответил Шейблер.

По вечерам после работы Мухтар пропадал в сельском клубе. Однажды туда, как бы мимоходом, зашел Магомед Ульбашев и просидел в зале весь вечер, с интересом наблюдая за репетицией, которую проводил Мухтар. Через несколько дней он сказал: «Мы грешим против тебя, задерживая здесь. Занимайся танцами». Ульбашев больше не противился и отпустил Мухтара, освободив от трех лет отработки, положенных по направлению. Для Мухтара ранняя смерть Магомеда стала еще одной большой потерей. А Верхняя Балкария и верхнебалкарцы и по сей день пользуются у него особой любовью.

Глава девятая

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Вернувшись в Нальчик, Мухтар поступил в университет на сельскохозяйственный факультет. На этом настоял отец. Чукай, прекрасный танцор, обладал хорошим голосом и до войны одно время даже пел в республиканском хоре, но из опыта своей жизни вынес, что мужчина должен иметь реальную, земную профессию.

Страсть к танцам не покидала Мухтара. Учебу в университете он совмещал с занятиями на хореографическом отделении культпросветучилища. Постоянный и внимательный зритель всех местных и гастролирующих в республике ансамблей, он не пропускал незамеченными ни одно новое движение, мелодию, рисунок танца. Все больше времени он отдавал своему увлечению.

Из воспоминаний М. Кудаяева:

«Настоящим событием стало появление в 1957 году первого балкарского танца в репертуаре Кабардино-Балкарского государственного ансамбля. Назывался он «Малый балкарский». Выходили четыре пары, становились в круг и показывали сольные куски. Танец по нынешним меркам можно назвать примитивным, но он был первым, и все были несказанно рады и благодарны его постановщику Мутаю Ульбашеву. Через год он поставил «Абезех», который исполнялся в сопровождении хора и проходил с неизменным успехом. Затем последовали знаменитые «Голлу» и «Тегерек тепсеу», после чего в течение тридцати лет в репертуаре госансамбля не прибавилось ни одного народного карачаево-балкарского танца.

В этот период в национальной хореографии стали устанавливаться нормы: в репертуаре госансамбля 3–4 кабардинских танца и 2–3 карачаево-балкарских. Хореографы ссылались на отсутствие этнографического материала. В Кудаяеве постепенно росло чувство неудовлетворенности и недовольства. Предлагаемые сценические варианты танцев нарушали впечатление красоты и вечности, искренности и естественности народных плясок, которое возникло у него в детстве и осталось в памяти и сердце навсегда.

Счастливы тот, кому жизнь дарит встречу с человеком, слово или поступок которого, как зерно, падающее на вспаханную землю, проникает в душу и определяет его дальнейшие действия или даже судьбу. Таким человеком для Мухтара Кудаяева стал Саид Шахмурзаев.

Саид Шахмурза занимает особое место в карачаево-балкарской культуре. К сожалению, как это зачастую и бывает, как отчего-то повелось у нас, официальная наука и культура не торопятся воздать ему должное. Но, к счастью, «рукописи не горят». С годами его творчество, идеи приобретают все большую актуальность. Сегодня в кабинете почти у каждого балкарского ученого и литератора можно увидеть портрет Саида. Со старой фотографии смотрит он на нас добрыми, мудрыми глазами человека, прожившего долгую, трудную, но счастливую жизнь.

Ныне не только историки, в том числе и так называемые «стихийные», но и сам народ обращается к своим истокам. Люди, возможно даже неосознанно, ищут в прошлом отве-

ты на вопросы сегодняшнего дня, находят нравственную опору в своих предках, в их опыте. Нам, горцам, свойственно уважать старших и доверять их мудрости. И это счастье, когда они оправдывают наши ожидания: знаниями, добротой, гуманным и широким взглядом на мир.

Встреча с Саидом определила судьбу Мухтара.

Из воспоминаний Мухтара Кудаева:

«Я слышал о нем как о поэте, собирателе и знатоке нашего фольклора, нартского эпоса. Откройте сборник сказаний о нартах и вы убедитесь, что почти семьдесят процентов сохранившегося материала собрано Саидом сразу по возвращении на Родину.»

Саид Шахмурзаев

Первая наша встреча вызвала разочарование. Саид оказался маленьким, невзрачным. В нем не было ослепительной мощи Кайсына, мягкой интеллигентности Керима. Его не привлекали дружеские застолья, многочасовые разговоры «о разном». Но как он загорался, когда речь заходила о том, что он по-настоящему любил и знал: о карачаево-балкарской истории и культуре. Удивительная одухотворенность, искренность, увлеченность Саида делали чудеса: к нему тянуло как магнитом. Наши встречи стали частыми. В городском парке, в беседке, часами мы могли говорить с ним о прошлом, настоящем и будущем нашего народа. Ученый, поэт, писатель, педагог – он был прекрасным собеседником. Размышления и догадки под его влиянием приобретали четкую форму, цели – масштаб. Он первый, выслушав меня, сказал: «А вот ты и собирай танцы. Мало того, собирай все, что связано с танцем: обряды, мелодии, костюмы, орнаменты, узоры».

Мухтар был в недоумении от слов Саида. Ему казалось, что есть какие-то люди, серьезные специалисты, которые занимаются изучением этого вида искусства. Но таковых не было. И проблема эта была общей для всей страны. Вот как о ней писала одна из центральных газет: «Всемирно известно, что богатейшую практику музыкального искусства изучает специальная наука – музыковедение. Литературоведы и языковеды вносят огромный вклад в развитие литературы как вида искусства. Драматический театр, его природу и процессы развития анализируют театроведы. Кто же занимается анализом процессов, происходящих в хореографии? К сожалению, изучением языка хореографии, ее форм, жанров серьезно не занимается, по существу, никто. Хореографы могут рассчитывать лишь на естественный процесс преемственности. Но в этом процессе происходят потери, подчас невозполнимые».

Из воспоминаний М. Кудаева:

«Саид подвел меня к пониманию необходимости исследовательской работы. Вслух это слово не произносилось. Оно было уже из другой области, научной, и входило в функции исследовательских институтов. Но в республиканском институте специалистов по этнохореографии не было. Впрочем, как нет их и сегодня. Саид действовал по принципу нашей поговорки: «Если во дворе нет быка – запрягают теленка». На роль теленка в данном случае был назначен я. Неизменно заинтересованное отношение, поддержка Саида вдохновляли меня».

Так, в ходе встреч с Саидом, окончательно сформировались цель и мечта всей его жизни – собрать, восстановить и вернуть народу утраченные им танцы. Мухтара пугала грандиозность поставленной перед ним задачи. Но в ту пору он еще не осознавал, сколь тяжелым и в то же время радостным будет путь к ее решению.

Первые годы возвращения карачаево-балкарцев на Кавказ были отмечены небывалым интересом к родной культуре. Думается, что, отчасти, он был вызван желанием компенсировать чувство второсортности, которое искусственно утверждалось в народе в силу политических, социальных и исторических причин. Узнавание своей культуры способствовало восстановлению чувства достоинства и равенства. Карачаево-балкарские ученые, поэты, писатели прилагали титанические усилия к тому, чтобы собрать, сохранить хоть часть того огромного духовного наследия, которое из уст в уста, из века в век передавали наши предки: нартский эпос, сказки, песни, поговорки, мифы... Это были Саид Шахмурзаев, Умар Алиев, Саид Отаров, Омар Отаров, Адильгерий Соттаев, Азрет Холаев, Магомед Хабичев, Солтан Алиев, Ахмат Бозиев, Алим Теппеев, Римма Ортобаева, Софья Гочияева, Назифа Кагиева, Мусса Батчаев, Хамид Лайпанов, Хусей Джаубаев. Позднее этим стали заниматься и молодые Хамид Малкондуев, Махти Джуртубаев, Танзиля Хаджиева... Мухтар Кудает собирал танцы.

Глава десятая

НАРОДНЫЙ ТАНЕЦ И ИСТОРИЯ НАРОДА

Талантливый хореограф Игорь Моисеев назвал народный танец пластическим портретом народа, его эмоциональной, поэтичной летописью. Танец причисляют к одному из древнейших в истории человечества видов искусства. Но, в отличие от рисования и наскальной живописи, он, как искусство синтетическое, вмещает в себя ритм, музыку, движение, а иногда и слово. Утверждают, что появился танец как результат трудовой деятельности человека, и первыми сформировались трудовые танцы, основу которых составляли разнообразные движения и жесты, связанные с трудовыми процессами и эмоциональными впечатлениями. Движения постепенно изменялись, подвергались художественному обобщению, к ним присоединился ритм (музыка), затем слово (песня), в результате чего и возникло искусство танца. Пословицы и поговорки карачаево-балкарцев передают их понимание этого процесса. *Тепсеу бла жыр – къарындаш бла эгеч.* – «Танец и песня – брат и сестра», *Макъам тепсеу анасы, дауурбас – тепсеу атасы.* – «Мелодия – мать танца, а барабан – отец».

Слияние воедино танца, музыки и слов называют первобытным синкретическим искусством. В нем неизбежно отображалось то, что являлось главным содержанием жизни людей: род их занятий – охота, скотоводство, рыболовство, земледелие...

Танец во дворе дома

Но вместе с тем существует мнение, и оно кажется более вероятным, что в основе танца лежит не труд, а верования человека, и наиболее ранними были обрядовые, магические, ритуальные танцы, причем у некоторых народов они сопровождались еще и пением. Карачаево-балкарцы, видимо, относятся к последним, и посему танцевальное искусство наряду с песенным занимало и занимает особое место в их культуре. Так, если наши предки не имели представления о театре в его современном понимании (хотя различные театрализованные обряды и даже кукольные представления существовали), то танцы и пение – это те жанры, которые им присущи и, более того, наиболее полно отражают их духовную суть. Думается, никто не будет оспаривать то, что душа, например, русского народа наиболее полно воплощена не в танце, а в песне. Целомудрие чувств, доверчивость, отвага и верность – эти качества русской души раскрыты в ней в полной мере.

О карачаево-балкарцах можно смело сказать, что душа их нашла свое воплощение равно и в песне, и в танце.

У каждого народа сложились свои танцевальные традиции, хореографический язык и пластическая выразительность, свои приемы соотношения движения с музыкой. Большое влияние на них оказали этикет, костюм, его форма, силуэт, обувь, место и время исполнения и многое другое. Но есть один фактор, который главенствует над всеми остальными. Определение ему дал гениальный Н.В.Гоголь. Он писал: «Откуда родилось такое разнообразие танцев? Оно родилось из характера народа, его жизни и образа занятий. Народ, проведший горделивую и бранную жизнь, выражает ту же гордость в своем танце; у народа беспечного и вольного та же безграничная воля и поэтическое самозабвение отражаются в танцах». Иными словами – основной отпечаток на танцевальное искусство накладывают исторический путь, пройденный народом, его основные занятия на этом пути, отношение к миру и понимание своего места в нем – его мировоззрение.

Долгая и трудная история карачаево-балкарского народа сохранилась не только в его устной памяти, письменных данных, но и во всем комплексе культуры, созданном им и отличающем его от других народов, в том числе и в танце. Обрядовые, ритуальные, героические, трудовые, любовные, – они хранят историю народа, отголоски древних верований, раскрывают духовный мир наших предков. Посему необходимо сказать несколько слов об историческом прошлом карачаево-балкарского народа.

Карачаево-балкарцы издревле населяют наиболее высокогорную часть Большого Кавказского хребта – это десятки вершин выше Монблана – самой высокой горы в Западной Европе. Более того, из всех кавказских гигантов «пятитысячников» только Казбек (Къазман-тау) ныне находится за пределами Балкарии и Карачая. Так что с полным правом они, в отличие от равнинных кавказцев,

называют себя «таудула», т. е. горцы. А горы – это особый образ жизни, и выжить в горных теснинах может только трудолюбивый, честный и мужественный.

Общеизвестным ориентиром, по которому можно легко определить Родину карачаево-балкарцев, служит знаменитый Эльбрус, красивейшая и самая высокая вершина не только Кавказа, Российской Федерации, но и всей Европы.

Двуглавый Эльбрус, Минги-тау, – святыня, духовный символ карачаево-балкарского народа

(Со смехом пересказывают ответ одного карачаевца москвичу, видимо, не очень сведущему в географии. На дотошные расспросы о том, где же находится Карачай, тот, исчерпав все попытки объяснить его местонахождение, сказал: «Гору Эльбрус знаешь? Так вот она у меня в огороде стоит»). Горные селения карачаево-балкарцев уже многие тысячелетия располагаются у подножия белоснежного двуглавого исполина. Неоспоримым свидетельством тому является сохранение в памяти народа всех его видоизменений. Как известно, Эльбрус – вул-

кан. Учеными установлено, что последний раз он «говорил» четыре тысячи лет назад. И карачаево-балкарцы в своих сказках, песнях, эпосе помнят его Огненной горой (От-тау), Черной (Къара-тау), Пепельной (Кюль-тау). Признайте, немислимо и нелепо назвать в обозримое время белоснежный красавец Эльбрус, покрытый стопятидесятиметровыми ледниками не то что Огненной, а хотя бы Пепельной горой? Для этого надо его таким *видеть*. И наши предки *видели* его таким.

Немало пришлось им пережить за эти годы, ведь Кавказ был и по сей день остается местом, где сталкиваются интересы многих народов. По территории карачаево-балкарцев пролегли древнейшие пути, связывавшие разные страны, в том числе и Великий шелковый путь.

Народы, общепризнанные их предками (скифы, гунны, булгары, аланы), выигрывали сражения и создавали мощные государства – Скифское царство, Гуннскую империю Аттилы, Великую Булгарию хана Кубрата, Аланское царство, проигрывали битвы и находились в составе великих держав: Западно-тюркского и Хазарского каганатов, а с XIII века – Золотой Орды. От этого великого исторического прошлого и осталось у карачаево-балкарцев чувство не только причастности к истории всего Кавказа, но и ответственности за его судьбу. Оно ясно прослеживается во всех жанрах фольклора, а также в деятельности карачаево-балкарских просветителей, поэтов и писателей, еще в царской России неоднократно поднимавших свой голос в защиту интересов «лиц кавказской национальности»: Кабарды, Ингушетии, Осетии, Чечни.

В конце XIV века (1395) на Тереке произошла решающая битва среднеазиатского эмира Тамерлана с золотоординским ханом Тохтамышем. В этой войне аланы (карачаево-балкарцы) остались верны своему государству – Золотой Орде. Они выступили на стороне последнего и даже пос-

ле его поражения продолжили сопротивление. Оно было таким упорным, что Тамерлан лично возглавил карательный поход против них: все население мужского пола было уничтожено, многие угнаны в Самарканд.

После этих событий в исторической науке, повествующей о предках карачаево-балкарцев, следует странный, почти двухсотлетний провал. Но в связи с тем, что в последнее время вводятся в научный оборот переводы исторических материалов с арабского, персидского, тюркских и других языков, он постепенно заполняется. Так, совсем недавно переведены отрывки из «Сейахат наме» («Книга путешествий») Эвлия Челеби (1611–1684), не вошедшие в предыдущее издание его книги на русском языке. Эвлия Челеби, знаменитый турецкий географ, сын главного ювелира турецкого султана Сулеймана Великолепного, служил при дворе. Он был хорошо образован, много путешествовал, либо частным образом, либо, сопровождая высоких сановников. Свои впечатления от этих поездок Челеби изложил в богатом и объемном труде. В нем он дал первое и подробное описание России и стран Юго-Восточной Европы середины XVII века, в том числе и страны Таулистан. Под этим именем тауаланы (горные аланы) возродили свою Родину после нашествия Тамерлана, которую по территории и населению Челеби сравнил с Дагестаном. *«Таулистан является таким же большим государством, как и Дагестан... Таулистан – удивительно большая губерния. Одна сторона на севере граничит с Московским государством. Другая сторона на востоке граничит со страной Дагестан. Третья сторона на юге у Эльбруса граничит со Сванетией. В их стране находится гора Барс, по той причине, что вокруг этой горы проживает народ под названием барсов...»* (В этом описании Челеби указал территорию расселения балкарцев, карачаевцев и кумыков.) *Общее количество военной дружины этого населения составляет **12 000** азнауров и еще*

2000 оруженосцев», – пишет он. Как видим, речь идет не о числе воинов, которое могли выставить владетели в случае опасности, т. е. объявив тотальную мобилизацию, а о постоянном регулярном войске, что свидетельствует о могуществе страны Таулистан.

Вскоре новое несчастье обрушилось на ее жителей: эпидемия чумы, возможно, привнесенная врагами извне, опустошила страну. Целостность некогда великого народа была разрушена. Кровопролитные войны и эпидемии истощили его силы, обезлюдели, опустели долины цветущей Алании. Только в горных теснинах разрозненные группы алан продолжали борьбу теперь уже за выживание. На опустевшие земли продвинулись другие народы. Пришли в запустение города, селения и грозные крепости – память об их былой несокрушимости и силе сегодня хранят развалины боевых башен в ущельях Балкарии и Карачая. (Ученые, принявшие участие в Крупновских чтениях, после посещения цитадели Курноят в Черекском ущелье Балкарии, восклицали: «Ничего подобного не приходилось видеть! Да вы же южные викинги!») Прошли годы. Подросли новые поколения. И народ возродился вновь! Сократившись численно, не успев окрепнуть и вернуть свою былую мощь, потомки алан объединились в несколько княжеств, которые в свою очередь территориально составили Балкарию, Карачай, Дигорию и Кумыкию. Балкария состояла из пяти крупных обществ – административных единиц: Малкъар, Холам, Урусбий (Баксан), Безенги и Чегем. Во всех российских военно-исторических источниках, начиная с XVI века и вплоть до установления Советской власти, она именовалась «Горские татары», или «Пять Горских обществ Терского округа». К ней же всегда причислялась Дигория. Карачай был более компактен, хотя и там было внутреннее деление – Большой и Малый Карачай. Кумыкия состояла из нескольких шамхальств.

В 1827 году Балкария и Дигория, а в 1828 году Карачай вошли в состав России, подписали союзнические договоры и были им верны. Эти договоры – однозначное и неоспоримое свидетельство их самостоятельности и независимости от кого бы то ни было. Ибо договор заключают те, кто распоряжается собой и способен гарантировать его соблюдение. Став частью Российской империи, Балкария, Карачай и Кумыкия практически полностью сохранили свое внутреннее самоуправление, гарантированное царским правительством, а также и территориальную целостность, язык, обычаи и религию.

Сегодня кумыки находятся в составе Дагестана, дигорцы – Северной Осетии, почти полностью ассимилировавшись с осетинами, подарив им свое великое аланское прошлое, и, вместе с тем, не забывая о древнем родстве с карачаево-балкарцами.

Карачаевцы и балкарцы являются субъектами двух соседних республик Российской Федерации – Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Но, имея общую историю, культуру, язык, а в прошлом территорию и государственность, осознавая свое этническое единство, они в полном согласии с **наукой об этносах** считают себя единым карачаево-балкарским народом.

Помимо истории в духовной культуре каждого народа отражается его душа или, по Гоголю, «характер». Хотелось бы привести несколько фактов, позволяющих полнее раскрыть душевные качества карачаево-балкарского народа.

В конце 50-х годов XIX столетия горцы Северного Кавказа «замирились» и политика на Кавказе поменялась. От утрашения и подавления царское правительство перешло к приобщению горцев к российской государственности, т. е. они должны были почувствовать себя гражданами России и стать таковыми. С этой целью в 1865 году в Карачай был прислан Николай Гаврилович Петрусевич. Лучшей кандидатуры на роль начальника Эльбрусского

округа было трудно найти. Талантливый администратор, любознательный ученый, храбрый офицер, умный, образованный, безупречно честный человек, он проявлял неподдельную заботу о местном населении. За полтора года Николай Гаврилович выучил язык, изучил обычаи и традиции карачаевцев. Он не только знал, но и искренно любил и уважал карачаевский народ. Настолько, что однажды высказал пожелание быть похороненным на Кавказе. Подобного рода пожелания воспринимаются карачаево-балкарцами как завещание. А завещание близкого человека, родича или друга свято. Посему, когда в 1880 году Петрусевич погиб в Туркестане, по инициативе карачаевцев местные горцы на арбах проехали огромный путь до места его захоронения и, положив его тело в мед, доставили в Баталпашинск (ныне Черкесск), где и захоронили в склепе у церковной ограды. Для человека с воображением даже страшно представить этот многодневный, полный опасностей, изнурительный путь на тихоходных арбах через горы и бескрайние азиатские степи...

Немало и других примеров, подтверждающих, что верность обычаям и слову, преданность дружбе – это те нравственные критерии порядочности, нарушение которых было немислимым в карачаево-балкарском обществе. Так, после победы Тамерлана над Тохтамышем и правителями аланов Берюканом и Берюберди, один из эмиров Тохтамышша Утурку нашел убежище в горах Балкарии у владетеля асов (самоназвание алан) Болат. Великий хромец предложил Болату выдать Утурку: «Пришли Утурку, укрывшегося у тебя, если же нет, то я приду с бесчисленным войском, которое все состоит из львов, поражающих врагов». На витиеватое требование грозного эмира, победителя хана Золотой Орды Тохтамышша, турецкого султана Баязета II, делийского и египетского султанов, покорителя Персии, Ирака, Армении, Азербайджана и Грузии, Болат ответил просто: «Утурку нашел у меня убежище, и,

пока душа моя не покинет тело, я его не выдам...». Разъяренный Тамерлан обрушил на него свой гнев. Страна Болат была разорена, а сам он погиб, защищая доверившегося ему гостя. В горах Балкарии и сегодня высится древняя крепость, носящая название Болат-кала, но, судя по дошедшему до нас описанию, свой последний бой Болат принял в цитадели Курноят.

Закон гостеприимства, получил среди других народов Кавказа, в том числе и казаков, название куначества от тюркского «кьонак» – гость, не случайно. Для тюрков еще со скифских времен он был одним из самых священных на Земле, потому что никто не бывает столь незащищен, как чужестранец. Оказать ему помощь – долг каждого благородного человека. Но мужество и великодушие, святое почитание заветов предков подвергались порой очень серьезным испытаниям. Примером может служить история царя Имеретии Арчила. В сентябре 1693 года он направился в Москву. Это был один из тяжелых периодов в жизни народов Кавказа. Две супердержавы того времени – Османская империя, в лице ее вассала Крымского ханства, и русское государство боролись за влияние на Кавказе. Разыгрывала свою партию и Персия. Шамхал Тарковский, владетель Дагестана, связывал будущее своей страны с Персией, князь (по-каб. – *пши*, от турец. – *паша*) Малой Кабарды – с крымскими татарами и турками, а имеретинский царь – с Россией. По дороге в крепость Терки на имеретинского царя Арчила напали отряды союзников – шамхала Будая и малокабардинского пши Кульчука Келембетова. Царь был пленен. Ответственность за его сохранность взял на себя Кульчук. Пока шамхал Будай вел переговоры о выдаче пленника персидскому шаху, а Кульчук – крымскому хану, в ноябре 1693 года царю удалось бежать. Планы мужчин разрушила женщина – жена Кульчука влюбилась в красивого и мужественного имеретинца и устроила ему побег. По-

сему, когда Будай потребовал у пши выдачи пленника и его посланник прибыл в Кабарду, Кульчук, боясь гнева шамхала, уже бежал из Терки.

Разъяренный Будай ворвался во владения Кульчука, «сжег его дом, потравил весь хлеб и угнал скот». Но затем союзники вновь примирились и принялись разыскивать царя сообщца. Несмотря на все старания, шамхалу и пши не удалось разыскать Арчила в Кабарде, так как его там не было – он скрылся в Басиани (так грузины называли Балкарию), а его люди ушли в Дигорию. Арчил бежал к балкарцам не только потому, что Грузию и Балкарию связывали давние соседские, дружеские и родственные отношения, но и потому, что всем на Кавказе было известно, как неизменно чтят в Балкарии закон гостеприимства. Создалась целая коалиция из врагов Арчила – несмотря на то что он был христианином, на ее сторону встали даже донские казаки. Для его нового пленения крымский хан выслал отряд из 500 воинов. Но всем вместе им не удалось добиться у балкарцев выдачи царя. Судя по всему, Балкария обладала достаточной силой, чтобы противостоять угрозам и защитить гостя. Место его обитания оставалось в строжайшей тайне и, что поразительнее всего, не нашлось ни одного человека, который, если не из страха, то хотя бы из алчности, встал на путь предательства. Царя Арчила скрывали в Балкарии ни много, ни мало три года. Только в сентябре 1696 года его письмо на имя российских самодержцев Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича (будущего Петра I Великого) с просьбой о помощи достигло цели, и осенью того же года он вновь занял свой престол в Имеретии.

Сострадание к побежденному, преследуемому в полной мере проявлялось и в годы Кавказской войны, в которой карачаево-балкарцы не принимали деятельного участия, так как сохраняли полную самостоятельность и не были в зависимости ни от Турции, ни от России, по сему о них так мало

упоминаний в документах того периода. Иными словами, это была не их война. Но в Балкарии и Карачае находили пристанище представители обеих противоборствующих сторон: и кавказцы, и русские солдаты, потому что воин, сложивший оружие и молящий о защите, ими воспринимался как несчастный беглец, нуждающийся в помощи.

В очерке «Спасительная Балкария» Рашад Туганов пишет об этом так: «Горная Балкария была для подобных «дезертиров» (русских солдат, взбунтовавшихся против приказа офицеров. – Л. Ж.) спасительным уголком. На протяжении многих лет сюда уходили и скрывались от властей простые русские люди. Они находили здесь уют, кусок хлеба и чашку айрана». Далее следует рассказ о русском солдате Иване, бежавшем в Балкарию и обнаруженном там спустя 26 лет. За давностью преступления он был прощен, но, к удивлению начальства, отказался возвращаться на родину и остался проживать среди балкарцев. По утверждению Туганова, архивные документы свидетельствуют, что подобные случаи не были редкостью, хотя русские власти предупреждали, что «и как дезертиры, так и те, кои их примут и будут скрывать, подвергнутся наказанию». Но и под угрозой расправы несчастных беглецов принимали как в Балкарии так и в Карачае и оказывали им покровительство.

Порой это влекло за собой трагические последствия. Руководитель шариятского движения в Кабарде в 1799–1807 годах пши Адильгирей Атажукин, провозгласивший себя преемником шейха Мансура, потерпев поражение в борьбе с русскими войсками, вместе со многими своими сторонниками, «хаджиями и эфендиями», бежал в Карачай, в аул Джамагат, к ранее переселившимся туда таубиям Урусбиевым. Тот самый Джамагат, о котором Михаил Лермонтов писал: «Велик, богат аул Джемат, он никому не платит дани; его стена – ручной булат; его мечеть – на поле брани. Его свободные сыны в огнях войны закале-

ны; Дела их громки по Кавказу, в народах дальних и чужих...». В те годы на Северном Кавказе свирепствовала чума, и аулы не принимали никого извне, но в Теберду явились гонимые отовсюду, измученные беглецы... Инстинкт самосохранения называют основным в человеке, но во все времена находились люди, для которых существуют ценности выше выживания. Беглецов приняли. Вместе с ними пришла «страшная гостья» – чума. И пришельцы, и хозяева стали жертвами эпидемии. (В народе сохранилась замечательная песня об этих событиях.) А приют и помощь, оказываемые в Карачае беженцам, послужили одной из причин, по которой он был втянут в войну с Россией.

Эти кажущиеся отступления от темы вызваны желанием понять, какова же народная душа (характер) карачаево-балкарцев, которая, как утверждают ученые, находит воплощение в духовной культуре народа, следовательно, и в его танцах.

Глава одиннадцатая

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ЭТНОХОРЕОГРАФИИ

Зачастую приходится слышать, особенно из уст людей, не имеющих специальных хореографических знаний и не принимавших участия в организации первого профессионального ансамбля карачаево-балкарского танца «Балкария»: «Народные пляски созданы нашими предками. В чем же заслуга Мухтара Кудаяева?»

Ответить на этот вопрос невозможно без учета состояния танцевального искусства карачаевцев и балкарцев во второй половине двадцатого столетия. К сожалению, литературы и исследований в области российской хореографии явно недостаточно, а у большинства народов Северного Кавказа они вообще отсутствуют. Как ни странно, но при всей всенародной любви к этому виду искусства нет таких работ и у карачаево-балкарцев. Исключение – книги самого М. Ч. Кудаяева. Тем не менее, проанализировав имеющиеся материалы и документы, публикации, книги и статьи Мухтара, эволюцию развития и бытования карачаево-балкарского народного танца допустимо условно разделить на три периода.

Первый основан на народном бытовом и обрядовом танце и тянется из глубины веков вплоть до 30-х годов прошлого столетия. Его можно назвать периодом **естественного бытования народного танца**.

Карачаево-балкарцев танец сопровождал всю жизнь, а порой и после смерти. Плясками отмечали рождение человека, все важные вехи его жизни, встречали гостей, излечивали болезни, провожали в последний путь, чувствовали память предков...

В пословицах и поговорках передано значение танца и песни в народной жизни: *Тенсеу – кьууанчны чырагъы* – «Танец – светильник радости»; *Тенсеу тойну жулдузу* – «Танец – звезда праздника»; *Той этилмеген кьууанч – мухарлагъа жубанч* – «Веселье без танцев – развлечение обжор»; *Иги шорпа – чырлы, керти кьууанч – жырлы* – «Хороший суп – с наваром, настоящее веселье – с песнями».

В Балкарии и Карачае абсолютное большинство всех семейных и общесельских торжеств сопровождалось танцами. Как и во всех народных видах искусства, в них проявлялись основные черты национального характера народа, те качества, которые наиболее ценились в нем. Так, тяготение к простоте форм, рациональности и целесообразности, свойственные карачаево-балкарцам, просматриваются не только в строительстве жилища, прочного, без украшательств, в мебели и убранстве, но и в танцах. Карачаево-балкарским пляскам не свойственна театрализация, пышность, декоративность. Так, подчеркнутая величавость, горделивость, эстетизированность кабардинской «Кафы» воспринималась бы зрителем-балкарцем как напыщенность и вызывала чувство неестественности, а значит, и недоверия. В карачаево-балкарских танцах мужчинами демонстрируется не выправка и стать, а внутренний темперамент, сила, мужество и неременная сдержанность. В этом их отличие, например, от чеченских танцев – резких, с ломаными линиями рук, в которых жесткая дробь барабана задает темп, доводящий танцоров до упоительного самозабвения, когда наружу выплескивается мощная, порой даже угрожающая

энергия. Кстати, и у карачаево-балкарцев существовали такие танцы – шаманские и воинские. Как и у других народов, они практиковались как средство для достижения экстаза и облегчения слияния с божеством, а также преодоления страха перед началом битвы. Но, к сожалению, они не поставлены на сцене.

Женщины также элементами пластики выражали то, что ценилось в народе – скромность, грацию, иногда, лукавство и шаловливость, всегда любезность, но никогда холодную горделивость, прямолинейность, резкость, бесшабашность.

Так как карачаево-балкарскому народу в целом не свойственна стихийность – его отличает внутренняя организованность, потому и к его танцам не применимы эпитеты: лихой, разудалый, залихватский, скорее страстный, стремительный, строгий, веселый. В лирических танцах могла проявляться тщательно скрываемая нежность, отчего она была еще более волнующей, что дало повод некоторым наблюдателям назвать их эротическими. Более того, русский этнограф Г. Ф. Чурсин в статье «Музыка и танцы карачаевцев» утверждал, что все карачаево-балкарские танцы, кроме тегерек-тепсеу (круговой), эротические, хотя ни в одном из них, за исключением абезеха, мужчина и женщина не касаются друг друга.

Танцы, как и застолье в лице таматы (кар.-балк. – старший, главный; отсюда общекавказское – тамада), имели своего организатора-распорядителя. Обычно это был веселый, остроумный и в то же время деликатный человек. Он следил за тем, чтобы никто не оставался в стороне от веселья, выступал посредником между девушками и парнями. Вот как описывает его многотрудную деятельность Н. Ф. Грабовский, побывавший на свадьбе в одном из аулов Балкарии:

«Во все время танцев между танцующими и особенно около любопытной толпы суетился один молодой человек, имевший в руках довольно большую и длинную палку; он то и дело отгонял наступавшую толпу, покрикивал на танцующих, пускаясь сам плясать, словом – поспевал всюду. Иногда в два-три прыжка он оказывался посередине площадки и, остановившись прямо в упор перед танцующей парой, заграждал ей дальнейший путь своим посохом; парочка останавливалась, и кавалер медленно отправлялся рукою к себе за пазуху, доставал оттуда кошелек или портмоне и платил за свадебный пропуск; получив «выкуп», молодой человек быстро удалялся, поднимал вверх руку, показывая всем достоинство полученной им монеты или кредитного билета, прятал эти деньги и, очутившись вновь около толпы, успевшей в его отсутствие нахлынуть за указанную черту, без милосердия бил по ногам переступивших границу. Слышался всеобщий смех и брань тех, кому досталось от строгого блюстителя порядка. Задержки танцующих и требование «выкупа» повторялись довольно часто, причем не имевшие денег давали и какую-нибудь мелкую вещицу, вроде натруски, кошелька и т.п. Требовавший выкупа не ограничивался одними танцующими: часто остановив девушку, он обращался к кому-нибудь из стоявших в стороне, выбирая такого, который по его расчету мог заплатить деньги.

Молодой человек этот имеет значение распорядителя танцев и по-горски называется «бегеуль»; обыкновенно в это звание выбирается расторопный и бойкий человек – мастер на все руки. Собираемый им выкуп идет в пользу музыкантов».

Как видим, распорядитель танцев – бегеул, выступал посредником не только между девушками и парнями, но и между танцующими и музыкантами. А оркестр, исполнявший мелодии плясок, был довольно большой. Это

гармошка (къобуз), трещотка (харс), колокольчики (къонгуроу), барабаны (дауурбас), маракасы (шах-шах), а на общинных празднествах к ним добавлялись волынка (гыбыт къобуз), гусли (къынгыр къобуз), рожок (мююз къобуз), саз, сырыйна, ныннуу, зурна (виды свирели), скрипка (къыл къобуз).

Палка или посох (по Грабовскому) – символ власти бегула, носил название «хан таякъ», в переводе с карачаево-балкарского – царская палка. Отсюда у ближайших соседей карачаево-балкарцев – кабардинцев, организатор плясок и игрищ носит название хъэтыякӀуэ (хатияко) – человек с палкой.

Народный танец. В кругу стоят музыканты

Танцы не считались времяпровождением, развлечением только молодежи. *Жырлай билмеген жарсыуду, тепсей билмеген айынды* – «Не уметь петь – печально, не уметь танцевать – стыдно», – сказано в карачаево-балкарском этическом кодексе «Езден Адет». Так что танцевали все, независимо от пола, возраста и общественного положения. И делали это умело, с наслаждением, внося элементы импровизации. Но если в круг выходил кто-либо из старших или наиболее почтенных людей, другие пары освобождали площадку и вливались в толпу зрителей, всем своим видом проявляя уважение к танцующим. При этом нельзя было свистом, выстрелами или возгласами побуждать их, как сверстников, к более быстрым движениям. Замедляли и ускоряли танец только усиливающееся звучание оркестра и ритм, который задавали деревянные трещотки-харс, хлопки ладоней присутствующих. Впрочем, и танцующие надолго не задерживались на площадке: показав свое мастерство, они степенно уступали место молодежи, хотя многие из них, несмотря на возраст, могли бы состязаться с ней в неутомимости.

У карачаево-балкарцев тучные или полные люди даже среди старшего поколения были редкостью – излишний вес считался либо признаком болезни, либо невоздержанности в еде. К тому же с ранних лет до глубокой старости мужчины оставались конниками, косили сено на кручах гор, охотились – все это способствовало тому, что они всю жизнь сохраняли стройную фигуру и легкую походку. Особенности горской одежды, подчеркивающие линию груди, талии и бедер, тонкие, нарядные пояса, которые, помимо прочего, служили украшением, – также не располагали к излишнему весу. На старинных карачаево-балкарских фотографиях, даже среди седобородых старцев, при всем старании не удастся найти ни одного полного, а также сутулого человека.

Той в Карачае. Два мальчика на первом плане играют в альчики

Абсолютное большинство карачаево-балкарских танцев – это целое действо, потому что многие из них носили не только увеселительный и развлекательный характер, а являлись составной частью обряда. При этом существовали не только общенародные обряды, но и родовые или фамильные. Как пример можно привести ритуал приобщения девочки к танцам, существовавший у рода карачаевских таубиев (князей) Дудовых. Велика ценность сохранившегося описания этого сложного обряда, а заложенные в нем этнографические загадки нуждаются в расшифровке. Проходил он в форме праздника и именовался «Къыз тепсеу» («Девичий танец»). Это был своеобразный первый бал, и означал он, что девочка повзрослела и отныне может принимать участие в танцах. В день его проведения во дворе или в доме, в зависимости от

погоды, собирались все родственники, уважаемые люди аула. Старшие и гости сидели на почетных местах, остальные стояли по периметру двора. Девочка, в нарядном платье, нагруднике и поясе, высокой шапочке, покрытой сверху тонким вышитым платком с длинными кистями, выходила на середину круга и останавливалась напротив старших. Она казалась очень высокой, потому что на ногах ее была обувь в виде невысоких, изящно вырезанных деревянных скамеечек, украшенных серебряными накладками и обшитых бархатом, – чипиллят. Ее надевали девушки из высшего сословия в торжественных случаях. Двигалась она плавно, так как держала на голове серебряный поднос с чемючем (кубок), наполненным вином. Вино готовилось из чагъыра (дикий мед), лесной малины и лекарственных трав и называлось *чагъыр*. Оно имело необыкновенный голубой цвет и душистый запах.

На ладонях девочка несла два серебряных подноса с такими же кубками. Вокруг каждого из них располагались шесть рюмочек для вина размером с наперсток (чагъыр оймакъ). Девочку сопровождали 12 мальчиков-подростков с луками и стрелами. Они окружали ее, возможно, чтобы сберечь от сглаза, а возможно, символически и от любой опасности, с которой она столкнется в своей теперь «взрослой» жизни. Из 12 мальчиков 9 были непременно кровнородственными девочке. Подростки, танцую, приближались к скамье со спинкой и подлокотниками, покрытой коврами, на которой сидели старшие, и выстраивались в ряд напротив них. Один из них, продолжая свой танец вокруг девочки, стрелял из лука вдаль. Затем он брал рюмку с вином, выпивал ее, надевал на свой газырь (от кар.-балк. *хазыр* – готовый) и занимал свое место в ряду подростков. Все остальные мальчики совершали то же самое поочередно. Таким образом, они освобождали девочке руки. Теперь уже она сама, танцую, останав-

ливалась напротив старших. Той тамата – распорядитель праздника, подходил к ней и, взяв кубок с подноса, который все это время девочка держала на голове, подносил его старейшине. Тот произносил алгыш (пожелание) в ее честь. Кто-то из самых близких, предпочтение при этом отдавалось дяде девочки по материнской линии, подходил к ней, стрелял из лука и выпивал этот кубок вина. Девочка, наконец, освобождалась от всех атрибутов и сходила с чипиллят. На ногах ее оставались башмачки из мягкой сафьяновой кожи. Ей подавали большой серебряный поднос с подарками, которыми она одаривала своих сверстников. Опустошив поднос, она становилась на него и танцевала. Отныне ей разрешалось посещать празднества. Не совершив описанного обряда, девочки этого рода не имели права при Дудовых танцевать.

При всей строгости нравов очень часто молодежь проводила вечера за танцами, игрищами, состязалась в исполнении шуточных и любовных песен... При этом на стол подавались только жареная кукуруза, иногда фрукты и сладости собственного приготовления. Танцы зачастую сопровождались играми. В них никаких вольностей не допускалось, хотя они носили иногда интимный оттенок. Так, например, в игре «Джюзюк оюн» (Игра с кольцом) одна из девушек прятала в своей одежде кольцо. О его местонахождении знал только гармонист. Целью игры было отыскать эту девушку среди подруг, а затем найти кольцо. Но при этом дотрагиваться до нее не позволялось. Затихающий или нарастающий по мере приближения к объекту поиска звук гармонике указывал его местонахождение. В народе эти вечера получили название «Къургъак той» – Сухое пиршество. Девушек на них обычно сопровождали братья.

Серьезнейшее влияние на развитие и содержание танцев и музыки оказывала религия. Как известно, Верховным богом всех тюркских народов был Тенгри (Тангри,

Тенгрихан), у карачаево-балкарцев – Тейри. В последний период учеными все чаще высказывается мысль о том, что тюрки-тенгриане были одними из первых единобожников. За пятнадцать лет до того как Мухаммед (с.а.в.) в маленькой пещере в окрестностях Мекки был оповещен о том, что Бог избрал его своим посланником и отныне он должен нести людям призыв к поклонению Единому Богу, в 595 году Феофилакт Симокатта писал о тюрках следующее: «Тюрки превыше всего чтят огонь, почитают воздух и воду, поют гимны земле, но поклоняются же единственному тому, кто создал небо и землю, и называют его Богом». В древности и предки карачаево-балкарцев верили в единого Бога – сурового и милосердного Тейри. Тейри олицетворял вечное небо и солнце, вершил человеческие судьбы. Карачаево-балкарский бог был добр и терпелив, справедлив и снисходителен. Даже за мгновение до смерти при искреннем раскаянии человека он даровал ему свое прощение. Танец «Тейри той», посвященный ему, начинался рано утром до восхода солнца и заканчивался ночью, когда появлялась луна. Танец был массовым, в нем принимали участие все присутствующие, кроме тяжелобольных. И сегодня карачаево-балкарцы клянутся именем Тейри.

Наши предки-тюрки, теряя свое единство, постепенно отошли от веры в единого Бога и стали язычниками. Продолжая почитать Тенгри как Верховное божество, они придали ему множество других богов и покровителей. Мир карачаево-балкарцев этого периода был густо населен: богами, нартскими и легендарными героями, бесами, домовыми, колдунами и оборотнями.

Величественная и мудрая богиня Умай, покровитель охотников и волков Тотур, строгий и справедливый бог охоты Апсаты, воинственный Эрирей, бог изобилия Золотой Хардар, добрая богиня сна Чомпараш, щедрый Долай – покровитель крупного рогатого скота, Аймуш –

покровитель овец, Маккуруш – быстроногий покровитель коз, божества грома и молнии Чоппа, Шибля и Элия... К ним обращались за поддержкой в своей многотрудной жизни предки карачаево-балкарцев, в них нашли свое воплощение их верования, страхи и надежды, каждодневные заботы. Богам и покровителям посвящалось великое множество праздников, и почти все они сопровождались жертвоприношениями, но, непременно, обрядами и ритуалами, в свою очередь включавшими пляски и песни. Оттого только сохранившихся народных карачаево-балкарских танцев насчитывается около сотни. Большинство из них исполнялось не только под музыку, но и под хоровое пение.

Подтверждением тому, какое высокое значение карачаево-балкарцы придавали танцу, служит то, что он входил в обязательный перечень состязаний для участников ежегодного общенационального праздника «Голлу». О нем стоит рассказать подробнее, ибо это явление уникальное даже для народов Кавказа.

Аланский (карачаево-балкарский) праздник «Голлу» получил известность на всем Кавказе. Голлу – умирающее и воскресающее солнечное божество. Он покровитель земледелия и урожая. Это добрый седобородый старик в золотистой шубе. Ранней весной, в марте, во время весеннего равноденствия, когда возрождается природа, а с ней и мертвые предки, в его честь устраивались ритуальные празднества. В древности они проходили в Нартсане (ныне Кисловодск), позднее в Аууш-жере (кар.-балк. – пологая земля, местность) (ныне Аушегер), затем в районе Кашхатау, а после разгрома, учиненного Тамерланом, выше аулов Большой Балкарии в широкой долине Штулу. Длилось это празднество около недели. В нем принимали участие люди всех возрастов, хотя главная роль отводи-

лась молодежи. Кроме балкарцев и карачаевцев нередко его посещали и гости из Сванетии, Дигории, Кумыкии, Ичкерии, позднее и адыги.

«Голлу» представлял собой сложный обряд, состоящий из нескольких этапов. Началом всему было ритуальное открытие, во время которого жрец или один из уважаемых членов общенародного Тёре (народное законодательное собрание) исполнял на свирели мелодию в честь божества. После этого другой жрец произносил благопожелание, держа в руках большую чашу с айраном или бузой (пивом). Затем начинались хороводные, массовые танцы, посвященные воспеванию величия, благородства и доброты Голлу. В них принимали участие все присутствующие независимо от пола и возраста. Первыми начинали танцевать старшие, а затем, образовав круг, в пляску включалась молодежь.

Кульминацией праздника было приглашение молодежи к участию в конкурсах на самую красивую девушку и лучшего парня. При выборе красавицы учитывалась не только ее внешность, но и умение петь, танцевать, готовить, вышивать, шить и носить одежду, а также манеры, воспитанность, скромность, остроумие. Победителем среди мужчин считался тот, кто признавался лучшим в различного рода соревнованиях: скачках, джигитовке, беге, стрельбе из лука, толкании камня, борьбе и др. Эти состязания вполне обоснованно можно приравнять к греческим Олимпийским играм. Выйти из них победителем значило прославить свое имя на весь Кавказ. Но, как ни странно, для этого суровому горцу были необходимы не только сила, мужество и ловкость, но и нежное сердце, тонкий вкус. Умение играть на музыкальных инструментах, танцевать и петь, в том числе песни собственного сочинения, было обязательным для победителя.

В одну из последних ночей праздника совершались поминки по предкам, которые сопровождалась жертвоприношениями. И конечно же танцами.

Наибольшее число песен и танцев было посвящено Апсаты, богу охоты, всемогущему и всесильному обладателю несметного количества животных. Следует сказать, что Апсаты на редкость симпатичный бог. Строгий и справедливый хранитель диких зверей и животных, он зорко следит за тем, чтобы охотники не нарушали установленные им законы. А законы эти удивительно продуманы и гуманны – требуют бережного отношения к живой природе, к животному миру – и расписаны богом до мелочей. Пожалуй, они пришлись бы по сердцу самому взыскательному представителю движения «зеленых». Бессмысленное уничтожение животных приравнивалось к убийству человека. Запрещалось стрелять в детенышей и самок, в соютого зверя, т.е. удачливый охотник должен был оставить этот промысел после своей девяносто девятой жертвы, иначе его мог настичь гнев Апсаты. Чтобы сохранить свои стада от метких стрел, Апсаты подарил карачаево-балкарцам айран, чудесный напиток, утоляющий жажду, дающий силу.

В честь Тотура, покровителя охотников и волков, устраивали праздники осенью и по окончании охотничьего сезона весной. И там тоже плясали и пели. Труд охотника считался тяжелым и опасным, но почетным. С самыми умелыми и удачливыми из них связано много песен и легенд. Существовал ритуальный праздник посвящения в охотники, к участию в котором допускались только мужчины. Сопровождался он хоровым пением, игрой на музыкальных инструментах и конечно же танцами.

Перечень обрядовых карачаево-балкарских танцев можно продолжать еще долго.

После того как языческих богов вытеснило христианство, а затем ислам, традиции и обряды претерпели изме-

нения. Как известно, пляска с настороженностью воспринимается в исламской религии, поскольку ассоциируется с возбужденным состоянием. Причина – в магическом влиянии музыки и танца на сознание человека, одурманивающей способности звука, ритма и движения. (Примером может служить буйство молодежи после рок-концертов или экстаз, в который впадают шаманы.) Но, тем не менее, танец часто сопровождает народные увеселения и частные представления даже в исламских странах. С приходом ислама в Балкарии и Карачае безвозвратно ушли в прошлое общенародные праздники, посвященные различным богам, остались семейные торжества, которые принимали общесельский характер: свадьбы, проводы и встречи юношей с воинской службы, рождение ребенка. Но, создавая новое, народ хранил в памяти танцы предков. Часть из них в результате огромного труда удалось восстановить Мухтару Чукаевичу Кудаяеву.

Второй период развития национального карачаево-балкарского танца можно охарактеризовать как период его **профессионализации**. Начался он в начале 30-х годов прошлого века и длился до конца 80-х годов, практически охватывая все советское время нашей истории.

Коренные изменения в жизнь карачаево-балкарцев, в том числе и в развитие их духовной культуры, внесла Октябрьская революция. Вслед за политическим и социальным переворотом последовал переворот культурный, получивший название культурной революции, без которого, по словам В. И. Ленина, советское государство не могло «оказаться вполне социалистической страной». Вожди революции абсолютно обоснованно считали, что культура, как никакая другая область жизнедеятельности общества, способствует созданию из разрозненных наций единого народа. Посему уже в марте 1921 года в постановлении X съезда РКП(б) об очередных задачах партии по нацио-

нальному вопросу была принята программа ликвидации не только политической, экономической, но и культурной отсталости народов национальных окраин России. В кратчайшие сроки новой власти удалось добиться впечатляющих успехов в ее выполнении. Наряду с работой по ликвидации неграмотности среди взрослого населения, введением бесплатного начального образования на родном языке для детей, повсеместно открывались школы и учебные заведения, культурно-просветительские учреждения, создавались буквари и учебники на родном языке, готовились кадры учительской, научной и творческой интеллигенции из числа представителей коренных национальностей. Трудно переоценить значение для народов Юга России введения с осени 1930 года в Северо-Кавказском крае обязательного начального обучения. Большую роль как в развитии национальных культур, так и в приобщении широких слоев населения к культуре других народов страны и к мировой культуре в целом сыграло издание газет и журналов, общественно-политической и художественной литературы на родном языке.

Не меньшее значение имело вовлечение населения в занятия художественным творчеством. Первые самостоятельные коллективы появились в конце 20-х годов при школах, которые до строительства клубов и библиотек исполняли роль центров просвещения и культуры в селах и городах. Свои достижения они демонстрировали на смотрах и олимпиадах. В кратчайшие сроки результат превзошел все ожидания. Казалось, вся страна Советов только и делала, что пела и танцевала. Самодельные коллективы росли, как грибы после дождя. Это явление получило название «самодельный взрыв». Не миновало оно Балкарию и Карачай.

Первый Учкуланский ансамбль песни и пляски. Худрук – Алиев
Ракай Тауканович

Пятнадцатого июня 1930 года состоялось торжественное открытие I олимпиады искусств народов СССР. Ее большая практическая значимость заключалась в том, что, в отличие от народов союзных республик, именно с этого периода целый ряд народностей автономных национальных округов, областей и республик (народы Севера, Дальнего Востока, Поволжья, Северного Кавказа и т. д.) приступили к собиранию и систематизации материалов, позволяющих восстановить историю своих культур.

Для Юга России важнейшим художественным событием стала I краевая олимпиада искусств горских народов Северного Кавказа, проходившая в г. Ростове-на-Дону с 5-го по 11 декабря 1931 года. В ней принял участие карачаевский хоровой коллектив в составе шести женщин и двенадцати мужчин. Исполнение ими народной героической песни «Ачей улу Ачемез» произвело сильнейшее

впечатление на слушателей. Жюри оценило проделанную подготовительную работу на местах и мастерство самодельных артистов по музыкальному искусству следующим образом: 1-е место – Дагестан, 2-е место – Карачай, 3-е место – Адыгея и Кабардино-Балкария, 4-е место – Осетия, 5-е место – Чечня и Ингушетия. Карачаевская делегация была награждена Красным Знаменем.

В 1932 году состоялась 1-я Всесоюзная олимпиада самодеятельного искусства. Она оказала огромное влияние на развитие национального искусства всех народов Советского Союза. Победителями Северо-Кавказской краевой олимпиады в августе 1932 года стал балкарский хоровой кружок и группа танцоров, в их числе и Якуб Рахаев, будущий руководитель Кабардино-Балкарского ансамбля песни и танца. Оба коллектива были направлены в Москву. На Всесоюзной олимпиаде они заняли второе место среди огромного числа претендентов необъятной страны Советов. Это был потрясающий результат.

По утверждению специалистов, все эти успехи объяснялись тем, что в области хореографии и многоголосого коллективного (хорового) пения у карачаево-балкарского народа были культурные традиции прошлого, а выработанные веками образцы танца и песни не могли оставить равнодушными как знатоков, так и простых почитателей народного творчества.

Всесоюзные олимпиады вызвали живой интерес к самобытному и яркому искусству кавказских народов и в то же время убедительно показали необходимость его развития. Создание художественных профессиональных коллективов стало задачей номер один.

В июле 1930 года в Нальчике был организован самодеятельный танцевальный ансамбль «Красный Кавказ». В его более чем скромном составе всего 3-е танцоров, 2 танцовщицы, 3 музыканта, 2 административных работника и худрук. Его организатором и первым художес-

твенным руководителем был Семен Шабаев, талантливый хореограф и прекрасный танцор. Вернувшись домой, балкарская музыкально-танцевальная группа, так блестяще отличившаяся на олимпиаде, влилась в ансамбль «Красный Кавказ» и стала костяком при формировании первого Кабардино-Балкарского государственного ансамбля песни и пляски.

Детский самодеятельный коллектив. Сел. Холам, 1940 год.
Руководитель Жанаканит (фамилия неизвестна)

В это же время серьезная и успешная работа по созданию национальных художественных коллективов велась в Карачае. По инициативе Шахарбия Кеккезовича Эбзеева, одного из зачинателей карачаевской драматургии, в Кисловодске, столице Карачаевской автономной области, в 1931 году был образован первый национальный ансамбль

песни и пляски. Почти одновременно такой же коллектив был создан в г. Микоян-Шахар (ныне Карачаевск) Исхаком Мудалифовичем Урусовым – основоположником карачаевской музыкальной фольклористики. Первые солисты ансамбля Биджиев Пазлу, Семенова Кекала, Холамлиев Солтан, Чотчаева Софья в короткий срок завоевали любовь и признание зрителей.

Несмотря на то что танцевали все – от мала до велика, от рождения до глубокой старости, танец у народов Кавказа не считался профессией. При наличии танцоров, наделенных удивительным талантом, никто не зарабатывал танцем на жизнь, не было и специализированных учебных заведений. В связи с отсутствием местных специалистов возникновение и развитие сценической музыкальной, вокальной и хореографической культуры коренных народов Северного Кавказа связано с именами русских деятелей культуры. Из России в Кабардино-Балкарию в разные периоды приезжали композиторы, музыканты, хореографы, такие, как А. Авраамов, Т. Шейблер, С. Рязов, А. Покровский, М. Чонишвили, А. Орлов-Шузьм, Л. Смелянский. Некоторые из них сыграли важную роль не только в становлении профессионального искусства в республике, но и в собирании, изучении народного художественного наследия карачаево-балкарцев.

Это было нелегкое, но прекрасное время. Приглашенные специалисты работали не покладая рук. Но и из среды коренных национальностей стали выдвигаться представители, также решившие посвятить себя искусству. И первым среди них по праву следует назвать Якуба Рахаева. Самый младший из восьми сыновей Махая Рахаева, он обладал огромной жизненной силой, легко увлекался и упорно добивался поставленной цели. При этом увлечения его были разнообразны, и в каждом из них ему сопутствовал успех. Он неизменно привозил призы со скачек, соревнований по стрельбе, бегу, танцам,

борьбе. Но постепенно танец стал занимать все большее место в его жизни. Якуб мечтал собрать и объединить в единый творческий коллектив талантливую молодежь. И когда Бетал Калмыков, возглавлявший тогда партийную организацию Кабардино-Балкарии, загорелся идеей создания профессионального ансамбля, первым его единомышленником конечно же стал Якуб. Рахаев неустанно ездил по селам, находил способных танцоров, уговаривал родителей отпустить детей в город и дать им возможность посвятить себя новой профессии. Он полностью отдался воплощению своей мечты. Позже, во время создания «Балкарии», Мухтар Кудиев повторил еще в большем объеме его деятельность. Но у Мухтара, в отличие от Якуба, не было помощника в лице руководителя республики. Кстати, Бетал Калмыков, получивший в народе прозвище «крававый», на чьей совести, по утверждению его современников, много загубленных и изломанных человеческих судеб, проявил удивительное понимание значения ансамбля песни и танца для культуры коренных народов Кабардино-Балкарии. Он принимал личное участие в его организации, присутствовал на репетициях, подбирал ткани для костюмов, участвовал в обсуждении репертуара, знал поименно всех артистов, решал их семейные проблемы. По его указанию всем сотрудникам ансамбля были сшиты и розданы современные костюмы, «чтобы они выглядели красиво не только на сцене, но и повседневно». Иногда он сам объявлял номера и имена исполнителей на концерте. Такие действия руководителя республики поднимали престиж коллектива, его участников, да, пожалуй, и самого руководителя.

В 1933 году танцевальный ансамбль «Красный Кавказ» преобразовали в профессиональный Кабардино-Балкарский ансамбль пляски и музыки. В него вошли и участники областной студии национального искусства, которая была создана при Ленинском учебном городке 1 октяб-

ря 1933 года. В следующем, 1934 году состоялось первое официальное выступление коллектива.

В Карачае создание профессионального ансамбля карачаевского народного танца было поручено Шахарбию Кеккезовичу Эбзееву.

Талантливый, на удивление разносторонне одаренный человек, Шахарбий был музыкантом, драматургом, художником, балетмейстером, композитором. Он прекрасно пел, танцевал, играл на всех национальных инструментах, фортепиано и скрипке, знал бесчисленное множество народных песен и танцев, написал около 50 песен и 30 драматических произведений.

Кто автор и постановщик первой пьесы на карачаевском языке? Шахарбий Эбзеев. Кто организатор первого профессионального танцевального коллектива? Шахарбий Эбзеев.

В 1934 году в г. Микоян-Шахаре проходил V областной съезд Советов, и Эбзеев был приглашен на него со своим коллективом. Успех превзошел все ожидания. После этого выступления он получил полномочия организовать областной ансамбль песни и пляски.

С этой задачей он справился блестяще и руководил коллективом до своего ареста в зловещем 1938 году.

Шахарби Кёккезович Эбзеев

Осиротевший ансамбль возглавил Исхак Урусов. Тонкий знаток народной музыки, песен и танцев, он также внес большой вклад в его дальнейшее развитие. Одновременно весь этот период Исхак собирал и вел нотные записи народных мелодий. Деятельность его прервала война. Он ушел на фронт. В 1942 году командир батальона Исхак Урусов героически погиб при защите Сталинграда. Следует отметить, что 1942 год был роковым для карачаевской творческой интеллигенции – он унес жизни многих талантливейших ее представителей. Имя Исхака увековечено на монументе Мамаева кургана в Волгограде. В Волгоградском университете учрежден кубок имени И. М. Урусова, которым награждают студентов за успехи в самодеятельном художественном творчестве. В 1982 году в Черкесске стараниями его сестры, писательницы Аминат Урусовой, издан нотный сборник «Народная музыка Карачая», но вошли в него всего 25 мелодий, так как большая часть собранного им материала была утеряна в годы депортации.

К сожалению, документов по истории создания Карачаевского областного государственного ансамбля песни и танца не удалось найти ни в республиканском госархиве, ни в краеведческом музее. Как выяснилось, большая часть архивных документов была уничтожена при возникновении угрозы захвата Карачаевской автономной области гитлеровцами, оставшаяся – во время депортации. Тем острее стоит необходимость сбора письменных материалов и информации у немногих очевидцев тех давних событий.

История карачаево-балкарской культуры двадцатого столетия насчитывает удивительно много людей не только безмерно влюбленных в культуру своего народа, но и прекрасно осознававших ее древность и самобытность. Вслед за известными дореволюционными просветителями они мечтали сохранить ее, более того, сделать досто-

янием других народов и работали на этом поприще самоотверженно и неустанно. В этом ряду стоят имена организаторов и руководителей первых профессиональных государственных ансамблей народного танца в Кабардино-Балкарии и Карачаевской автономной области Якуба Рахаева, Шахарбия Эбзеева, Исхака Урусова.

Карачаевский областной ансамбль песни и пляски. Художественный руководитель И. М. Урусов (в центре). 1938 год. Из личного архива А. Урусовой

Программа госансамблей 30-х годов строилась из подлинно народных номеров, их исполняли точно так же, как в быту, без всяких изменений и дополнений. Парни и девушки выстраивались на сцене в две линии напротив друг друга. Балетмейстер давал команду и по очереди, начиная с края, без всякого объявления, каждый из них

выходил из шеренги и начинал свой танец-импровизацию. А все остальные, находившиеся в это время на сцене, хлопали в ладоши в такт музыки. Как только первый танцор заканчивал свой танец, его место занимал следующий и исполнял свой номер.

В села артисты добирались на арбах, запряженных волами, но большую часть пути проходили пешком. Клубов было мало, освещались они керосиновыми лампами. Выступали, за редким исключением, на сельских площадях, очертив круг, и зрители стояли, стараясь не нарушать его, чтобы не мешать танцорам. Афиши рисовали сами артисты.

Несмотря на все трудности, государственные ансамбли песни и танца, окруженные с первого дня вниманием и поддержкой руководителей обеих республик и любовью населения, быстро развивались. Всякое их достижение заботливо отмечалось печатью.

Поднятию творческого уровня Кабардино-Балкарского ансамбля способствовало создание интерната, в котором его работники учились музыкальной грамоте и приобретали навыки хорового пения. В результате уже в 1934–1937 годах ансамбль неизменно завоевывал призовые места на олимпиадах, проводившихся в Пятигорске и Ростове-на-Дону, а в 1935–1938 годах дал ряд концертов в Москве, Ленинграде, Киеве, Ростове-на-Дону и Мурманске. В ноябре 1936 года он с успехом выступил перед делегатами VIII Всесоюзного чрезвычайного съезда Советов в Москве. В памяти танцоров этот концерт оставил неизгладимый след. Ведущими солистами ансамбля в ту пору были талантливые балкарские танцоры – Якуб Рахаев, Хамит Датчиев, юный Мутай Ульбашев и другие. Сталин, а значит, и все присутствовавшие, стоя аплодировали Датчиеву Хамиту, когда тот прошелся на пальцах по паркету сцены Большого театра.

Хамит Датчиев и участники организованного им в Средней Азии
самодетельного коллектива из числа спецпереселенцев

По признанию грузин, только Мутай Ульбашев исполнил грузинский танец «Ликури» лучше их самих. Первым в истории профессионального северокавказского хореографического искусства танец с кинжалами на профессиональной сцене показал Якуб Рахаев. Шестнадцать тяжелых серебряных кавказских кинжалов, не бутафорских, а настоящих, боевых, летали вокруг него, как хищные и стремительные птицы, а он неустанно кружил в танце по сцене на носках. Рассказывают, что Максим Горький, у которого артисты ансамбля были в гостях, отвернулся не выдержали нервы.

Уже после написания этих строк поэт Мухтар Табаков принес мне вышедшую в 1956 году в Орджоникидзе (ныне Владикавказ), старинную осетинскую народную сказку «Згидская красавица». Хотелось бы остановиться на ней подробнее, потому что не всегда нам удастся

взглянуть на себя со стороны, тем более глазами соседей.

В поэме рассказывается о том, как к красавице из горного осетинского аула Згид приезжают свататься знатные витязи со всего Кавказа: «Один другого был родовитей, один другого – славней, богаче». Последним приходит «с высот балкарских широкоплечий пастух Астемир» (*Астемир – кар.-балк. – железный ас. Ас – самоназвание алан, асами называли и называют балкарцев соседи, в том числе и осетины, темир – железо*). Все они должны принять участие в состязаниях, ибо, как водится в сказках, только победитель получит красу-девицу в жены. Кичливые соперники вступают в борьбу, осыпая простого пастуха насмешками. Но он одерживает убедительную победу во всех состязаниях. В поэме дается такое описание этих побед:

На всем галопе
Нырнул под лошадь,
Нырнул и снова
Взлетел на холку.
На всем галопе
Коню на спину
Он встал ногами –
Не пошатнется.
На всем галопе,
С коня свисая,
Он поднимает
С земли монету.

Так Астемир стал первым в джигитовке. Но испытания продолжаются.

Там состязались, –
Кто всех мудрее
Узнать хотели.
Садись старцы

Послушать юных
И справедливо
Решить их споры.
Говорунами
Полна поляна.
Каких лишь толков
Не возникало!
Белобородый

Старик загадку
Задал джигитам:
– *Кто отгадает?*
Не больше сливы,
А мир вмещает –
Поля и горы
И небо с морем.
Никто не в силах
Ответить старцу.
Один Астемир
Нашел разгадку.
– *То глаз, – ответил.*
И было верно.
Оборотился
Старик к балкарцу:
– *А ну, скажи-ка,*
Коль ты догадлив,
«Что завтра будет,
Вчера что было?»
И все притихли,
Глядят злорадно:
– *Теперь-то вряд ли*
Пастух ответит.
Астемир тронул
Свой лоб обритый,
Сказал, подумав,
– *СЕГОДНЯ – это.*

И было верно.
Старик балкарцу
Жмет крепко руку:
– *Ты – победитель!*

В поэме, помимо силы, мужества, ловкости, неоднократно подчеркиваются такие черты Астемира, как ум, учтивость и сдержанность. Немалый вклад в торжество пастуха над знатными соперниками внес исполненный им танец с кинжалами. В сказке дается такое описание танца:

Мне говорили,
Что в легкой пляске
Там состязались.
Гармонь играла.
Ты не успеешь
Водить глазами –
Так быстро прыгал
Иной искусник.
То на носках он
Юлой вертелся,
То словно ветер
Летал по кругу.
– Иди, Астемир,
Спляши-ка с нами, –
Зовут балкарца
Не без усмешки.
И, подоткнув
За пояс полы,
И рукава
Скрутив за локти,
Берет он в руки
Двадцать кинжалов,
Двадцать кинжалов
Сверкают солнцем.
Они меж пальцев
И меж зубами,
Торчат под мышкой,
Взлетают в воздух.
И разом двадцать
Кинжалов острых
Воткнулись в землю –
Окончен танец...

Сердце какой девушки не дрогнет при виде стольких достоинств? Не осталось оно равнодушным и у гордой красавицы Згида.

Краса-невеста
С высокой Башни
Куда ни взглянет –
Астемир всюду.

Он всех отважней,
Он всех искусней,
Он всех мудрее,
Он всех желанней.

Покоренная згидская красавица спустилась с башни и нарисовала на спине героя луну и солнце – знак их неразлучности. (Казалось бы, два этих светила не встречаются на небе, они сменяют друг друга, но в карачаево-балкарской и дигорской (аланской) мифологии они суп-руги – муж и жена. Отсюда и образ.) А затем пригласила избранника отдохнуть в свои покои... Так наши соседи-осетины через века пронесли память о бытовании танца с кинжалами у карачаево-балкарцев. Да, Якуб не был его создателем. Он возродил, повторил его вслед за своими предками. Но прав был Кайсын: «Лишь то в потомках оживает внове, что в предках утвердилось глубоко».

Танец с кинжалами вошел в репертуар почти каждого кавказского ансамбля. В Карачае Шахарбий Эбзеев владел уже 29 кинжалами. Блестяще исполнял его другой талантливый танцор, Чомаев Джанду, известный на Северном Кавказе как «карачаевский Эсамбаев». Многие другие артисты пробовали себя в нем, но станцевать его, как Якуб, Шахарбий и Джанду, до сих пор не удалось никому, потому что помимо таланта танцора для его исполнения требуется физическая подготовка атлета.

В Москве высоко оценили дарование Рахаева: ему был подарен именной маузер с рукоятью, инкрустированной серебром, изготовленный тульскими оружейниками. Персонально для Якуба менялись расписания поездов, когда в Москву приезжали именитые зарубежные гости и ему приходило приглашение принять участие в концерте мастеров искусств в столице. С 1934 года Якуб Рахаев неизменно возглавлял Кабардино-Балкарский ансамбль песни и танца.

Якуб Рахаев (в центре) с участниками Кабардино-Балкарского ансамбля песни и танца. Мутай Ульбашев (в первом ряду слева)

Трагически сложилась судьба этого незаурядного человека. Фронт, плен, побег, лагеря, досрочное освобождение и жизнь в переселении. Но где бы Якуб Рахаев ни был, он не изменял своему призванию – карачаево-балкарскому танцу. Даже в лагере он создал ансамбль из числа кавказцев, за что и был освобожден досрочно.

Война внесла свои коррективы в процесс развития танцевального искусства. Многие танцоры и певцы ушли на фронт. В сентябре 1942 года было принято решение об объединении Кабардино-Балкарского ансамбля пляски и музыки и государственного хора в Кабардино-Балкарский ансамбль песни и пляски. Соответственно после переселения балкарцев он стал именоваться Кабардинским ансамблем песни и пляски.

В военные и послевоенные годы карачаево-балкарцы были лишены права и возможности приобщения к своей народной культуре. Для них процесс развития сценического национального танца, начавшийся в 30-е годы, прервала война, а затем ссылка. Естественный ход жизни был нарушен. На фронте, в лагерях и изгнании основательно сократилось число творческой и научной интеллигенции, многие представители старшего поколения, носители традиций, безвременно покинули этот мир. В послевоенный период, когда на государственном уровне серьезнейшее внимание уделялось изучению духовной культуры и истории народов СССР, а также особенно интенсивно шел процесс создания научной и творческой интеллигенции из числа коренных народов национальных окраин страны, депортированные народы затрачивали все свои физические и духовные силы на простое выживание.

Судьба танцоров, в свое время работавших в довоенных государственных ансамблях, сложилась трагически. И их не пощадило страшное время. Война, депортация, смерть, лагеря, болезни... После возвращения на родину они разъехались по селам, надо было обустроить свои семьи заново, да и здоровье было подорвано, а время для танцев упущено.

По возвращении из Средней Азии балетмейстером, а с 1968 года бессменным главным балетмейстером и художественным руководителем Кабардино-Балкарского ан-

самбля песни и танца стал народный артист РСФСР Мутай Исмаилович Ульбашев. Под его руководством коллектив получил известность далеко за пределами Союза, побывал в 56 странах Азии, Европы, Австралии, Африки, Латинской Америки. Немало сил и таланта вложили балкарские танцоры в создание и развитие нынешней «Кабардинки». В ее довоенном составе было много балкарцев: Датчиев Хамит, Уянаев Узеир, Ульбашев Назир, Ульбашев Мутай, Мокаев Карабаш, Кульбаева Зухра, Этезова Сакинат, Ногерова Жансурат и другие. Не меньшее участие в его становлении приняли и горские евреи: Г. Исакова, А. Исаков, Б. Шаваев, Х. Алхасов, Т. Ашуров и другие.

В Карачае работу над возрождением ансамбля народного танца возглавил Джанду Шахимович Чомаев.

В довоенный период слава о нем, как о необычайно талантливом танцоре, гремела по всему Северному Кавказу. Танцевал он с детства. В 1935 году по приглашению председателя Карачаевского облисполкома Курмана Гурджиева в КАО приехал первый секретарь Коммунистического Интернационала болгарин Георгий Димитров. Танцевал перед ним 15-летний Чомаев. Он вызвал такое восхищение, что Гурджиев по просьбе гостя подарил юноше золотистую бухарскую каракулеву шапку. До самого своего ареста в 1937 году он оказывал одаренному юноше поддержку, а тот на всех празднествах и фестивалях выходил победителем. Причем он, на всеобщее удивление, одинаково безупречно исполнял как родные карачаевские танцы, так и танцы других кавказских народов. Так, за пляску Шамиля (у карачаево-балкарцев она известна как древний обрядовый танец «Шибля», по имени богатого громовника, в честь которого она исполнялась – отсюда опущенные вниз кисти рук, ломаные, резкие движения, имитирующие удар молнии) на фестивале в Махачкале Чомаев, помимо диплома за занятое первое место, получил серебряный пояс и кинжал. В Адыгее за лучшее ис-

полнение адыгейских танцев ему также присудили первое место и подарили ковер с портретом Ленина.

В 1939 году Джанду призвали в Красную армию. Служил он в кавалерии. За мужество и храбрость, проявленные во время войны, был удостоен 4 орденов и 17 медалей. Танец сопровождал его всю жизнь, вернее, был его жизнью. Даже на фронте он умудрялся не только воевать, но и танцевать, используя для этого любую представившуюся возможность. Так, в феврале 1943 года, когда земляк-осетин, командир корпуса, генерал Исса Александрович Плиев вручил ему орден Красной Звезды за оборону Сталинграда, вместо ответной речи он исполнил карачаевский народный танец.

В июне 1946 года Чомаев демобилизовался и разыскал семью в селении Чалдовар в Киргизии. Но и там, в изгнании, он не отказался от своего увлечения: организовал детский танцевальный кружок в селе. На родине Д. Ш. Чомаев возглавил Карачаевский ансамбль народного танца.

Создание профессиональных коллективов имело огромное значение для развития как сценической, так и бытовой хореографии. Именно с этого времени начинается их разделение. Народный, бытовой танец, претерпев сложную эволюцию, пройдя процесс шлифовки, стал преобразовываться в сценический. Сценическая хореография, в свою очередь, канонизируется, упорядочивается. Отныне импровизацию, круговое построение, характерные для первых лет, сменяет канон в структуре, композиции, позиции рук и ног. Осанка, движения принимают законченную форму. Теперь уже танцы приходят на сцену не из народа, а, напротив, со сценической площадки, становясь эталонами, перенимаются и повторяются в быту.

Большим изменениям репертуар Кабардино-Балкарского государственного ансамбля подвергся в 1939 году.

Художественный руководитель Михаил Чонишвили, сам хороший танцор в прошлом, один из участников Международного фестиваля искусств в Лондоне, уделил серьезное внимание повышению исполнительского мастерства артистов и расширению репертуара за счет плясок других народов Кавказа, близких балкарским и кабардинским по характеру и манере исполнения.

Постепенно последние вообще отходят на второй план – их теснят и завоевывают себе право на существование танцы, истоки которых восходят к народному хореографическому творчеству соседей: Грузии, Дагестана, Осетии, Чечни и Ингушетии. В свою очередь, карачаево-балкарские «тюз тепсеу» (дословно – прямой танец) и истемей (от тюрк. *истем* – желание; отсюда русское «истома» и искаженное «исламей» – «любовный танец») становятся общекавказскими танцами.

В послевоенные годы перед учреждениями искусства ставятся новые цели. В соответствии с ними репертуары профессиональных и самодеятельных коллективов в Союзе стали «расширяться и обогащаться песнями и танцами братских социалистических республик, стран народной демократии». Свое, национальное, предается забвению. Процесс этот до 1957 года никак не затрагивал балкарцев и карачаевцев, так как они, как сказано выше, были полностью оторваны от своей национальной культуры. Но не совсем благополучно обстояло дело и в кабардинском танцевальном искусстве. В книге, посвященной 20-летию Кабардинского государственного ансамбля песни и пляски, его руководители, директор Ю. Рыков и худрук ансамбля, композитор А. Орлов-Шузьм, с гордостью писали: «Ансамбль уже немало сделал для того, чтобы показать зрителям танцы и песни русского, украинского, молдавского, китайского, корейского народов. Работа в этом направлении продолжается. Она расширит творческий диапазон самих исполнителей и в

то же время ознакомит тружеников селений Кабарды с искусством братских народов».

Между тем опасность утраты самобытности национальной хореографии и тенденции к ее обезличиванию вызывали обеспокоенность у наиболее подготовленных общественных деятелей. В 1956 году, после просмотра концерта Кабардинского госансамбля, посвященного празднованию 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России, Т. К. Мальбахов, председатель Президиума Верховного Совета Кабардинской АССР, высказал такое мнение: «Кабардинский госансамбль призван бережно сохранять все то, что было создано нашими отцами, дедами и прадедами. А на самом деле ансамбль с каждым годом все больше и больше перестает быть кабардинским... Наши танцы, как танцы кабардинские, теряют свою специфическую особенность и остаются от них лишь одни черкески как атрибуты нашей национальной одежды. Если наш ансамбль и впредь будет таким, каким он стал на сегодняшний день, тогда его лучше назвать Нальчикским, а не Кабардинским... С таким положением, которое создалось в коллективе, мы не можем мириться...».

Так еще в ту пору он четко обозначил цель государственных ансамблей народного танца – сохранение и развитие народного танцевального искусства, как бесценного национального достояния.

К сожалению, многие современные чиновники не осознают этого и до сих пор оценивают значимость госансамблей меркой коммерческой. Несколько лет назад своими установками на объединение ансамблей двух разных народов с различной танцевальной культурой они стали вновь подталкивать их на уже пройденный путь. На этом пути могло быть потеряно все, с таким трудом достигнутое за последние годы.

Сегодня, на наш взгляд, вопрос объединения коллективов, представляющих танцевальное искусство балкарцев и кабардинцев, не должен даже обсуждаться, потому что безграмотность таких заявлений очевидна и не только специалистам. Помню, мой конфуз, когда в 1989 году на просьбу прислать на фестиваль в Дом дружбы г. Кисловодска самодеятельные коллективы, представляющие танцы кабардинцев и балкарцев, я отправила ансамбль Кенженского дома культуры «Нартхаса». Каково же было мое удивление, когда устроители фестиваля стали выговаривать мне за то, что не выполнена договоренность – нет коллектива балкарского танца. На это я с чистым сердцем и уверенностью заявила, что наши народы танцуют одни и те же танцы. С нескрываемым раздражением на том конце провода долго объясняли для них очевидное: есть народ, значит, у него есть и своя танцевальная культура, другое дело, насколько глубоки ее корни, и каково место танца в его духовной жизни. Я была смущена, но делать было нечего – в городе среди 40 танцевальных коллективов не было ни одного ансамбля балкарского, да и кабардинского танца. С тех пор прошло двадцать лет. Многие понято теми, кто хотел и способен понять. И не может не радовать позиция руководства Карачаево-Черкесии, которое в эти далеко не легкие годы дало статус «государственный» танцевальному ансамблю черкесского народного танца «Меркурий», до сих пор существовавшему на спонсорские средства.

Однако вернемся в шестидесятые годы прошлого века. На основе народных создавались новые танцы. Рост исполнительского мастерства артистов позволял насыщать их эффектными трюками. Постепенно разрабатывался новый стиль, пальцевая техника становилась средством создания бравурной пляски. В погоне за зрелищностью многие балетмейстеры все дальше отходили от установившихся форм и традиций народного хореографическо-

го искусства. В него вносились элементы, которые искажали фольклорную основу, нарушали национальные особенности, не соответствовали национальному характеру.

Так, наряду с положительным, шло разрушение традиционных структурных канонов народного танца. Народная, реалистическая, живая манера исполнения постепенно выхолащивалась. Ансамбли народов Северного Кавказа стали приобретать черты единообразия. Все чаще относительно них стало звучать одно определение – «темпераментный, азартный».

Очень хорошо раскрыл создавшуюся в тот период ситуацию в танцевальном искусстве ученый-фольклорист Махти Джуртубаев: *«Еще «отец истории» Геродот писал: «И живут в том Кавказе народы многообразные». В результате вековых контактов этих «многообразных» народов, постоянного взаимовлияния, в их культуре и быту появилось много сходного. Общие черты – вот что бросается в глаза при первом знакомстве с ними. И гораздо труднее обнаружить черты своеобразия, присущие традиционной культуре каждого из горских народов. В полной мере это относится и к одной из важных и ярких частей духовного наследия наших предков – народной хореографии.»*

Долгое время на сценах Кабардино-Балкарии исполнялись только те танцы, которые присутствуют, с небольшими вариациями, в хореографии почти всех народов Кавказа. Разумеется, ничего плохого в этом не было, более того, это необходимо. Беда только в том, что постепенно танцы стерлись до полной неузнаваемости, лишились «авторства». Нельзя было понять – какому же народу принадлежит тот или иной танец. Одним словом, сложился некий стереотипный хореографический шаблон, дополненный еще и совершенно одинаковыми костюмами. Дальше – больше: появились, и в неимоверном количестве, нелепые сценические постановки, сочиненные

ретивыми хореографами – опять-таки исполняемые на всех сценах Кавказа, – «У ручья», «Молодежный танец», «Танец чабанов» (а также кукурузоводов, доярок, косарей; для полного антуража не хватало только пляски знатных хлопкоробов). Надо ли говорить, что все это не имело никакого отношения к подлинно народным танцам и пляскам, которые тем временем приходили в полное забвение. А ведь танцы, связанные с исторической жизнью, бытом, мифологическими воззрениями и обрядами, – самое ценное и своеобразное, древнее исконное в народном искусстве. Остановить этот процесс, не дать погибнуть тому, что создавалось веками, – весьма сложная задача, особенно если учесть, как много времени было упущено.

К счастью, у нас были люди, которые понимали великую ценность народного искусства и в нелегких условиях почти полного пренебрежения к нему делали все возможное для его спасения».

Сегодня, после выхода в свет книг «Древние верования балкарцев и карачаевцев», «Душа Балкарии», «Карачаево-балкарский героический эпос», карачаево-балкарского этического кодекса «Езден адет», сборника «Карачаево-балкарские мифы» самого Джуртубаева можно смело причислить к числу тех ученых, которые посвятили свою жизнь спасению духовного наследия наших предков. Для некоторых нынешних ученых, писателей и поэтов и для меня лично, он стал тем, кем был для Мухтара Саид Шахмурза – человеком, определяющим судьбу. Спасибо тебе, Махти!

По прошествии времени, в семидесятые-восьмидесятые годы уже местные балетмейстеры бились над определением дальнейших путей развития национальной хореографии. Работа шла в спорах, но завершилась провалом.

Из воспоминаний Мухтара Кудаяева:

«Хореографы Хашир Дашуев, Билял Каширгов, Ахмед

Никаев, Мутай Ульбашев пытались определить пути развития народного танца. Участие в обсуждении принимали и танцоры. Знаний явно не хватало. Общекавказские элементы танца окончательно вытеснили свое, национальное. Работа в селах, со старожилками, была трудоемкой и ее все старательно избегали».

Таким образом, второй период можно охарактеризовать как период становления и развития сценического танца, профессионализации хореографического искусства. Вначале сыгравший положительную роль, затем он отмечен отходом от народной танцевальной культуры. Конец ему в нашей республике положил своим творчеством Мухтар Чукаевич Кудаяев. Существует и четкая дата его завершения – 1989 год – год создания М. Ч. Кудаяевым первого фольклорно-этнографического ансамбля карачаево-балкарского народного танца, получившего 31 января 1990 года статус «государственный».

Третий период развития народного танца обусловлен тем, что воодушевленные объявленными демократическими преобразованиями, народы Советского Союза обратились к своим духовным истокам, к своим корням. В танцевальном искусстве его можно назвать периодом **возрождения народного танца**. Начался он в конце восьмидесятых годов прошлого века и длится по сию пору, правда, растеряв первоначальный энтузиазм. Начало ему в Кабардино-Балкарии положил своим творчеством все тот же Мухтар Чукаевич Кудаяев. Существует и четкая дата его отсчета – 1989 год – год создания им первого балкарского профессионального ансамбля народного танца. Раскрыть содержание этого периода – это значит рассказать о подвижническом труде Мухтара Кудаяева, его единомышленников и последователей по возрождению народного карачаево-балкарского танца.

Глава двенадцатая

ПОИСК

Еще недавно можно было услышать из уст людей неосведомленных, но любознательных: «А было ли у нас такое огромное количество танцев? Или это плод творческой фантазии и таланта Мухтара?» Ответ на этот вопрос можно найти в пятидесятилетнем исследовательском труде Мухтара. Результат этого труда – книги, ансамбль «Балкария» и те мелодии, песни и танцы, которые еще два десятилетия назад были знакомы только знатокам и старожилкам, а сегодня слышны в каждом карачаево-балкарском доме, исполняются на сцене, свадьбах, обрабатываются и используются соседними народами. Деятельность Мухтара на этом поприще невозможно переоценить, а дорога, пройденная им, с его слов, такова. С 1960 года все больше усилий и времени он стал посвящать сбору танцев, их изучению и восстановлению. С этой целью он обратился к наблюдениям и описаниям ученых-этнографов, запискам путешественников, экспедиционным исследованиям, фольклорным материалам, устным преданиям. Куда-ев разыскал в публикациях дореволюционных ученых и путешественников – Н. Ф. Грабовского, В. М. Сысоева, И. С. Иванюкова, М. М. Ковалевского, И. С. Щукина, Г. Ф. Чурсина и других – описание карачаево-балкарских танцев, их характера, манеры исполнения и музыки. Все эти танцы были тесно связаны с историей, фольклором и мифологией народа.

Из воспоминаний Мухтара Кудаева:

«Я понял, что для того чтобы выявить как общие, так и специфические черты танцевальной культуры, необходимо изучать ее в динамике, в историческом развитии, вплоть до сегодняшнего дня, а в историческое прошлое надо проникать настолько, насколько это возможно. Неоценимую помощь в получении исторических и этнографических знаний в этот период мне оказали личные встречи и работы таких наших ученых, как И. Мизиев, В. Батчаев, Ю. Асанов, И. Шаманов, Н. Кагиева, Р. Ортобаева, К. Текеев».

Вскоре Мухтар познакомился с молодым ученым Махти Джуртубаевым. С его помощью он окунулся в богатейшую мифологию карачаево-балкарцев. Постепенно перед ним раскрылся удивительный по своей образности и глубине мир древних верований народа.

Великий мастер танца Махмуд Эсамбаев говорил так: «Танец любого народа выражает его самые характерные, самые высокие и прекрасные черты... Для меня узнать народ – значит узнать его танец, рожденный выдумкой, изобретательностью, воображением, разумом народа. Танцы, которые издревле живут в народе и создаются сегодня, – подлинная энциклопедия жизни. В каком бы далеком краю ни оказались, как далеко ни занесла бы вас судьба, взглянув на танцы народа, вы живо почувствуете уклад жизни обитателей этой страны, их горе и радости, их мечты и надежды, существо их национального характера». Жизнь и творчество Мухтара Кудаева убедительно доказывают справедливость этого высказывания. Через любовь к танцу открывалась Мухтару душа собственного народа, ближе и понятней становились его надежды, чаяния, отношение к добру и злу. Все это, в свою очередь, позволяло ему самому полнее ориентироваться в мире танца, а его творческой фантазии работать непринужденной и вдохновенной.

Но самым важным и драгоценным источником, по-полнявшим его знания о народной хореографии, были не книги, а простые крестьяне. В глубине ущелий, в горных аулах Балкарии и Карачая еще оставались хранители древней культуры, знатоки и исполнители танцев и песен. И Мухтар обратился к ним. Отложив в сторону нескончаемые дела, сложив на коленях натруженные руки, борясь со смущением, они отвечали на его расспросы, плясали, пели, а глаза их светились той же любовью к родной земле, которая неугасимо горит в его сердце.

Процесс восстановления танца был сложным и трудоемким. Помимо отсутствия в республике специалистов и исследований в области этнохореографии народов Кабардино-Балкарии, не было денежных средств, заинтересованного отношения властей.

Из воспоминаний М. Кудаяева:

«Для поездок по селам нужны были деньги. Я ездил на то, что удавалось выделить из своего и так более чем скудного семейного бюджета. Позднее мне стали помогать заместитель председателя облсовпрофа Зейтун Зокаев, заведующие отделом культуры города Нальчика Лидия Герасименко, Раиса Шаваева, заведующая отделом культуры облсовпрофа Римма Кацубаева. В селах я встречался со стариками, знатоками танцев, затем подробнее описывал все, что они рассказывали и показывали мне. Саид был прав: наряду с танцевальными движениями накапливался и другой материал – языковой, музыкальный, орнаментальный, обрядовый.

Времени уходило много. Порой, чтобы встретиться с одним человеком, приходилось приезжать по несколько раз: болен, в отъезде, занят. Случалось ждать часами, особенно, если попадешь во время дойки коров и т.д. Иногда у информатора не было настроения, и это тоже мешало моей работе».

Выслушав информатора, приходилось силами сельского коллектива воспроизводить его рассказ в танце. Затем тот просматривал его и делал свои замечания. Уже с их учетом, Мухтар возвращался в Нальчик и осуществлял постановку танца в своем творческом самодеятельном коллективе, а затем вновь обращался к информатору с просьбой просмотреть этот сценический вариант. При этом он старался обеспечить присутствие и других знатоков танцев, старожилы, ученых. Все вместе, дополняя друг друга, они высказывали свое мнение. И только внеся эти последние поправки, можно было считать танец реконструированным. Затем следовала его сценическая обработка.

Мухтару удалось восстановить не только движения, для придания которым сценического характера понадобилась вся его творческая фантазия, но и вернуть к жизни мелодии и песни, сопровождавшие их. Здесь его незаменимым помощником был ученый-фольклорист Хамид Малкондуев.

Из воспоминаний Мухтара Кудаева:

«Постепенно слух о том, что я собираю народные танцы, разошелся. Занятно то, что многие чиновники и хореографы относились к моей работе, как к какой-то блажи, и это в лучшем случае, а простые люди, казалось бы, далекие от искусства, были убеждены в ее важности, и, более того, поддерживали и помогали каждый, чем мог. Во время поездок водители рейсовых автобусов не брали с меня плату за проезд. В каждом населенном пункте появились единомышленники и друзья, чьим неизменным гостеприимством я пользовался. Они понимали необходимость того, что я пытался делать.

На протяжении долгих лет я работал в самодеятельных танцевальных коллективах городов и сел Балкарии и Карачая: в Верхней Балкарии, Бабугенте, Кашхатау, Яникое, Быльме, Н.Чегеме, Кенделене, Тырныаузе, Учкекене, Карачаевске. И везде находились люди, которые оказывали мне поддержку и помощь в работе по сбору народных тан-

цев. Это были Анзор Ульбашев, Манаф Темукуев, Халимат Карчаева, Ахмат Мокаев, Мухтар Таппасханов, Борис Батчаев, Алим Батчаев, Зухра Таукенова, Чачик Глашев, Мурадин Башиев, Раузат Будаева, Магомет Ахматов, Магомет Афашоков, Ануар Гуданаев, Руслан Будаев, Борис Тилов, Борис Мусукаев, Алий Хубиев, Тамерлан Алиев, Назифа Кагиева, Роза Хабчаева, Лидия Батчаева, Руслан Маршенкулов, Султан Алиев, Балуа Жазаева, Марат Кочкаров, Юрий Джаубаев, Альберт Узденов, Магомед Бабоев.

Так, с помощью жителей Балкарии и Карачая я собрал описание почти ста танцев с различными вариантами.

Скромно и буднично описывает свою поистине титаническую работу по сбору материала Мухтар, но такое пространное объяснение он дает редко. Чаще всего оно кратко: «К этой работе меня подвигнуло то, что нам усиленно внушали – у карачаево-балкарцев нет танцев, кроме абезеха и тюз тепсеу. Мне это было неприятно. Более того, я знал, что это неправда. Тогда я стал собирать танцы. Многие относились к этому с недоверием, но я не отступал».

В результате долгого кропотливого труда перед ним постепенно раскрылся язык движений и жестов – язык танца. Накопленные знания привели Мухтара к убеждению, что каждый жест полон смысла, несет в себе информацию, что в каждом танце заложен и сохранен огромный этнографический материал. И он научился его читать. Вот парный танец – «Абезех».

Это любимый танец молодежи, один из немногих, когда парни под руку ведут девушек. Около двадцати пар на площадке, но взгляд знатока различит безмолвный разговор, который ведет каждая пара. Ладони их касаются друг друга. Но по-разному. Вот двое – ее лицо горделиво, отчуждено-замкнуто, локоток остро упирается ему в бок, рука на его руке сжата в кулачок: «Ты мне не по душе. Не говори мне о чувствах. Я танцую из вежливости». Если ладони раскрыты и довер-

чиво касаются друг друга: «Я разрешаю тебе говорить. Постарайся быть убедительным». А эти танцуют сосредоточенно, но то и дело на взволнованных лицах скользят счастливые улыбки, пальцы рук переплелись: «Ты мне нравишься. Присылай сватов». Тут явно быть свадьбе. А вот беззаботно пляшут, с наслаждением отдаваясь ритму то стремительному, то лиричному. Руки их скрещены. Парень держит правой рукой правую руку девушки, а левой – левую. Они оживлены, с упоением отдаются танцу, их движения непринужденны: «Посмотрите, как мы ловки, молоды, полны жизни». Это брат и сестра.

Карачаево-балкарский парный танец «Абезех»

Из воспоминаний Мухтара Кудаяева:

«Среди специалистов в области танцевального искусства укрепилось мнение, что мы не имеем своей хореографии, причем равно и карачаево-балкарцы, и кабардинцы. Американцы, канадцы, новозеландцы, австралийцы, бра-

зильцы ирландского, французского, английского, испанского, португальского происхождения создали за несколько веков свою танцевальную культуру, а мы, аборигены Кавказа, ее не имеем. Почти на каждом семинаре союзного значения мне приходилось слышать, что тот или другой кабардинский или карачаево-балкарский танец заимствован у того или иного народа Кавказа. Мнение это поддерживали и многие местные хореографы.

Известный осетинский ученый В. Абаев писал: «На Кавказе складывался единый в существенных чертах культурный мир». Я понимал, что для выявления в этом едином культурном мире национального своеобразия карачаево-балкарских танцев необходимо знание фольклора и этнографии кавказских народов. Поэтому в своей работе я обратился к сравнительной характеристике их танцев. Мне пришлось не один раз объездить весь Кавказ. В изучении танцев мне помогали: осетинских – Бексултан Торчинов, Мурад Кануков, Станислав Казаев, Альбина Баева, Хажисмел Варзиев; дагестанских – Танхо Израилов, Курбан Курбанов; грузинских – Борис Саджая, Роберт Дархвешвили, Роман Библишвили; чеченских и ингушских – Саидемин Януркаев, Руслан Садулаев; адыгейских – Шабан Шу. Я и сегодня благодарен этим людям».

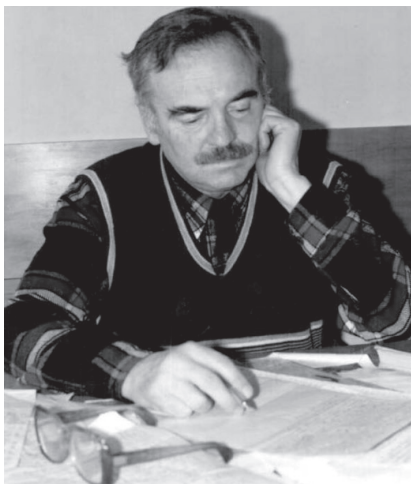
Полученные Кудаевым знания еще раз убедили его в том, что народные карачаево-балкарские танцы имеют свое национальное своеобразие и древние самобытные корни.

Глава тринадцатая

КНИГИ

В течение всех этих лет помимо балетмейстерской работы М. Ч. Кудаев проводил огромную работу по анализу и публикации материалов по национальной хореографии. Это был тяжелейший труд, потому что искусство танца – это искусство прекрасных, но неповторимых мгновений, описать которые крайне трудно. Оно больше, чем любой другой вид художественной деятельности человека, подвержено воздействию времени. Поэтому, видимо, с давних времен появилось у человека желание остановить «мимолетное виденье». Но как зафиксировать такой пластический материал, как танец?

В 1984 году Мухтаром Кудаевым была издана монография «Карачаево-балкарские народные танцы». В отечественной литературе это была первая работа, содержащая их профессиональную характеристику. В ней были даны

описания 28 танцев. Как и большинство исследователей в нашей стране, Кудает использовал в работе так называемый словарно-описательный способ их записи, который, при всех его достоинствах, не считается универсальным, и, прежде всего потому, что фольклорные танцы, в отличие от балетной классики, не имеют детально разработанной терминологии. Но Мухтар и не преследовал цель создания самоучителя для желающих танцевать. Он хотел раскрыть суть каждого из описываемых танцев как одного из достижений народного творчества.

Передадим слово Вячеславу Аталикову, в ту пору научному сотруднику КБНИИ: «М. Ч. Кудает проделал большую работу по сбору, характеристике и интерпретации танцев балкарцев и карачаевцев, а также по сравнительному анализу танцев народов Кавказа.

Всестороннее знание предмета исследования дает автору возможность критически анализировать первоисточники, устранить ошибки и неточности, допущенные путешественниками и учеными прошлых лет, оставившими описания балкарских и карачаевских народных танцев...

Можно даже сказать, что через призму танца автор представляет читателю живое этнографическое описание балкарского и карачаевского народов...

Мы не останавливаемся особо на описании техники движений и ходов танцоров: они описаны лаконично и четко, и при некоторой тренировке могут быть освоены, даже совсем неопытным в танцах человеком. И это очень важно, поскольку, хотя танцы и сохраняются в народе, многие, особенно молодежь, забывают не только технику, но и смысл, содержание тех или других танцев. Книга напоминает об этих сторонах народного танца, учит осмысленному и бережному отношению к описываемому виду искусства, в котором отражены лучшие народные традиции. Одновременно она является и методическим

пособием, которое может быть использовано хореографическими коллективами, всеми любителями народных танцев.

...Общность многих элементов культуры горцев Кавказа заставляет предположить, что книга заинтересует и адыгов, и осетин, и чеченцев, и ингушей, и дагестанцев, и грузин, да и вообще всех любителей народного искусства.

В заключение отметим, что выход в свет этой книги – отрадное событие в культурной жизни республики. Хочется пожелать автору новых успехов на избранном им поприще популяризации народных танцев». Но таких восторженных отзывов было немного.

В 1987 году вышла книга М. Ч. Кудаяева «Древние танцы балкарцев и карачаевцев», а в 1988 году – «Карачаево-балкарский свадебный обряд».

В ту пору на многонациональном Кавказе ситуация с изучением народного танцевального искусства была очень сложной. Если в России, других республиках издавались книги о танцах, монографии и учебники, то на Кавказе в тот период вышла одна книга – «Армянские народные пляски» Сбруи Лисициан.

Сам Мухтар пишет об этом так: *«Сбор полевого и письменного материала давался мне нелегко. Еще тяжелее было анализировать накопившийся материал. Издаваемая литература по хореографии народов Кавказа не имела научной основы. Исключением были армянские хореографы, сумевшие дать научное обоснование своим танцам».*

В связи с этим появление книг Мухтара Кудаяева стало знаменательной вехой в развитии хореографии народов Кавказа. Его записи народных плясок и их теоретический анализ в истории танцевального искусства народов Северного Кавказа является не только **первыми**, но и **новополагающими**.

В результате неустанного, самоотверженного труда Мухтару удалось накопить огромные знания не только в облас-

ти хореографии, но и всего комплекса народной культуры. За годы работы помимо хореографического им был собран разнообразный этнографический материал по мифологии, фольклору, народно-прикладному искусству, обрядам и ритуалам карачаево-балкарцев, к систематизации и изданию которого он приступил в последнее время.

В 2003 году вышла в свет его монография «Карачаево-балкарская этнохореография и символика». В этом же году в соавторстве со своим давним другом и единомышленником директором верхнебалкарской школы Халимат Жекерьяевной Карчаевой в издательстве «Эльбрус» была издана книга «Пища карачаевцев и балкарцев».

В 2005 году Мухтар осуществил издание материалов к карачаево-балкарскому словарю природоведения, идея создания которого принадлежала Саиду Шахмурзаеву. Целью книги он обозначил сохранение тюркских языков. В первый раздел Мухтаром включены названия растений, животных, насекомых, рыб, птиц, камней и металлов на русском и тюркских языках. Только при их отсутствии в других тюркских языках они предлагаются на карачаево-балкарском языке. Использование им словарей других тюркских народов выявило материалы, ценные не только для лингвистов, но и для историков и этнографов. Во втором, русско-карачаево-балкарском разделе книги, представлены слова, обозначающие одежду, украшения, мебель, домашнюю утварь и орудия труда.

По словам Мухтара, большую помощь в издании книг ему оказали И. Гадиев, С. Гуртуев, А. Башиев, З. Зокаев, А. Созаев, М. Табаксоев, С. Жолаев, У. Курданов, Фонд генерала Валерия Зокаева и другие. В настоящее время неутомимый труженик Мухтар Кудаев подготовил к изданию монографию «Символика карачаево-балкарской хореографии» и еще целый ряд материалов по карачаево-балкарской духовной культуре.

Все книги М. Ч. Кудаева невелики по объему, но содержат большой и весьма существенный этнографический материал. Они получили признание специалистов и используются как практические пособия хореографами и этнографами Кабардино-Балкарии и республик Северного Кавказа. Педагоги и библиотекари школ, средних специальных и высших учебных заведений неизменно называют книги М.Ч. Кудаева в числе наиболее востребованных в учебном процессе. Они являются серьезнейшим вкладом не только в развитие хореографического искусства, но и в изучение духовной культуры карачаево-балкарцев.

Глава четырнадцатая

БОРЬБА

Творческий путь Мухтара Кудаяева – это путь борьбы. С горечью вспоминает Мухтар годы, когда ему приходилось неустанно отстаивать свои принципы.

Из воспоминаний Мухтара:

«Даже те немногие танцы, которые исполняла «Кабардинка» не объявлялись как балкарские. Со сцены с гордостью звучало: осетинские, акушинские, дагестанские, грузинские, но не балкарские. Наши танцы объявляли как народные или горские, без указания этнической принадлежности. При культпросветучилище с 1960 года существовало хореографическое отделение, но и в его учебном плане не было балкарских танцев.

Когда 15 декабря 1980 года на республиканском фестивале я показал танцы «Хардар», «Чоппа», «Апсаты», «Элия», «Тепена», «Жортуул», «Марокко», «Къысыр», «Бийнегер», «Озай» в исполнении ансамбля «Къуанч», меня пригласили в Министерство культуры и объявили, что я уволен за профнепригодность, так как таких танцев не существует. Тут же последовало и партийное наказание. Была создана комиссия, куда вошли Б. Зумакулов, З. Зокаев, Х. Энеева, Р. Шаваева, Р. Кацibaева, Х. Дашуев. Мною были представлены им дореволюционные источники и материалы местных исследований, изучив которые, комиссия приняла решение о моем восстановлении

на работе. С меня сняли и партийное взыскание. Но хореографы не стали включать эти танцы в репертуар своих коллективов. Позднее все они вошли в программу ансамбля «Балкария» и получили высочайшую оценку специалистов.

Пятнадцатого августа 1987 года писатель Хасан Шаваев подготовил и провел беседу на телевидении о танцевальном искусстве балкарцев. В ней приняли участие Махай Текуев, Махти Джуртубаев и я. В этой передаче Хасан озвучил результаты опроса, проведенного среди жителей нескольких сел Балкарии о современном состоянии карачаево-балкарской хореографии. Все участники опроса единодушно высказались за создание профессионального ансамбля карачаево-балкарского народного танца. Так, впервые эта идея была всенародно озвучена. Меня тут же пригласили в обком партии, где состоялся неприятный разговор, о том, что мы не имели права без согласования «поднимать вопрос» о создании еще одного государственного ансамбля. Я привел свои доводы. Среди них то, что осетины, единый этнос, имеют два ансамбля – «Алан» и «Симд», у абхазов два ансамбля – Абхазский государственный ансамбль песни и танца «Абхазия» и государственный ансамбль народного танца «Шаратын», у адыгейцев – Адыгейский государственный ансамбль песни и танца «Исламей» и государственный ансамбль народного танца «Адыгея» (позднее переименованный в «Нальмес»). Два последних народа по численности уступали балкарцам. Чукчи, с населением менее 14 тысяч человек, имеют свой государственный ансамбль народного танца «Эргирон». Я пытался убедить их в том, что один ансамбль не в состоянии раскрыть хореографическую культуру нескольких народов как творчески, так и физически, как и один специалист не может равно знать танцевальную культуру двух народов. Я обратил их внимание на то, что в репертуаре Кабардино-Балкарского ансамбля все-

го 10 % составляют кабардинские и балкарские народные танцы, а 90 % – танцы народов Кавказа, в то время как ни один профессиональный и самодеятельный коллектив Кавказа не исполняет танцы наших народов. Но спорить с обкомом партии было нелегко.

Нелегко было спорить и со своими коллегами-хореографами. После очередного смотра художественной самодеятельности один из ведущих балетмейстеров республики писал в газете, излагая мнение абсолютного большинства хореографов: «Ни один коллектив не коснулся темы труда, современности, темы становления Советской власти в нашей республике. До обидного мало показано сюжетных танцевальных номеров. Народных кабардинских и балкарских танцев *много*, а вот русских, украинских и танцев других народов очень мало. А ведь кроме искусства братских народов нашей страны есть искусство стран социализма, народов мира. Почему же наши самодеятельные артисты не обращаются к ним? Отсюда и скудность репертуара, однообразие и в стиле, и в манере исполнения даже национальных танцев – кафы, уджа и других, которые включены в программу почти всех коллективов». Каково было Мухтару полемицировать со специалистом, для которого два-три народных танца уже «много»?

Мухтар доказывал свою правоту трудом – работал одновременно в нескольких самодеятельных коллективах, ставил танцы, вызывавшие взрыв негодования со стороны специалистов, отстаивал свое видение путей развития национальной хореографии в огромном количестве статей на страницах республиканских газет.

В 1998 году в своем интервью автору этих строк он говорил: *«Ваш покорный слуга изрядно утомился, отстаивая один и тот же тезис: «Любые танцы, пусть блестяще придуманные и поставленные талантливейшим мастером, но не имеющие народной основы, временные! Только народное вечно!».*

Мы любим современные песни, но почему при звуках народной песни, даже в слабом исполнении и плохой обработке, сердце любого живого человека замирает в груди? Потому что соприкасаемся с тем, что наши предки пронесли через столетия. Утрачивается временное, надуманное, типа «Молодежный танец», «Горский перепляс» и другие, но сохраняется настоящее, то, что отражает душу народа, его отношение к миру, осознание себя в этом мире: «Арсланбия», «Абезех», «Голлу». Наш долг, вслед за нашими предками, сохранить их и передать потомкам».

М. Кудяев с участниками самодеятельного танцевального ансамбля

К моему стыду, я тоже была в числе тех, кто не сразу воспринял идеи Мухтара. Впервые мы встретились с ним в 1988 году – это был первый год моей работы в должности заведующей отделом культуры администрации города

Нальчика – на городском смотре самодеятельных танцевальных коллективов, где более двадцати городских ансамблей в программе из четырех танцев должны были подтвердить звание «народный». В жюри вошли люди компетентные, те, чей профессионализм и объективность не вызывали сомнений. Во время обсуждения их кандидатур прозвучало это имя: Мухтар Кудаяев. Но тут же кто-то предупредил: «Не надо. Он не придет. А если и придет, опять заведет свою старую песню и все испортит. Лучше не связывайтесь». После расспросов вырисовался портрет человека неуживчивого, одержимого какой-то странной идеей. Меня всегда привлекали вольнодумцы и нарушители спокойствия. Мы встретились. Я пригласила его принять участие в работе жюри и попросила поддержки в том, чтобы страсти на конкурсе были управляемы, так как это мое первое крупное мероприятие. Он, не выпуская из рук сигарету (позднее выяснилось, что курение – вторая после хореографии страсть Мухтара), внимательно и даже робко взглядывал на меня и с готовностью отвечал: «Да, да. Конечно». Единомыслие полное. Мухтар ушел. Впору было воскликнуть: «О, злые языки!». Он произвел впечатление человека покладистого, скромного и немногословного и дальнейшее наше знакомство подтвердило это первое впечатление, правда, с небольшим уточнением – если обсуждаемые вопросы не имели отношения к танцам. Но все сложилось так, как мне предсказывали.

Начался смотр. Все было выше всяких похвал. На сцене, сменяя друг друга, молодежь с упоением танцевала осетинский «Симд», грузинский «Картули», дагестанскую «Лезгинку», кабардинскую «Кафу», карачаево-балкарский «Абезех», изредка «Лирический» или «Девичий». Как же хороши они были! Ничего, что танцы схожи, как близнецы, что костюмы различаются только цветом и богатством украшения. Зато сколько любви к танцу, музыке, сколько желаний отличиться! Танцевали студенты, рабочие, кол-

хозники, водители... В темном зале появлялись руководители крупных предприятий и учебных заведений, воодушевляли своих. И те сразу подбадривались. Смотр шел два дня.

По окончании конкурса жюри собралось в отведенной комнате. Все были приятно оживлены и довольны. Началось обсуждение, что называется, заинтересованное и доброжелательное. Постепенно заседание стало плавно переходить в дружеское застолье. И вдруг благостное течение совещания прервалось. Мухтар вскочил со стула и стал мерить комнату размашистыми шагами, раздраженно, почти злобно взглядывая на нас. «Вот оно, началось», – подумала я. Говорил он недолго, но жестко и гневно. Чувствовалось, что спор этот давний и для него жизненно важный. Коллеги же, довольно вяло парируя, пытались остановить его, но безрезультатно: он все больше горячился, нервничал и, закончив свою речь словами: «Я судить не буду. Я специалист по балкарским танцам, а таковых тут нет», вышел вон.

Не скрою, укоризненно и снисходительно качали присутствовавшие ему вслед головами, причем равно и чиновники и специалисты-хореографы. У меня же осталось ощущение какой-то недосказанности и недовольства собой. Чтобы накопить знания и опыт, позволяющие принять полноценное участие в обсуждении проблем такой сложной сферы, как культура, более того, выработать свое видение их решения, необходимы годы серьезного труда. В ту пору я такими знаниями, к сожалению, не обладала, как, впрочем, не обладаю ими в полной мере и сегодня. Но то, что этот человек либо болезненно неуравновешен, либо отчаянно пытается донести до собратьев по цеху что-то значимое, существенное, и глубоко несчастлив и страдает от их глухоты, было для меня очевидно.

Сегодня, когда идеи Мухтара нашли воплощение в реальном деле – ансамбле «Балкария», когда вся Балкария

танцует его танцы, наверное, многим, и в том числе мне, стыдно за наше нежелание слышать его.

Мухтару Кудяеву удалось то, что не удавалось всему обществу хореографов, посвятивших себя не только карачаево-балкарскому, но и адыгскому танцу, – определить пути дальнейшего развития национальной хореографии. Это был прорыв из тупика, из того состояния окаменелости и застоя, в котором находился народный танец. (И можно добавить, в которое он сегодня неотвратимо возвращается.) Первым последователем Мухтара в республике стал Ауладин Думанишев, сменивший Мутая Исмаиловича Ульбашева на посту руководителя «Кабардинки». Его борьба за то, чтобы Кабардино-Балкарский государственный ансамбль «Кабардинка» стал коллективом *кабардинского* народного танца, осуществлялась жесткими, порой даже недопустимо жестокими методами. Но мне хотелось бы сказать несколько слов в защиту Ауладина: эти крайние меры были спровоцированы нежеланием услышать и увидеть очевидное – необходимость спасения адыгской народной танцевальной культуры, подвергшейся искажению и забвению. Создание ансамбля «Балкария» и изменения, происшедшие в деятельности «Кабардинки», были завершением затянувшегося спора о наличии самобытных национальных танцевальных культур у разных народов с людьми, выросшими и, более того, участвовавшими в создании единообразного сценического северокавказского танца. Попытка Думанишева возродить на основе фольклора народные кабардинские танцы заслуживает уважения. Другое дело, что многочисленные кабардинские этнографы не смогли обеспечить его необходимым материалом. Впрочем, этот недостаток ощутим и в настоящее время. Потому сегодня кабардинская молодежь танцует с непередаваемым азартом абхазские, чеченские и другие танцы, порой непринужденно внося в них элементы ирландской жиги.

В описываемый период равновесие было достигнуто тем, что стали существовать три коллектива, наличие которых компенсировало резкое сокращение ареала национальной хореографии в республике. Это были ансамбли кабардинского, балкарского народного танца и муниципальный ансамбль «Кавказ», созданный талантливым балетмейстером и танцовщиком Игорем Атабиевым. Игорь, влюбленный в танцы многонационального Кавказа, после ухода из «Кабардинки», организовал коллектив, в репертуаре которого отразил эту свою страсть. Грузинские, осетинские, дагестанские, армянские, чеченские, азербайджанские танцы, по которым успел истосковаться зритель, вновь ожили на сцене, да еще в хорошем исполнении! Презентация ансамбля вылилась в триумф балетмейстера и его единомышленников-энтузиастов. По окончании концерта Игорь своей легкой походкой танцора вышел на сцену. На нем был фрак и высокая золотистая каракулевая папаха, из-под которой вились длинные волосы. Как ни странно, в этом сочетании старины и современности, Европы и Кавказа, не было претенциозности. Зал приветствовал его стоя. Это была победа, но он не был весел, так как понимал, что впереди неизвестность. Коллектив создавался без государственной поддержки. Помогали те, кто верил в талант и возможности Атабиева. И они не ошиблись. Но деятельность такого коллектива длительный период на одной спонсорской поддержке была невозможна.

Программа ансамбля, молодость и воодушевленность его участников сразу же покорили сердца зрителей всего Северного Кавказа. Возможно, в сказанном кто-то найдет противоречие, но его в нем нет. В создании этих танцевальных коллективов и их востребованности зрителем естественно отразились процессы, происходящие в обществе, – желание вернуть свое исконное, называемое духовным наследием предков, и не растерять то, что в результате тесной многовековой связи народов многоязыч-

ного Кавказа, взаимопроникновения культур объединено для нас в одно понятие – «кавказец». А оно общее для всех, независимо от того, кто ты – даргинец, армянин, осетин, карачаевец, грузин, адыгеец, кумык, азербайджанец, ногаец, русский, тат или балкарец.

Вскоре ансамбль «Кавказ» был муниципализирован. Из своего житейского опыта я вынесла разделение людей на разрушителей и созидателей. Созидатели старательно строят, но следом идут разрушители и безжалостно крушат все, что с таким трудом возводилось до них. К счастью для людей искусства, в ту нелегкую пору во главе администрации города Нальчика был созидатель, к тому же обладавший врожденным чувством красоты – Султан Белостанович Аброков. Годы, когда он был во главе города, в сфере культуры называют «золотыми». Благодаря ему, в этот самый сложный период были сохранены драматический театр «Коврик»; ансамбль адыгской песни и музыки «Бжамий» – детище Феликса Ахмедовича Хараева; ансамбль народного танца «Кавказ»; вокально-инструментальный ансамбль «Алмосту», открывший нам несравненный талант Алима Газаева; первый в городе детский ансамбль балкарского народного танца «Элия», созданный опять-таки стараниями Мухтара Кудаяева; городской эстрадно-духовой оркестр, детский музыкальный театр «Псынацук». Во главе этих коллективов стояли талантливые энтузиасты, профессионалы, до фанатизма влюбленные в свое дело: Казбек Дзудтагов, Леонид Бекулов, Игорь Атабиев, Казбек Дугоев, Мухтар Кудаяев, Каншаубий Соттаев, Михаил Радин. Созданные благодаря их самоотверженному труду учреждения украшали культурную жизнь республики. Их муниципализация дала чувство перспективы, уверенности в завтрашнем дне, возможность заниматься своим любимым делом большому числу творческих людей.

Глава пятнадцатая

СОЗДАНИЕ «БАЛКАРИИ»

В Мухтаре Кудаете, кроме всего прочего, есть одна черта, которая не может не вызывать уважение. Безмерно любящий свой народ, он свободен от национальной ограниченности. Для него человечество поделено не по национальному признаку, а по отношению к танцу. Обладающие талантом в этой области и искренние почитатели танцевального искусства – по одну сторону, все остальные – по другую. Билял Каширгов, Магомед Дащев, Борис Губжиков, Ахмед Никаев, Григорий Гальперин, Константин Браев, Каншао Соттаев, Алихан Мисаков, Борис Нагудов, братья Пота, Руслан и Арсен Алоевы, Алик Нерсесян, Игорь Атабиев – с особой теплотой произносит Мухтар эти имена. Ведь это те люди, которые, по его убеждению, умножают в мире красоту и доброту.

Особым своим везением, божьим подарком он называет встречи с талантливейшими специалистами в области хореографии.

Из воспоминаний Мухтара Кудаета:

«Мне посчастливилось участвовать во многих семинарах, встречаться с такими известными на Кавказе хореографами, как Бексултан Торчинов, Альбина Баева (Осетия), Борис Саджая (Грузия), Манук Манукян (Армения), Тапа Эсембаев (Чечня), Танхо Израилов, основатель дагестанского ансамбля «Лезгинка», единственный из хореографов Северного Кавказа, удостоенный звания народ-

ного артиста СССР. Мы делились планами, надеждами. Однажды многоопытный Танхо сказал: «Чтобы воплотить свои идеи, Мухтар, тебе придется создать профессиональный ансамбль. И ты его создашь».

В ту пору Мухтар воспринял это как шутку. Но предсказание Танхо сбылось. По крупицам собиралось то, что позднее стало содержанием работы ансамбля: музыка, обряды, песни, атрибутика. Он работал почти в каждом селе Балкарии, руководил коллективами при нескольких учреждениях в городе Нальчике, через его руки проходили сотни детей, юношей и девушек. Все чаще стали звучать в народе возрожденные им к жизни танцевальные мелодии. Но удовлетворения не было. Богатейший накопленный материал требовал профессионального воплощения.

Из воспоминаний Мухтара Кудаява:

«Мечта о создании профессионального балкарского ансамбля не покидала меня. Известные, талантливые руководители государственных ансамблей народного танца Михаил Годенко (Красноярского), Павло Вирский (Украинского), Миклош Рабай (Венгерского) при личных встречах также убеждали меня в необходимости его создания. Их участие придавало мне уверенность в том, что я на правильном пути.»

Многим моя мечта казалась несбыточной. Но, проработав с самостоятельными коллективами около тридцати лет, я четко осознал, что для того, чтобы воплотить собранный богатейший этнографический танцевальный, музыкальный и обрядовый материал в танец, нужен коллектив профессионалов. Возродить танец, вернуть его народу для исполнения в быту способны только они. Вначале я был в отчаянии, но потом понял, что это единственный путь для достижения цели. А раз это так, то его необходимо пройти.

В 1987 году на страницах газеты «Советская молодежь» вышли статьи «Что с тобой, «Кабардинка?»» и «Старые упущения в новых костюмах». Они были направ-

лены против новой программы «Кабардинки». Тогда в разговоре с писателем Алимом Теппеевым и преподавателем университета Мусой Текуевым я впервые высказал мысль о необходимости создания ансамбля, базирующегося на фольклоре и этнографии нашего народа. Эта идея встретила горячую поддержку с их стороны, и они обещали мне свою помощь. Затем я обратился в республиканский научно-исследовательский институт истории и филологии. Ученые откликнулись с такой же готовностью и сразу принялись за работу. Моими бескорыстными консультантами по смысловой, обрядовой, музыкальной стороне были Махти Джуртубаев, Хамид Малкондубе, Мариям Кучмезова. Не считаясь со временем, Махти Джуртубаев помогал формировать репертуар будущего ансамбля, консультировал по всем вопросам, связанным с народными обрядами, верованиями. Постепенно наши отношения переросли в дружбу.

М. Кудаев и М. Джуртубаев

Хамид Малкондуев прослушивал записи старинных песен и мелодий в фонотеке института, собирал их у исполнителей по селам. Это была очень трудоемкая работа, но почти все музыкальное сопровождение программы ансамбля было обеспечено им».

По словам Мухтара, на всем этапе создания ансамбля «Балкария» неоценимую помощь и поддержку ему оказало общественное объединение «Ныгъыш» (*кар.-балк.* – сельская площадь, место, на котором обсуждались и принимались решения). Участие «Ныгъыша» в становлении «Балкарии», да и во всей общественной жизни балкарского народа во второй половине восьмидесятых годов настолько значительно и весомо, что о нем стоит рассказать подробнее. В 1985 году небольшой группой студентов университета был создан кружок по изучению и пропаганде истории, обычаев и традиций балкарского народа. В течение нескольких лет он вырос в общественную организацию, объединившую не только наиболее активную и патриотичную часть балкарской молодежи, но и практически всю творческую и научную интеллигенцию независимо от возраста. Этому немало способствовали личные качества Хадиса Тетуева – инициатора создания «Ныгъыша», а затем одного из его руководителей. Во многом благодаря его упорству, энергии, последовательности в достижении цели и несомненному организаторскому таланту, объединение в короткий срок стало выразителем чаяний демократически настроенных слоев балкарского общества. Круг проблем, поднятых им, был необычайно широк: от полноценного и равноправного участия балкарского народа во всех сферах жизнедеятельности республики до вопросов экологии, восстановления подлинной истории балкарского народа в период войны и депортации, увековечивания памяти деятелей культуры и множества других. По инициативе «Ныгъыша» и при его участии была образована комиссия по расследованию злодеяний, совершенных в

ноябре 1942 года в Черекском ущелье Балкарии; результаты работы комиссии были изданы отдельной книгой «Черекская трагедия». Так впервые стала достоянием общест­венности и получила оценку кровавая расправа над мирным населением горных аулов Балкарии, которую по масштабам и жестокости можно именовать «балкарской Хатынью».

По предложению объединения было осуществлено переименование проспекта Мира в проспект им. К. Кулиева, сопровождавшееся сбором подписей жителей города. При его содействии, после длительных проволочек, вышла в свет книга о балкарском просветителе Басияте Шаханове, которую автор-составитель, доктор филологических наук Тамара Биттирова в шутку называла «Ныгъышны» баласы» («Дитя «Ныгъыша»). Объединение на практике продемонстрировало огромный положительный потенциал, заложенный в общественном движении, практическую пользу диалога власти и общества. Но основной значимостью его деятельности было и остается то, что оно способствовало небывалому росту национального самосознания балкарского народа.

Объединение не замыкалось в узконациональных рамках и активно отзывалось на боль и страдания соседей. Семнадцатого декабря 1988 года им был организован благотворительный концерт, средства от которого отправлены в помощь жителям Спитака. «Да и как могло быть иначе, – рассказывали его устроители. – Помимо того, что это была трагедия, потрясшая всех, с армянами у нас особые отношения. Они – друзья нашего Кайсына. В Балкарии никогда не забудут, что Ереванский госуниверситет представил его к Ленинской премии. Тем более что сделано это было уже посмертно».

Средства от благотворительного вечера, состоявшегося 18 мая 1989 года, были направлены в помощь жителям Чечено-Ингушетии, также пострадавшим от земле-

трясения. И вновь организатором мероприятия выступил «Ныгъыш». И вновь звучало: «Вместе с чеченцами и ингушами мы делили черствый хлеб и горькую воду изгнания. Как же теперь не откликнуться на их беду». Когда перелистываешь документы объединения – планы, отчеты, программы, невольно на ум приходят стихи Кайсына Кулиева, написанные им после землетрясения в македонском городе Скопле:

Как крик балкарца, с кем беда стряслась,
Как близкий гром чегемского обвала,
Я слышал, как твоя земля тряслась,
И мнилось мне: моя земля дрожала.
...Не может даль дрожать в краю чужом,
А даль родная быть неколебимой,
Когда горит за перевалом дом,
И у тебя глаза в слезах от дыма.

Казалось бы, где Македония и где Балкария?! Но равно болит сердце поэта. Мать Кайсына, простая крестьянка из горного аула Чегем, воспитала его в лучших традициях балкарской народной педагогики. В результате этого воспитания двадцатое столетие получило одного из величайших гуманистов, чье необъятное сердце вмещало сыновнюю любовь к родному народу и братскую ко всему человечеству. Эти же традиции прослеживаются и в благотворительной деятельности «Ныгъыша».

Но все же основной задачей объединения был поиск путей национального возрождения, политическая и культурная реабилитация балкарского народа. А проблем в этой области накопилось огромное множество. В рамках культурной реабилитации создание ансамбля народного карачаево-балкарского танца приобретало особое значение, поэтому все члены «Ныгъыша» принимали самое непосредственное участие в мероприятиях по его организа-

ции. Не остались они в стороне и при решении одного из самых сложных вопросов – подбора кадров для ансамбля.

Подготовительная работа по набору будущих артистов шла с марта 1987 года по октябрь 1988 года. Мухтар, одновременно работая в разных учебных заведениях республики, выбирал из числа молодежи тех, кто по своим способностям и внешним данным мог профессионально заняться танцами, уделял им дополнительное время, старался сделать из них единомышленников. Нагрузка была нечеловеческой.

Из воспоминаний Мухтара Кудаяева:

«Я осознавал, что никто не решится связать свое будущее с еще не созданным коллективом, оставить свою профессию, которую они все в ту пору получали, если не заболит той же болезнью, что и я. Но такие нашлись. Это были Артур Аппоев, Магомед и Камал Аппаевы, Аслан Ахжубеков, Мурадин Башиев, Алим, Хусей и Хасан Мирзоевы, Магомед Толбаев, Рашид, Станислав и Руслан Будаевы, Борис Тилов, Аслан Битуев, Магомед Энеев, Элла Шогенова, Ольга Черныш, Оксана Журтубаева, Фатима Кубанова, Марина Токумаева, Лейла Ахматова, Мадина Ахметова, Асият Битуева, Аминат Зизаева, Лидия Бозиева. Певцы Салих Жанатаев, Марзиат Таукенова, Алтуева Зоя. Оркестранты – Бегиев Музафар, Альберт Аппоев, Лариса Казакова, Мурат Таукенов, Алим Сарыев, Мадина Гашокова, Ахмат Башиев.

Серьезной проблемой были родители. Они учили своих детей в различных учебных заведениях, видели их врачами, историками, зоотехниками. И вдруг им объявлялось, что те уходят в несуществующее на тот день учреждение. Я не знаю, как мне удалось убедить их разрешить детям связать свою жизнь с танцами. Я объясняю это только тем, что рядом со мной стали люди, обладавшие авторитетом в народе, – писатели, поэты, актеры: Алим Теппеев, Хасан и Миналдан Шаваевы, Зариф Бапи-

наев, Ибрагим Занкишиев, Муталип Бепнаев, Абдуллах Бегиев, Мухтар Табаксоев и другие. Неоценимую поддержку мне оказывала молодежь: Хадис Тетуев, Людмила Биттирова, Сакинат Карабашева, Анжела Бачиева. Они искали танцующих ребят и девушек в своих родных аулах, ездили со мной по селам и городам, ходили по домам, находили слова, которые убеждали людей в необходимости того, чем будут заниматься их дети. Число моих единомышленников росло. Меня это поддерживало и воодушевляло. Я не мог предложить артистам ни зарплату, ни даже места в общежитии, более того не имел зала для репетиций. Мы собирались, где придется, и занимались. Усложнялось все тем, что почти все будущие артисты до прихода ко мне нигде не учились танцам. Но я видел, как постепенно совершенствовались их движения, развивался слух, менялась осанка, подтягивались мышцы. Иногда у меня бывали минуты отчаяния, потому что я понимал, какую ответственность несу перед этой молодежью, доверившейся мне. К тому же для них крушение уже ставших нашими общими планов стало бы большим разочарованием. Я старался не показывать им своих сомнений и настроений, но и они своей верой, молодым энтузиазмом поддерживали меня. Часто, после тяжелого, выматывающего дня, мы собирались в доме у Людмилы Биттировой, ныне Кочкаровой, чтобы поделиться эмоциями, обсудить результаты. Ее неизменное радушие, хлебосольство, оптимизм, умение ободрить при самой, казалось, безвыходной ситуации, благотворно влияли не только на меня, но и на всех присутствующих – отчаяние и усталость проходили, и мы вновь были полны желанием идти к намеченной цели.

Кабинеты писателей Алима Тепеева, Хасана Шаваева, заведующей отделом культуры города Нальчика Лидии Жабеловой стали оперативными штабами по со-

зданию ансамбля. Работа эта продолжалась до августа 1989 года.

Большую помощь в привлечении внимания общественности к состоянию карачаево-балкарского танцевального искусства через средства массовой информации оказывали Х. Шаваев, Т. Акаев, М. Боттаев, А. Мамхегов, Х. Занкишиев, А. Додуев, Б. Этезов, А. Бегиев, к которым я отношусь с огромным уважением и благодарностью.

Так, несмотря ни на что, Мухтар упорно и неуклонно шел к осуществлению своей мечты – созданию профессионального ансамбля карачаево-балкарского народного танца.

Рассчитывать на понимание и поддержку властных структур не приходилось. В связи с этим возникла острая необходимость в спонсорской поддержке. Без нее продолжать работу было невозможно. Мухтар считает необычайным везением то, что поэт Муталип Беппаев предложил обратиться за помощью к Исмаилу Кайтаеву, в ту пору одному из самых успешных предпринимателей в республике. В 1987 году Исмаил организовал кооператив «Алтын кол» (кар.-балк. – золотые руки) по изготовлению и продаже шерстяных изделий. Членами его были женщины-надомницы. Шерстяные изделия балкарских мастериц издавна славились на всю страну. Не символично ли, что и первый ансамбль был создан на деньги, заработанные их «золотыми» руками? Казалось бы, далекий от танцев человек, Исмаил выслушал Мухтара, писателя Алима Теппеева и художника Ибрагима Занкишиева в свойственной ему несуетливой, вдумчивой манере. И медленно произнес: «Хорошо. Это нужное дело. Я поддерживаю вас всем, чем смогу». С этой минуты, до получения статуса «государственный», этот сдержанный, надежный человек не только финансировал работу, но и был неизменно рядом с Мухтаром во всех его делах, связанных с организацией деятельности ансамбля. У его фирмы не

было сверхприбылей, но в течение двух лет Исмаил содержал коллектив из 50 человек. Помимо заработной платы он оплачивал аренду репетиционного зала, подсобных помещений, приобрел музыкальные инструменты, часть атрибутики. Много средств уходило на репетиционную форму, которая очень быстро изнашивалась, так как репетировали в две смены. (О том, как интенсивно и напряженно шла работа, говорит следующая цифра – за два года репетиционную форму поменяли 24 раза!) И сегодня Мухтар не устает повторять, что участие Исмаила позволило осуществиться его мечте.

М. Кудаев и И. Кайтаев

Позднее, даже когда его финансовые дела уже пошатнулись, Кайтаев поддержал идею Мухтара о создании при ансамбле детской танцевальной студии. Кстати, и этот коллектив создавался неутомимым и неутомонным Мухтаром в борьбе и противлении. Вновь ему в ожесточен-

ных спорах приходилось доказывать очевидное: необходимость подготовки будущих кадров.

Из воспоминаний Мухтара Кудаяева:

«Долго не решался вопрос по помещению. Не удавалось снять в аренду ни один зал в пределах города. И только Валерий Боттаев, главный врач санатория «Терек», дал возможность проводить репетиции в клубе санатория. Так же трудно было с помощниками. К кому бы я ни обращался, никто не хотел идти в коллектив: все считали мою затею утопией. Согласились Алихан Мисаков и Борис Нагудов – оба прекрасные танцовщики, обладавшие не только профессионализмом, но и высокими человеческими качествами».

Руководить ансамблем Мухтар и Исмаил пригласили талантливого балетмейстера, народного артиста Российской Федерации, Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии, лауреата Государственной премии КБР Мутая Исмаиловича Ульбашева.

Из воспоминаний Мухтара Кудаяева:

«Мутай зарекомендовал себя не только как гениальный танцовщик-виртуоз, обладавший блестящей техникой, артистичностью и яркой индивидуальностью, но и как педагог, постановщик и сочинитель сценических танцев. Талантливая балетмейстерская работа создала ему имя в истории народного танца. Вся его жизнь с десяти лет была связана с республиканским государственным ансамблем.

Долгое время среди хореографов Кабардино-Балкарии существовало два течения. Одни, их было большинство, воспитывались, выросли в период создания единой северокавказской танцевальной культуры, более того, деятельно участвовали в этом процессе. В силу объективных причин они не знали и отрицали наличие у народов республики своих самобытных танцев, за исключением нескольких, уже ставших традиционными. Благодаря

таланту, опыту, занимаемому положению наиболее заметной и авторитетной фигурой среди них был Мутай Ульбашев. Другие доказывали, что танцы наших народов имеют глубочайшие корни, что они разнообразны и многочисленны. Таких было абсолютное меньшинство. (Здесь Мухтар явно преувеличивает – это «абсолютное меньшинство» составлял он один. Гораздо позднее его точку зрения поддержал Ауладин Думанишев. – Л.Ж.). В этом споре мы с Мутаем были по разные стороны баррикад.

Когда в 1980 году я представил первую программу древних народных балкарских танцев, жюри фестиваля пришло в ярость и **постановило**, что таких танцев не существовало. Меня разнесли в пух и прах. Но наши отношения с Мутаем от этого не пострадали. Я был убежден, что рано или поздно мы придем к одной цели – возрождению древних карачаево-балкарских танцев. И 29 марта 1989 года наши дороги сошлись. Я пригласил и Мутай пришел в ансамбль. Многие предостерегали меня, напоминая о наших разногласиях, но я был очень рад. Одному хореографу трудно осилить программу такого коллектива, как «Балкария», особенно в период становления. Двое – это большая сила. Так мы с ним впряглись в одну творческую тележку».

Наступила пора, на мой взгляд, дать слово артистам ансамбля. Без них наш рассказ о работе Мухтара по созданию первого в истории Балкарии государственного ансамбля национального танца не будет полным.

Хасан Мирзоев:

«Я танцевал с детских лет, но в то время работал в подсобном хозяйстве Тырнаузского вольфрамомолибденового комбината. Занимался пчеловодством. Дело это мне нравилось, доход давало приличный, и я был доволен. Но однажды ко мне приехал Мухтар Кудаев. Он сказал, что создает государственный ансамбль балкарского

танца в Нальчике, и позвал меня на встречу, на которой должны были решаться организационные вопросы. Встреча состоялась 16 октября 1988 года в Союзе писателей КБР в кабинете писателя Алима Тепнеева. На ней присутствовали Мухтар, Исмаил Кайтаев, поэты Абдуллах Бегиев, Мухтар Табаксоев и главный врач санатория «Терек» Валерий Боттаев. Это те, кого я запомнил. И, конечно, танцующая молодежь. Оказывается, Мухтар уже долгое время присматривался к ребятам и девушкам, танцевавшим в самодеятельных коллективах, и отбирал лучших из них.

Долго уговаривать нас не пришлось. Все загорелись этой идеей. Мы были молоды и не оглядывались на то, что почти все мы из сел, жилья в городе не имели, а надежды не было даже на общежитие. Тем не менее, кроме одного-двух человек, все согласилось. Начались репетиции. Многие из нас не умели толком танцевать. Репетиционной и концертной одежды не было, музыкальных инструментов тоже. Мы тащили в ансамбль все, что удавалось найти: подержанные барабаны, одежду, чешки».

Алим Мирзоев:

«Я занимался в ту пору в самодеятельном ансамбле «Нальчанка». Ко мне пришел двоюродный брат Хасан и пригласил на встречу с Мухтаром в Союзе писателей. Побывав на ней, я, разумеется, согласился принять участие в создании ансамбля балкарского народного танца. Мы приступили к репетициям. Мухтар работал как одержимый, в буквальном смысле не зная ни сна ни отдыха, но его отвлекали организационные вопросы. Через некоторое время стало понятно, что без помощников ему не справиться. В это время Мутай Исмаилович Ульбашев остался без работы, потому что его вынудили уйти из «Кабардинки». Исмаил с Мухтаром решили пригласить его в ансамбль. Они успели свыкнуться с тем, что идея создания ансамбля везде встречала волну энтузиазма, и

пошли к нему, уверенные в успехе. Я уже помогал Мухтару, а после ухода Людмилы Биттировой выполнял обязанности администратора, и поэтому меня взяли с собой. Но Мутай Исмаилович не верил, что из самодеятельных танцоров можно сделать профессиональных артистов. Времена изменились – танцоров готовили в училищах и специализированных институтах, а мы все были любителями. Он отказался».

Хасан Мирзоев:

«Через некоторое время он все же пришел к нам на репетицию вместе с Евгением Вениаминовичем Ароновым. Авторитет их в нашей среде был очень высок – это были два человека, долгие годы возглавлявшие «Кабардинку», благодаря им она пережила период небывалого творческого взлета и всесоюзного признания и успеха. Мы понимали, что их приход равносителен экзамену, и выложились полностью, но видели, что они с трудом скрывают свое разочарование. Не знаем, какой разговор у них состоялся с Мухтаром и Исмаилом, но ребята, вышедшие в холл перекурить, услышали их беседу между собой: «Где он набрал этих колхозников? И еще рассчитывает на успех. Бесплезное занятие...» Вот после этого мы завелись по-настоящему. Переговорили между собой и решили сделать все, чтобы ансамбль состоялся. С того дня отпала необходимость призывать нас к дисциплине и порядку: мы работали не покладая рук. Начинали в 9 часов, затем перерыв с 13 до 15 часов и потом репетиция до 18 часов. Дело создания ансамбля стало общим».

Алим Мирзоев:

«Мухтар пригласил бывших солистов ансамбля «Кабардинка» Бориса Нагудова и Алихана Мисакова. Трудились они с увлечением, самоотверженно, до полного изнеможения и заслуживают самой большой благодарности. Много их усилий, терпения и умения было вложено в то, чтобы сделать из ребят, набранных чуть ли не с улицы,

артистов профессионального уровня. Они приступили к технической шлифовке поставленных Мухтаром танцев. А он к тому времени поставил все танцы, исполненные позже на сдаче программы и принешие нам статус государственного коллектива. Каждый день на репетициях присутствовали гости: представители интеллигенции, разные люди из самых отдаленных сел Балкарии. Все поддерживали нас. Кто делом, кто словом. Такое внимание старших, их заинтересованность вдохновляли, но и внушали чувство ответственности перед народом. Мы сами видели, как постепенно обрисовывается наша программа. И все же Мухтар посчитал, что опыт Мутая, его высочайший авторитет, известность как одного из лучших балетмейстеров Кавказа необходимы нам. Великий мечтатель и энтузиаст Мухтар не верил, что идея создания ансамбля оставит Мутая равнодушным. Вопрос решил Исмаил. Он пообещал платить больше, чем тот получал перед уходом из «Кабардинки», и Мутай согласился. На самом деле с ним дела пошли веселее. Его богатейший опыт, профессионализм сказывались во всем. Нам, молодым артистам, было лестно работать с таким Мастером. Недостатка в танцорах не было. Набралось восемнадцать пар. Приходили студенты. Для них это был приработок, но потом они тоже увлекались и оставались в ансамбле. Так к нам пришел Аслан Ахкубеков».

Аслан Ахкубеков:

«Я танцевал с раннего детства. Свои первые шаги не помню, но первые танцевальные движения остались в памяти. Им я учился у отца. Он возглавлял колхоз и был очень загружен работой, но находил время учить нас, детей, танцам. Он приобрел проигрыватель, собрал множество пластинок, среди которых особенно хороши были записи осетинских народных танцевальных мелодий. Сказывалось то, что они были профессионально и качественно записаны. В большой комнате отец рас-

черчивал пол мелом и показывал нам движения и рисунок танца. Высокий, стройный, он танцевал, как было принято в старину: степенно, сдержанно. Его любовь к танцу ощущалась в каждом движении, и я мечтал походить на него. Мне исполнилось два-три года, я был самым младшим из шестерых детей и танцевал в черных толстых шерстяных носках, связанных бабушкой взамен ноговиц. Отец тоже рос в большой трудолюбивой, дружной и веселой семье. Бабушка прекрасно играла на гармонике. Рассказывали, что, когда вся многочисленная семья отца выходила на сенокос, ей, молодой невестке, не давали работать, усаживали в тени, и она играла на гармошке и пела, а остальные ей вторили, и работа шла веселей. Так что можно сказать, что любовь к песням и танцам была в нашей семье наследственной.

Благодаря отцу, мое раннее детство было полно музыки и радости. Но потом пришла беда, сорвался со скалы и погиб мой старший брат – с той поры прервалось веселье в нашем доме. Уже когда я учился в седьмом классе, из Москвы, окончив ГИТИС, вернулся в село Шаваев Орусбий. Он собрал нас, сельских подростков, и стал учить танцам: своим, испанским, мексиканским.

После школы я поступил в университет. Занимался спортом – дзюдо, ушел на службу в армию. А когда после армии вернулся на учебу, встретился со своим другом Магомедом Энеевым. Он направлялся на репетицию университетского ансамбля, которую проводил Мурадин Думанов. После ее окончания мы договорились пойти в кино, и я отправился с ним в зал. В следующий раз я опять пошел с ним на репетицию и так остался в коллективе. Прошло года полтора, и однажды Оксана Джуртубаева принесла нам весть о том, что создается ансамбль балкарского танца. Нас это заинтересовало. Честно сказать, всех немного задевало то, что в репертуаре университетского ансамбля не было наших танцев, за ис-

ключением одного-двух, казалось несправедливым и то, что даже такому хорошему, фактурному танцору, как Магомед, не давали сольных партий. Поэтому мы выяснили, где проходят репетиции нового коллектива, и в декабре Магомед, Оксана Джуртубаева и я пошли в санаторий «Терек». Несмотря на то что мы были студентами и не могли посещать репетиции, как все остальные, Мухтар разрешил нам приходить после обеда. Мы были довольны – и любимое занятие и приработок. Но очень быстро работа в ансамбле стала главным делом нашей жизни. Способствовало этому то, что весь процесс его создания проходил в борьбе: нашлись ярые противники наличия еще одного профессионального коллектива в республике. Аргументировалось это сходством балкарских и кабардинских танцев. Нас это обижало. Несмотря на молодость, мы осознавали, что нашему народу принадлежит богатейшая культура, отличная от других. Знания эти мы почерпнули не из учебников или лекций, так как таковых не было, а из детства, которое у большинства танцоров прошло в селе. Там наши деды и бабушки пели, плясали, рассказывали сказки, пересыпая свою речь поговорками, образными сравнениями. Помимо этого, нашему народу свойственно такое полезное качество, как интерес к другим народам, что, в свою очередь, дает возможность сравнения. А при сравнении, даже с народами, имеющими древнюю и богатую культуру, такими, как китайцы, индийцы, карачаево-балкарцы не проигрывают. Конечно, мы задумывались над этим, но знаний не было – их мы получили от Мухтара – это он дал нам понять, что богатства нашей духовной культуры неисчерпаемы. За эти знания мы все ему безмерно благодарны. Лично для меня они были открытием, равносильным душевному потрясению. В его изложении самый древний народный обряд, ритуал, символика вдруг обретали простоту, всякому понятный и доступный смысл.

Мухтар Кудиев – талантливейший постановщик, этнохореограф, прекрасный организатор, Мутай Ульбашев – балетмейстер от бога, Исмаил Кайтаев – самоотверженный меценат... Но если сегодня меня спросят: «Кто создал «Балкарию»?», я, не задумываясь, отвечу: «Ее создатель – народ». На наших глазах на организацию ансамбля студенты отдавали стипендию, старики пенсию, в селах продавали овец и присылали деньги, женщины доставали из сундуков серебряные нагрудники и пояса, старинные, вышитые еще бабушками платки и несли в ансамбль, ученые, писатели, актеры, врачи, инженеры, не считаясь со временем, приходили на репетиции, советовали, воодушевляли... Но не будь Мухтара, всего бы этого не было. Его упорство, увлеченность, непоколебимая убежденность в необходимости того, чем мы занимаемся, передавались всем. Мы видели, как из разных населенных пунктов Балкарии приезжали люди, и заботливо интересовались: есть ли танцы, мелодии, кадры. Мухтар терпеливо объяснял, что есть все, кроме статуса – помощи государства. Это вызывало недоумение. В нашей среде шло обсуждение: «Почему при наличии такой культуры мы не можем показать ее миру? Другие народы имеют ансамбли, а нам нельзя?»

Мы видели, как тяжело приходилось Мухтару. Он находился в постоянном напряжении: ставил танцы, объяснял нам их смысл, следил за изготовлением атрибутики, костюмов, встречался со сторонниками и противниками создания танцевального коллектива, спорил, уговаривал, убеждал...

В тот период атмосфера в самом коллективе была такая теплая, а сами мы полны такого воодушевления, что, уезжая к родителям на выходные дни, с нетерпением ждали понедельника. А в селе соседи и родственники с таким же нетерпением ожидали нашего приезда, до тошноты спрашивали о том, что сделано за минувшую

неделю, огорчались, если что-то нам не удавалось, радовались малейшему успеху. Из простых сельских ребят, обучающихся в городе, каких было множество, мы стали людьми, как бы делегированными в столицу для решения важного, всенародного дела. Это еще больше повышало его значимость для нас.

Вокруг ансамбля было много разговоров. Настоящим ударом для нас стал слух, что статуса государственного ансамбля нам не видать».

Постепенно вопрос создания ансамбля перерос в проблему, ставшую принципиально важной для всех. Ко мне все чаще, как к работнику этой сферы, стали обращаться люди с просьбой о помощи. Вначале я прилежно объясняла им, что вопросы профессионального искусства входят в сферу деятельности Министерства культуры, а не отдела культуры г. Нальчика. Следует признаться, что меня удивлял ажиотаж вокруг ансамбля, более того, он казался мне искусственным.

Я никогда не танцевала. Жила в многонациональном городе, училась в классе, в котором из сорока трех человек нас, балкарцев, было всего четверо, а кабардинцев трое. Свой народ я знала по частым поездкам с родителями в село, к родственникам. Это были праздничные поездки, и народ был праздничный. Повидать отца приходили родичи и соседи. Расторопные, ловкие мужчины резали барана, в считанные минуты разделявали его и нанизывали на шампуры вкуснейший жалбаур, веселые женщины готовили круглые, золотистые, как солнечный диск, хичины, старшие что-то оживленно или озабоченно обсуждали, и над всем звенел смех. Странно, но он мог раздаться даже во время самых грустных событий.

Родители старательно оберегали нас, дочерей, от тяжелой информации. Уже взрослым человеком я пережила страшное потрясение, когда услышала об уничтожении мирных

жителей балкарских сел в 1942 году – стариков, младенцев и инвалидов войны, – о горах мертвых тел, над которыми стояло сияние... (Позднее мне объяснили, что тела фосфорировали. Оказывается, есть такое явление?)

Позднее я услышала о погибших от голода в переселении. Только в ответ на настойчивые расспросы мама, пригорюнившись, сказала: «Да, это так». И рассказала о страшной смерти моего престарелого дяди, об опухших от голода и истощения маленьких племянниках отца, едва не погибших вдали от родных, и многое такое, чего нельзя рассказывать детям. Но в моей памяти Казахстан был и остался местом, где всегда сияет солнце. Оно кружит над головой, когда я иду между отцом и матерью, высоко подняв руки, иначе мне не дотянуться до их рук. На мне необычайной красоты платице, сшитое и вышитое гладью мамой (почему-то его называли пыльник) и синие, парусиновые туфельки. Я пытаюсь любоваться одновременно туфельками и молодыми красивыми лицами родителей. И нет девочки счастливее меня. Казахстан остался для меня солнечной страной моего детства, когда все мои близкие были молоды, веселы и живы.

Воспитывались мы на русской культуре. Любимой песней матери была знаменитая «Песня цыганки» Полонского – «Мой костер в тумане светит...». Первым моим поэтом был Лермонтов. «Терек воет, дик и злобен...», «В глубокой теснине Дарьяла...», «У Казбека с Шат-горою был великий спор» – читал нам в Казахстане по вечерам отец. Только сейчас, когда пишу эти строки, я вдруг обратила внимание на то, что все они о Кавказе. Возможно, выбор этот был неосознанным. Затем последовали Пушкин и Блок, Толстой и Шолохов. Семья была вся читающая. Даже мама, окончившая всего четыре класса, хорошо знала литературную классику. Мы выросли патриотами своей страны. А ею была вся огромная страна Советов – «от Москвы до самых до окраин».

Воспитанная в духе советского интернационализма, впервые свою национальную принадлежность я осознала в период создания «Балкарии». В ту пору я наивно была убеждена, что все красивое, талантливое имеет право на жизнь. А то, что создавалось на наших глазах Мухтаром, было, бесспорно, талантливо. Когда мне говорили: «Не дадут, не позволят», я, сдерживая раздражение, отвечала: «Оставьте это. Кто не позволит? Будет талантливо – все будут только рады». Их тревога казалась мне надуманной. Я абсолютно искренно считала, что создание ансамбля будет встречено одобрением, почти ликованием. Может, потому, что такую радость вызвало создание «Бжамий», ансамбля народной адыгской песни и музыки. Мои собеседники смотрели на меня с недоверчивым удивлением... Возможно, считали лицемерной. Я ссылалась на то, что вопросы профессионального искусства курируются Министерством культуры. Но вот, побывав по приглашению Мухтара на репетиции, я пришла в Министерство культуры – торопилась поделиться переполнявшим меня восторгом: «Вы не представляете, до чего они хороши! Если вы их увидите, то просто влюбитесь в этот коллектив. Надо добиться для них статуса, иначе они долго не выдержат тех условий, в которых находятся, и мы их потеряем». Но мне недвусмысленно дали понять, что это исключено. Противление, которое вызвало создание всего-навсего, по моему пониманию, еще одного танцевального коллектива в республике, несправедливость, проявившаяся в период создания ансамбля, вызвала к жизни это чувство принадлежности к своему народу. Постепенно оно становилось все более осозанным. Как известно, национальное чувство наиболее уязвимо в человеке. И величайший грех оскорбить его – словом или делом. А для должностного лица – это преступление. Возможно, обиды, нанесенные во время создания ансамбля, и послужили отправной точкой к событиям начала 90-х годов.

Мухтар, писательница Миналдан Шаваева, Шарипа Шунгарова, деятели искусства, писатели, поэты, ученые все чаще стали посещать мой кабинет. Из сел приезжали старики, приходили студенты. Но все замерло на мертвой точке. В этот период Мухтар проявил себя как великий организатор общественного мнения. Ему удалось объединить вокруг своей идеи людей, порой даже недружелюбных друг другу. Вся научная и творческая интеллигенция, да что там интеллигенция, весь народ сплотился в этот момент. Это было первое общенародное дело, значение его для роста национального самосознания народа трудно переоценить. И в этом тоже заслуга Мухтара. Даже люди далекие от танцев понимали значимость того, что происходило. Все чаще звучало: «Если мы не имеем права танцевать на своей земле, то на что же мы имеем право?» Напряженность в обществе нарастала день ото дня. Однажды ко мне в кабинет пришел посетитель – старик из селения Новая Балкария. Не представляясь, он вытащил старенький бумажник и заскорузлыми от работы руками вынул деньги: «Это от меня на наш ансамбль. Пусть и мой труд будет в нем». Он принялся расспрашивать меня о положении дел, смотрел удивительно ясными, доверчивыми глазами. Мне стало стыдно. В этот момент я поняла, что никакое разделение функций не может служить мне оправданием. Так, постепенно дело создания ансамбля становилось всенародным, и, естественно, моим в том числе. На следующий день рано утром я позвонила первому секретарю Нальчикского горкома КПСС Губину Геннадия Сергеевичу и попросила о встрече. Я опасалась, что он, как и я, заговорит о разделении функций или проявит равнодушие. Но, внимательно выслушав мою взволнованную речь, он тут же дал поручения о созыве совещания по оказанию поддержки ансамблю в период его становления. Когда я сказала, что понимаю, что вопрос не политический, он, прервав меня, сказал: «Все, что касается самоощущения народа, – уже политика, причем

высшая политика». Буквально в течение недели согласно решению горкома организации и предприятия перечислили в фонд ансамбля 150 тысяч рублей. (Для сравнения: ежегодно на все общегородские культмассовые мероприятия, в том числе такие массовые, как майские и ноябрьские, выделялось 10 тысяч рублей.)

Из воспоминаний Мухтара Кудаяева:

«Первый выход ансамбля на сцену состоялся 24 января 1989 года в музтеатре в благотворительном концерте, организованном объединением «Ныгъыш». Мы показали один танец. Зал был переполнен, но на площади перед театром осталось столько же людей. Желающие посмотреть концерт снесли двери. Его устроителям и мне приходилось прятаться, потому что все просили помочь пройти в зал. Зрители были растроганы, у многих на глазах блестели слезы.

После этого вечера все большее число руководителей различного ранга стали оказывать нам поддержку. Среди них Далхат Мизиев, Георгий Черкесов, Азрет Ахметов, Черкес Мовсесян, Михаил Мамхегов, Борис Паштов, Ануар Гуданаев, Махмуд Энеев, Паго Шаваев, Амаш Отаров, Магомед Чочаев, Валерий Сижажев, Валерий Золотарев, Хажбекир Хавпачев, Борис Кетенчиев, Лидия Энеева (Мирзоева), Курман Отаров, Кази Алтуев, Махмуд Жабоев, Абдулах Будаев, Сафар Байдаев, Султан Кульбаев, Борис Аппаев и многие другие. Одни выделяли сами денежные средства, другие помогали мне их изыскивать для своей творческой деятельности в период организации ансамбля «Балкария».

Вскоре был назначен день просмотра программы ансамбля комиссией, созданной Министерством культуры. В ее состав вошли хореографы, этнографы, фольклористы, деятели культуры и искусства. Числом сорок человек. Я и не думал, что в республике найдется столько специалистов в области танца. От их решения зависело получение ансамблем статуса «государственный». Все

очень волновались, опасались, что ответ комиссии будет отрицательным. Причиной такой нервозности служило отсутствие заинтересованности в организации деятельности ансамбля весь предыдущий период. Более того, некоторые из тех, кто по долгу службы обязан был содействовать его становлению, всячески препятствовали этому. Последствия отказа могли быть абсолютно непредсказуемыми».

На Мухтара было больно смотреть. По нему было видно, что ноша, которую он взвалил на себя, порой становилась ему непосильной. Напряжение в нем возрастало по мере приближения дня просмотра. Весь его многолетний труд должен был получить оценку. Он осознавал, что снисходительности ждать неоткуда. С одной стороны, народ своим участием, любовью и верой требовал от него взять невиданную еще творческую высоту – для Мухтара обмануть эти ожидания было равносильно физической смерти, с другой стороны – большая часть чиновничества и специалистов своим недоверием, скептическим отношением и недоброжелательством поставила его в положение экзаменуемого. Он понимал, что ошибки, разочарования ему не простит ни та, ни другая сторона. Программа должна была превзойти всяческие ожидания. И она их превзошла!

Просмотр состоялся 29 августа 1989 года в зале Музыкального театра. Мухтар подготовил программу из двенадцати танцев. Помимо традиционных, широко известных, таких, как «Тюз тепсеу», «Тегерек тепсеу», «Абезех», были представлены обрядовые танцы «Тепена», «Арсланбия», «Чоппа», «Озай», «Голлу», «Жортуул», «Хардар», «Сандырак».

Несмотря на то что артисты танцевали в репетиционных черных юбочках, майках и шароварах, без реквизита, впечатление от их выступления было ошеломляющим. Каждый танец сопровождался восторженными овациями. (Зал неожиданно оказался заполненным до отказа, хотя предполагался закрытый просмотр.) Так как Мухтар всегда был сторонником осмысленного танца, целесооб-

разности, естественности и правды в искусстве, все они поражали не только красотой, но и своей логикой и абсолютной ясностью содержания.

Обсуждение началось со слов Хажбекира Хабаловича Хавпачева, председателя Союза композиторов КБР: «Когда ребенок родился, поздно рассуждать, быть ему или нет. Необходимо решать, во что его одевать и чем кормить».

Программа была признана соответствующей уровню государственного профессионального фольклорно-этнографического ансамбля. Теперь вопрос стоял о получении этого статуса. До его принятия коллектив временно числился в составе Госфилармонии. Период этот продлился до 31 января 1990 года.

Первый состав «Балкарии»... Будут приходить и уходить артисты, это естественный процесс, но первый состав ансамбля незабываем. Он особенный: каждый личность, у каждого свое, неповторимое лицо, свой образ, каждый вмещал в себя целый мир наших представлений о народе: герой, красавица, храбрец, силач, скромница, хитрец, весельчак... Первый во втором ряду с л е в а Алихан Мисаков. Фото К. Толгурова

Идрис Таукенов, первый директор ансамбля «Балкария»:

«Однажды ко мне пришли Мухтар и Мутай и попросили помочь с изготовлением реквизита для ансамбля. В ту пору он еще не имел государственного статуса, репетиции проходили в санатории «Терек». Но идея создания профессионального танцевального коллектива не была для меня внове. Помимо всего прочего, в нем играл на барабанах мой сын, Мурат. Я выделил помещение для мастеров, и они стали изготавливать реквизит. Чего там только не было: щиты, посохи, кинжалы, древки для флагов, маски и т.п. Этими мастерами были Хамзат Бачиев и Рашид Курданов. Трудились они самоотверженно. Сколько любви, души вкладывали они в свою работу! То, что они делали, было не ремеслом, а творчеством. Мухтар приходил ежедневно, приносил эскизы, вносил в них поправки. Но вскоре мастерскую закрыла пожарная инспекция.

Предложение Мухтара и Мутая занять должность директора ансамбля стало для меня полной неожиданностью, я решительно отказался. В ту пору была одобрена программа, но статус еще не был получен. Материально-хозяйственная база отсутствовала полностью: ни концертных костюмов, ни транспорта, ни музыкальных инструментов, ни рекламных материалов. Тогда они пошли к Чабдарову Борису, заместителю Председателя Верховного Совета КБР и моему другу. Его они убедили в том, что теперь, когда необходимо решить важные организационные вопросы, я им просто необходим. Дважды Борис пытался меня убедить, обещал свою поддержку и помощь, на третий раз я решился.

Ансамбль располагался в санатории «Терек». Валерий Боттаев, главный врач санатория, помогал, поддерживал всем, чем мог, но условий не было: сцена маленькая, помещений нет. Мы открыли счет, но решение о статусе так и не принималось.

Положение было угрожающим, но тут нас вызвал Г. С. Губин и буквально обязал учреждения, находящиеся в черте города и не только, перечислить на наш счет деньги. Это была серьезная, а главное своевременная помощь. Мы заготовили письма и отправились по районам. Руководители колхозов, предприятий и учреждений старались помочь: Далхат Мизиев, Курман Отаров, Георгий Черкесов, Харун Маммеев... Всех не перечислить. В ту пору было очень сложно что-либо приобрести, если не было лимита. У нас его, естественно, не было, но нам все шло навстречу. При этом даже совершали должностные нарушения. Директором базы «Текстильторг» была Валентина Хутуева. Она ухитрялась выкраивать для нас необходимые ткани. Валерий Золотарев, министр бытового обслуживания республики, в нарушение всего и вся обул нас. А кожа в ту пору была страшнейшим дефицитом. Я обратился к Борису Паишову, директору республиканского Дома молодежи. Он тут же с готовностью оплатил двадцать дорогих расшитых узорами женских головных платков. Председатель госкомиздата республики Салих Гуртуев обеспечил нас афишами и билетами. Когда я поехал в Махачкалу, мой бывший сокурсник по Высшей партийной школе Магомедов Магомед Магомедович, замминистра МВД Дагестана, без оплаты выписал для нас 20 бумок. Из Харькова прислали каракулевыми черными и серыми шкурки на шапки. Нам с радостью шло навстречу. Казалось, все заражались от нас любовью к нашему ансамблю.

Но тут пришло огорчение. От меня скрывали, что Москва отказала нам в статусе. Не передать словами, как мы нервничали. Борис Чабдаров стал звонить, а я выехал в Москву. Министр культуры РФ Мелентьев в это время был в Рязанской области, и я ждал его около двух недель. По приезду он меня сразу принял, пошутил: «О, знаменитый директор знаменитого Нальчикского парка». Я ответил: «Уже нет. Перед вами директор первого профессионального ансамбля балкарского народного

танца» и рассказал ему, что меня привело в Москву. Он тут же вспомнил: «Конечно. Я обещал Борису Касимовичу и обещание выполняю». Он при мне выяснил, кто из его замов и по какой причине отправил отказ без его ведома, устроил тому выволочку и приказал профинансировать ансамбль на зарплату. Тут же он решил вопросы о выделении нам автобуса и пошиве костюмов в экспериментальном кооперативе при комбинате. Но эскизы костюмов, подготовленные талантливой художницей Людмилой Болатовой, в результате кропотливейшего труда – она привлекла не только документальные, но и археологические материалы – не нашли поддержки. Их обсуждение в Министерстве культуры сопровождалось выкриками: «Откуда вы взяли такие костюмы?! Где вы видели такие головные уборы?!» Листы с эскизами костюмов разлетались по большому столу для заседаний, за которым с окаменевшими лицами сидели руководители ансамбля, представители балкарской общественности. Все попытки представить исторические материалы, на основе которых создавались эскизы, резко и грубо пресекались. Еще раз я убедился, что ограниченность и невежество – родные сестры. С чем можно сравнить вред, который наносит наличие даже одного малообразованного, но рьяного человека во властных структурах? Особенно, когда в зависимости от него находится такая уязвимая область, как культура.

Когда позднее Лидией Жабеловой в городской отдел культуры были приглашены художники, хореографы, историки, фольклористы, этнографы для обсуждения и принятия эскизов костюмов – обстановка была уже накалена до предела. Каждый из присутствующих был обязан принять участие в обсуждении, высказать свое мнение и подписаться в протоколе. А протоколы были затребованы, ни много ни мало, не только Министерством культуры, но и обкомом партии и даже Президиумом Верховного Совета республики. Только после их утверждения, по указанию

Мелентьева, к нам немедленно выехал технолог по пошиву костюмов, специалист высочайшего класса. Она просмотрела репетиции ансамбля. Эскизы костюмов Людмилы Болатовой произвели на нее сильнейшее впечатление. Уехала она с уже оформленным заказом.

Здесь же, у нас в Нальчике, в ателье «Березка» работала Шамса Чочаева-Кетенчиева – лучший мастер по пошиву национальных костюмов на Северном Кавказе. Шамса уходила на пенсию, но я попросил ее сшить три комплекта костюмов. Она неожиданно легко согласилась. Как выяснилось, она сама ждала от нас такого предложения и, более того, была очень обижена, что мы замешкались с заказом.

Евгений Вениаминович

Аронов, тридцать лет возглавлявший «Кабардинку», говорил мне: «Тяжелую ношу ты взял на себя, Идрис. Понадобится минимум три года, чтобы одеть такой коллектив». За одиннадцать месяцев мы сшили 18 комплектов платьев. И каких! Они вызывали восторг у всех, кто их видел.

Я был удовлетворен. За один год ценой огромных усилий были решены все основные вопросы жизнедеятельности ансамбля. Наградой мне были слезы счастья на глазах зрителей во время сдачи концертной программы. Моя задача была выполнена.

Глава шестнадцатая

ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ «БАЛКАРИИ»

Мой самый светлый день –
день первого концерта «Балкарии».
Моя мечта – сын.

М. Кудаев

Первый концерт «Балкарии» состоялся 4 июня 1990 года во Дворце культуры строителей. Для тех, кому посчастливилось в тот вечер присутствовать на нем, он останется одним из ярчайших впечатлений жизни.

Вместительный зал Дворца строителей и площадь перед ним были переполнены. Один за другим подъезжали автобусы из самых отдаленных уголков Балкарии. Из них выходили торжественные и нарядные люди. Но на лицах у всех не обычное перед концертом радостное оживление, а волнение и напряженное ожидание. Интуитивно чувствовалось, что происходит что-то большее, чем премьерный показ программы одного из учреждений искусства.

Зрители рассаживаются, проходы забиты теми, кому не досталось мест. Как никогда, на концерте много представителей старшего поколения. Напряжение достигает высшей точки. Только бы не обманулись ожидания этих степенных стариков, сдержанных пожилых женщин, в кои-то веки проделавших немалый для них путь из горных

аулов в этот зал. И вот первый танец – пляска ряженных «Озай». На сцену выходят танцоры. Нет, глагол «выходят» не отражает происходящее. Казалось, свежий ветер с гор врывается в зал, подхватывает и несет над сценой изящные фигурки девушек; стремительным, гибким, каким-то стелющимся и в то же время упругим шагом движется шеренга парней. Первые мгновения тишины – и вдруг она взрывается аплодисментами. Моментально исчезает грань между сценой и залом, артистами и зрителями – они становятся единым целым, дышат одной грудью, чувствуют одним сердцем. Танцоры не исполняют танец, а просто пляшут – непринужденно и самозабвенно. Воодушевление, азарт, гордость проступают на их молодых счастливых лицах. Лица эти светятся доверием и любовью. Любовью к этой удивительной музыке, к этим необычным, потерянным, но найденным Мухтаром и щедро возвращенным движениям, к талантливым руководителям, волнующимся за сценой, к людям, сидящим в этом зале. Аслан Ахкубеков рассказывал, что ни на минуту на сцене его не отпускало сознание того, что в зале сидит его бабушка. Ее одобрение или укор были для него в эту минуту важнее всего на свете. И когда он увидел, как спокойное, чуть настороженное выражение исчезло с ее лица и радостью засветились глаза, его охватило чувство необыкновенного счастья.

Сколько было волнений, сомнений и суждений, но с самой первой минуты сердца всех присутствующих уже покорены, уже с восторгом отданы долгожданному ансамблю. Атмосфера влюбленности и праздника царит в зале. Заливается оркестр, колышутся флаги с древними тамгами, смотрят на нас со сцены то страшные, то забавные маски. Исполнение столь выразительно, каждый танец полон такого неукротимого жизнелюбия, что шквал аплодисментов сопровождает все номера.

«Чудеса искусства: ансамбль «Балкария». За несколько месяцев можно вырастить разве что картошку, а создать ансамбль, разгладивший морщины тысяч лиц, – разве это не чудо?!» – это слова Бориса Чипчикова. Да, Мухтару удалось, как сказочному волшебнику, совершить чудо – одарить радостью даже не десятки, тысячи людей, а целый народ! Ни до, ни после никому не удавалось совершить что-либо подобное.

Незабываемые минуты! Старшее поколение сравнивает их с радостью и счастьем возвращения. Тот, кто потерял родину, испытал беспомощность перед несправедливостью, был ограблен, оболган, унижен, а затем вернулся домой, знает чего стоит такая параллель!

Удивительна сила по-настоящему народных творений, их магического воздействия на людей! Один из зрителей рассказывал: «Зал был забит людьми. Стояли в проходах и заслоняли сцену. Чтобы лучше видеть, я приподнялся над креслом и повис на руках, опершись на подлокотники. Так и провисел весь концерт над креслом. Только когда двухчасовая программа закончилась, почувствовал, как нестерпимо свело мышцы».

Подобное чувство соприкосновения с красотой я испытала, когда в 1989 году на карачаево-балкарском фестивале вокально-инструментальных ансамблей впервые услышала «Орайду» Алихана Хабичева на слова Назира Хубиева. Карачаевцы с величайшим мастерством исполняют хоровые песни. Соперничать с ними в этом могут только грузины. Но грузинское многоголосие в годы советской власти успело завоевать известность в стране, а о карачаевском хоровом пении, к сожалению, не знают и по сию пору, и мир от этого много потерял. Хабичевская «Орайда» заморозила меня. Запомнились три строчки из нее, попытаюсь дать их подстрочный перевод: «Ты меня не любишь?!» – говоришь и смотришь, смотришь мне в глаза. А сама ведь знаешь, а сама ведь знаешь, что *тебя*

люблю я больше, чем себя? Но всего сильнее я люблю отчизну, я люблю отчизну больше, чем *тебя*». Казалось бы, простые слова, даже с лукавинкой, но сколько в них привязанности к отчему краю. А на какую прекрасную мелодию они ложатся! Такой же приверженностью родной земле полны танцы Мухтара. И залу передалось это великое чувство любви к Родине, которое горит, не угасая, в душе каждого живого человека. Но у балкарцев она была смешана с горечью. В тот вечер Мухтар Кудает и его «Балкария» излечили нас от горечи.

Ослепительно-красивая, нарядная наша молодость кружилась в танце, и далеко в прошлое уходили несправедливость, потери и печали. Уходила горечь. Старшие плакали. Танцуй, Балкария, танцуй!

Из воспоминаний Мухтара Кудаета:

«В течение всего июня, через день, мы выходили на сцену Дворца культуры профсоюзов, и каждый раз зал не мог вместить пришедших на концерт. Затем прошли наши выступления в городах и селах республики. Первая гастрольная поездка состоялась, конечно же, в Карачаево-Черкесию. Началась она с 4 сентября. Встретили нас по-братски. К организации наших первых гастролей по Карачаю подключился секретарь обкома партии Борис Гочияев. Но они были прерваны поездкой в город Сухуми. Валерий Тания, хореограф ансамбля «Эльбрус», предложил нам принять участие в Первом фестивале горских народов Кавказа, у которых бытует нартский эпос. Назывался он «Нартаа». Наше творческое руководство категорически отказалось от приглашения. По общему мнению, мы еще не были готовы конкурировать с именитыми, опытными коллективами. Но молодежь настаивала, мне не хотелось их огорчать, и я согласился возглавить коллектив в этой поездке. Она стала настоящим творческим и профессиональным испытанием для нашего ансамбля и для меня лично.

Государственный фольклорно-этнографический ансамбль
«Балкария». Фото К. Толгурова

Глава семнадцатая

ПРИЗНАНИЕ

И Мухтар, и ансамбль испытание выдержали с честью. В рамках фестиваля, который продолжался с 17-го по 21 сентября 1990 года, предусматривалось проведение конкурса профессиональных ансамблей народного танца. В нем участвовали известные, популярные коллективы – «Эльбрус» из Карачаево-Черкесии, «Симд» из Южной Осетии, прославленный «Алан» из Северной Осетии, «Шаратын» из Абхазии и «Башлам» из Чечено-Ингушетии.

Из статьи М. Ч. Джуртубаева «Возрождение красоты»: *«Нашу республику представлял молодой коллектив «Балкария». Это было его второе выступление за пределами Кабардино-Балкарии.*

По условиям фестиваля, съехавшиеся коллективы дали по одному концерту в селах и городах Абхазии. «Балкария» выступала в Пицунде. Огромный зал Большого Дворца культуры, вмещающий 1200 зрителей, был переполнен. Каждый танец встречали и провожали овациями. После концерта городской совет Пицунды предложил ансамблю провести месячные гастроли по республике, в любое приемлемое для ансамбля время, а также поставить три карачаево-балкарских танца для включения в репертуар ансамбля «Шаратын».

С разным настроением ехали на конкурс артисты ансамбля – предстояла конкуренция с известными коллективами, имеющими большие традиции, прошедшими долгий творческий путь. А у «Балкарии» за плечами лишь год репетиций, три месяца выступлений и ни одного участия в каком-либо конкурсе. Но после концерта в Пицунде появилась уверенность, тем более, что художественный руководитель ансамбля «Шаратын» Эдуард Бэбия, просмотрев на репетиции фрагмент пляски «Чопна», предрек «Балкарии» большой успех.

И вот – заключительный день фестиваля и концерт-конкурс коллективов народного танца на стадионе «Абхазия». В составе жюри – руководители ансамблей, хореографы, ученые – всего более 20 человек. Председатель жюри – Эдуард Бэбия.

Концерт начался с выступления замечательного ансамбля абхазских долгожителей. Вне конкурса выступили два ансамбля – «Шаратын» и «Башилам». Из шести профессиональных коллективов, принявших участие в конкурсе, первой выступила «Балкария». Она привезла 5 танцев. «Озай» – праздничный, новогодний, которым открывалась конкурсная программа «Балкарии». Многотысячная аудитория в продолжение всего танца, стоя, приветствовала артистов. «Къарашауай» – инсценировка эпизода из нартского эпоса. «Голлу» – замечательный танец в честь умирающего и воскресающего бога Голлу; яркая, мощная мелодия привела в восторг весь стадион. «Дебет» – пляска, посвященная богу кузнечного дела, прародителю богатырей-нарттов. «Алтын Хардар» – пляска в честь бога изобилия Золотого Хардара...

Сразу после концерта был проведен конкурс красоты. Каждый ансамбль был представлен тремя девушками. Из 18 участниц в финал вышли только солистка ансамбля «Алан» и солистка «Балкарии» Марина Токумаева. Победительницей стала представительница Северной Осетии.

Диплом лауреата и Хрустальную вазу – приз за лучшее исполнение женской партии – получила Лейля Караева. Еще один диплом лауреата и Фарфоровую вазу – приз за фольклорную направленность репертуара – получил балетмейстер-этнограф «Балкарии» Мухтар Кудаев.

Эдуард Бэбия оглашает решение жюри:

– Главный приз Первого фестиваля горских народов – «Золотой шлем» – единогласно присуждается ансамблю «Балкария».

Зрители встретили решение жюри бурными овациями, проявив меру абхазского темперамента. Не это ли было одной из главных наград трудолюбию и мастерству молодого коллектива?»

Конечно же, наиболее ценным для Мухтара было мнение коллег, хореографов.

Из воспоминаний Мухтара Кудаева:

«На фестивале в Сухуми всем коллективам было определено время для выступления – 25 минут. На совещании у министра культуры Абхазии пришли к общему мнению, что ансамбли, нарушившие это требование, будут сниматься с конкурса. Наше выступление заняло 47 минут. Я не мог остановить дрожь. Но нам бисировали, не отпускали со сцены, и председатель жюри дал мне понять, что можно продолжать. Несмотря на успех наших выступлений, решение о вручении нам главного приза фестиваля оказалось неожиданным. После заключительного концерта все коллективы были приглашены на банкет. Большинство тостов было поднято за ансамбль «Балкария». Главный балетмейстер южноосетинского ансамбля «Симд», Мелс Шавлохов, сказал, что «языком танца сегодня ассоны (балкарцы) показали нам историю своего народа». Директор и хударук Северо-Осетинского ансамбля «Алан» Станислав Козаев заявил: «Асиаг (балкарцы) своим искусством подтвердили, что они подлинные алань». Главный балетмейстер Карачаево-Черкесского ансамбля

«Эльбрус» Валерий Тания отметил, что «Балкария» резко отличается от других коллективов костюмами, орнаментом, обрядовыми предметами, танцевальными движениями, особенно мелодиями, которые мне неизвестны, хотя я работаю в хореографии около тридцати лет». Художественный руководитель ансамбля песни и танца «Абхазия» посетовал на то, что многие коллективы Кавказа стали похожи, как сиамские близнецы, и пожелал нам не сойти с избранного нелегкого пути. Самый молодой, семидесятидевятилетний, танцор абхазского ансамбля старейшин поздравил нас словами: «Сегодня я понял, какое богатое культурное наследие оставили вам предки, берегите его. Все мы были растроганы до слез искренним отношением своих коллег».

Победа в конкурсе показала, что Мухтару удалось не только возродить карачаево-балкарское народное танцевальное искусство, но и проложить пути дальнейшего развития народного танца в целом.

Затем последовали гастроли в Чечено-Ингушетии, где на каждом концерте присутствовали министр культуры республики Абдул Искендеров и его заместители. В Дагестане и Осетии были отменены репетиции госансамблей во время концертов «Балкарии», так как все артисты и балетмейстеры хотели ознакомиться с ее программой. И вновь участие в фестивале. На сей раз в Турции, на первом Всемирном фестивале тюркоязычных народов. И вновь ошеломляющий успех, превзошедший все ожидания. Концерт в Анкаре и Кони, двухчасовое выступление по турецкому телевидению, встречи с земляками – потомками балкарцев и карачаевцев, эмигрировавших в Турцию после Кавказской войны, их радость и слезы!

В 1992 году состоялась гастрольная поездка по Польше, Германии и Голландии. В 1995 году ансамбль участвовал во Всемирном фестивале фольклора во Франции,

в 1997 году – в Бельгии и Германии. И всюду ему сопутствовал успех.

Позднее Мухтаром были воссозданы еще два десятка народных танцев. Все они по праву вошли в сокровищницу карачаево-балкарского танцевального искусства. Сохранившиеся из них и по сию пору остаются украшением программы ансамбля «Балкария». Убедительное свидетельство тому – живой, восторженный и благодарный отклик на них зрителей. На концертах уже при начальных звуках мелодии, первых танцевальных движениях поставленных им танцев зал неизменно взрывается аплодисментами. По этим аплодисментам можно, даже закрыв глаза, безошибочно определить его танцы среди множества других. Признаюсь, что я проводила такой эксперимент во время написания этой книги.

Танцы Мухтара Кудаева стоят отдельно от привычных для нас образцов современных национальных плясок. Не секрет, что сегодня многие балетмейстеры традиционную страстность и горячий темперамент, свойственные южным народам, выдают за колорит кавказских танцев, а внутреннее благородство пытаются подменить внешней, помпезной важностью. Эксплуатируя возросшее техническое мастерство артистов, они с завидным постоянством создают два образа: «дикого», безудержного и воинственного горца и знатного, горделивого до гротеска, щеголя-узденя, даже в танце ни на минуту не забывающего о своем благородном происхождении. Для Мухтара же главным всегда была и остается не техника исполнения, которой может овладеть всякий желающий при наличии способностей, а проникновение в духовную суть танца, требующее от постановщика не только наличия таланта, но и обширных знаний.

Творческий почерк Кудаева неповторим и оригинален, его не спутаешь ни с каким другим, потому что в нем полностью отсутствует слепое заимствование и подра-

жание. Благодаря Кудяеву, на сценах Кабардино-Балкарии возник по-настоящему народный танец, свободный, пластичный, лишенный излишней бравурности и нарочитости. Сам Мухтар говорит:

«Хотя в программах «Балкарии» немало и чисто постановочных танцев, таких, как «Бийнегер», «Обурла», навеянных нартскими сказаниями, героическими песнями, легендами, но абсолютное большинство все же народных танцев, которые я ставил так, как они исполнялись в народе. Самая большая похвала для меня, когда старики говорят: «Так танцевали у нас в народе». Тогда я счастлив».

Глава восемнадцатая

ИСПЫТАНИЕ

Затем последовали следующие события. Пятнадцатого мая 1997 года Мухтар Чукаевич Кудает, основатель карачаево-балкарской этнохореографии, создатель первого в истории нашей культуры профессионального ансамбля народного танца, был освобожден от занимаемой должности. Приказ вывесили в холле на доске объявлений для всеобщего обозрения. С ним могли ознакомиться не только сотрудники ансамбля и театра, но и все посетители, в том числе многочисленные дети и подростки, участники руководимой им танцевальной студии, а также их родители. Кудаету предложили в течение одного дня освободить крошечную комнатку, которую он занимал как этнограф «Балкарии». Сложнее всего было перевезти бумаги, заполненные его размашистым почерком – результат сорокалетнего труда. Они лежали кипами, многие пожелтели от времени. Так, Мухтар Чукаевич был вынужден отказаться от того, что было смыслом и целью его жизни – от созданного им ансамбля. На пятьдесят девятом году завершился огромный этап его жизни, полный неустанных поисков, изнурительной борьбы, тяжелейшего труда и счастья воплощенных замыслов. К сожалению, общественность не смогла его защитить, а Министерство культуры не пожелало. Была создана видимость, что происходящее – оче-

редная рядовая склака в творческом коллективе, которую обычно снисходительно объясняют соперничеством и неумным тщеславием участников. Но это была только видимость.

Личная драма Мухтара Кудаяева – одного из самых талантливых деятелей культуры Кавказа, вернувшего карачаево-балкарскому народу целый жанр искусства – танцевальный, осталась незамеченной. О нем, казалось, забыли. На концертах, при исполнении поставленных им танцев, не объявлялось имя постановщика, оно исчезло с афиш, не произносилось в выступлениях и интервью руководителей ансамбля. Было сделано все для придания его труда забвению. Оправдание находили в беспомощных, мелочных обвинениях: «У него сложный, неуживчивый характер. Он подрывал дисциплину: наводнил здание детьми, обучал их, возил на фестивали и отсутствовал в эти дни на работе. И не только сам – он отрывал и музыкантов от основной работы». Уже в который раз вместо помощи и слов благодарности он слышал поношение и упреки. Но все они теряли всякую значимость в сравнении с теми почти непоправимыми последствиями, к которым повлек его уход из ансамбля: ***с уходом М. Ч. Кудаяева оборвался процесс возрождения карачаево-балкарской хореографии. За двенадцать минувших лет в программе ансамбля «Балкария» не прибавилось ни одного народного танца.***

Через очень короткое время прошел слух, что Кудаяев приглашен на работу в Турцию, где его с любовью и уважением называли аксакалом тюркского фольклора. Мухтар засобирался в дорогу, но почему-то все медлил. Стали поговаривать, что приглашение отменили. Через некоторое время между нами состоялся следующий разговор:

– Говорят, что я не нужен ни здесь, ни в Турции. Поэтому я *должен* ехать, – сказал он.

– Поезжай, Мухтар. Ведь многие мечтают о такой поездке. Деньги зарабатываешь. Тоже немаловажно, – поддержала я его.

Но он долго вздыхал и хмурился. Потом с трудом выдавил из себя:

– Не хочу я ехать. Как буду жить без семьи? Избаловала меня хозяйка. Рубашку себе не поглажу, дома мне чай и тот подают. Да и устал я. Если поеду, то только, чтоб доказать, что еще не весь выработался.

Он сидел напротив меня за неизменной чашкой чаю, плечи его ссутулились, глаза потухли. Есть мужчины, в которых с возрастом появляется что-то от пожилых женщин, некоторые же и в преклонном возрасте остаются похожими на мальчишек. Нет, нет, да и проглянет любопытство, восторг, лукавство, обида... Таков Мухтар. В это мгновение передо мной был тот давний настойчивый и целеустремленный, очень одинокий мальчишка-сирота, с кличкой «офицер», но уже смирившийся с несправедливостью судьбы. Вспомнилось киплингское: «Когда с годами изменяют силы и только воля говорит: «Держись!». Казалось, в этот раз воля ему изменила окончательно – уж больно сокрушительным был нанесенный удар. У него отняли все с таким трудом достигнутое и, прежде всего, возможность работать над тем, чему были отданы все силы без остатка – над воссозданием народных танцев. Было до слез жаль его. «А кому ты будешь доказывать? – спросила я. – В отличие от них ты сделал столько, что и на двадцать жизней хватит. И сегодня они едят хлеб, который ты вложил им в руки. Вот и не доказывай никому и ничего. Просто отдохни». Мухтар благодарно взглянул на меня и согласно кивнул головой. Он ушел, но еще долго не проходило гнетущее чувство жалости и бессильного гнева.

Даже в этой последней беседе он не говорил о своих обидах или недругах, а сетовал на то, что не решены мно-

гие вопросы жизнедеятельности ансамбля «Балкария»: «Понимаешь, транспортные средства на исходе, а это сказывается на организации концертной деятельности. Обрядовые атрибуты тоже следует пополнить. В коллективе молодежь, самое время создавать семьи, но как содержать их, снимая квартиру, при такой низкой зарплате? За все эти годы артисты ансамбля получили одну однокомнатную квартиру и две комнаты в общежитии, а ведь большинство приехали из сел. Нужда может привести к оттоку кадров. И сейчас уже многие подрабатывают, отвлекаются от основной деятельности, а танцу надо отдавать всего себя без остатка, иначе толку не будет. Есть артисты, которых надо представить к званиям – без поощрения гаснет энтузиазм. Необходимо целенаправленно отобрать и отправить на учебу в Москву ребят, готовить себе смену. А такие есть – Борис Токумаев, Аслан Ахжубеков, Хасан Кудаяев... Время самоучек прошло...»

Перечню не было конца. Он продолжал жить жизнью своего детища.

Прошло время. О нем, казалось, забыли.

Но вот на одном из концертов раздались овации: на сцене ожил «Озай» в исполнении подростков. Так поставить его мог один человек – Мухтар Чукаевич Кудаяев. Я прошла за кулисы и с радостью увидела прежнего Мухтара: воодушевленного, полного энергии и планов. За это время он создал группы народного танца в нескольких сельских школах, принялся за систематизацию и анализ накопленного исследовательского материала. «Везу детский танцевальный коллектив верхнебалкарской школы в Турцию для участия в фольклорном фестивале. В нем участвуют около пятидесяти стран. Еду как руководитель ансамбля», – сказал он. И тут же стал рассказывать об огромной работе, которую проводят Каншаубий Мизиев и Юруслан Болатов по пропаганде карачаево-балкарского

танцевального искусства за рубежом, о том, что благодаря их стараниям о нашей национальной культуре знают на всей планете. Вот тогда мне вспомнились слова его жены: «Он разочаровывается в людях, но в своем деле никогда».

Думается, что теперь самое время передать слово единомышленникам и друзьям Мухтара. Они скажут то, что не удалось сказать мне.

Глава девятнадцатая

СЛОВО О МАСТЕРЕ И МАСТЕРСТВЕ

Х. Малкандуев, фольклорист

С Мухтаром Кудаемым я познакомился в начале 80-х годов теперь уже прошлого столетия. В ту пору он ездил по селам Балкарии и собирал у сказителей народную музыку и сохранившиеся элементы карачаево-балкарской традиционной хореографии.

Поскольку народная хореография как элемент древнейшего языческого синкретизма возникла в глубокой древности, впитав в себя музыку, ряд компонентов мифологических блоков, что выражалось в реквизите и этнографическом оформлении той или иной пляски, Кудаему было чрезвычайно сложно разобраться в этих непростых вопросах, требующих научного осмысления всего, что связано с танцами. Но он продолжал упорно и неустанно трудиться.

Видя его фанатичную самоотверженную преданность народному танцу, я старался со своей стороны помочь ему всем, чем мог. Я не был специалистом по хореографии, и вначале мне было трудно разобраться в специфике этого жанра искусства, но изучение научной литературы, а также близкое знакомство с Мухтаром Кудаемым существенно пополнили мои знания. Я стал собирать у старожилков и записывать старинные народные песни и мелодии. Успехи были значительные. В те годы мной

были записаны впервые такие выдающиеся произведения карачаево-балкарской устной музыкально-песенной культуры, как «Песня о Хардаре», «Песня об Элие», «Голлу», вариант «Тепены», «Песня о Тотуре», «Плач утопленника», «Сабан той» и т. д.

Со всей ответственностью и гордостью я бы подчеркнул особую, выдающуюся роль Мухтара Кудаяева в становлении ансамбля «Балкария» и ее репертуара, ибо очевидцем всего происходившего был я сам.

В. Боттаев, главный врач санатория «Терек»

Впервые я встретился с Мухтаром Кудаяевым в 1960 году в ДК облсовпрофа, на репетиции хореографического ансамбля. Коллектив был сильный, творческий, руководила им Эмма Владимировна, бывшая супруга Ульбашева Мутая.

Мухтар блестяще исполнял национальные танцы, но уже тогда, на мой взгляд, в нем было тяготение к балетмейстерской работе, возможно и неосознанное. У него было необычайное чувство ритма и музыки. Зачастую, он импровизировал, вносил те или иные изменения в исполняемый танец, и тот становился ярче и эмоциональней. Создавалось впечатление, что смысл движений был ему открыт от рождения.

Однажды на репетиции девушки ну никак не могли уловить сущность танца. Мухтар не выдержал, вскочил и, спустя несколько минут, вернулся в девичьем наряде. Все ахнули. «Девушки, смотрите!» – и Мухтар поплыл, девушки за ним и – все, получился отличный танец. Девушки уловили его суть.

Судьба свела меня вновь с Мухтаром, когда он приступил к практическому осуществлению своей мечты – созданию ансамбля «Балкария». Было это так. В один прекрасный день Мухтар пришел ко мне в санаторий «Терек» вместе с Исмаилом Кайтаевым, в ту пору преуспевающим предпринимателем. Мухтар изложил свой проект созда-

ния ансамбля балкарского народного танца, финансирование на начальном этапе брал на себя Исмаил. И, конечно, им необходимо было помещение для репетиций. Я крепко задумался. Надо мной стояло далеко не лояльное начальство, а помочь очень хотелось. Я дал добро. К чести танцоров, никогда ни одной конфликтной ситуации они не создали, и это был один из моих козырей.

Вскоре пришла молодежь. Но когда я увидел будущих артистов на репетиции, настроение мое резко упало. На сцене стояли большие, толстоватые, в основном далекие от танца люди. Я расстроился и ушел, не стал смотреть. Очень удивлялся упорству Кудаетова.

Мухтар оказался выдающимся организатором. Горел сам и зажигал других. Он заставил осознать необходимость возрождения национальной хореографии всю балкарскую общественность. Ему верили. Мухтар работал круглосуточно. Художественным руководителем он пригласил Мутая Ульбашева.

Четко шли репетиции, подтягивалась молодежь. Мухтар ездил по предприятиям, учреждениям, приглашал известных людей в санатории. Мы за кофе и чаем рассказывали о своих идеях и планах, приглашали посмотреть репетиции. Люди, даже далекие от танцевального искусства, становились нашими единомышленниками, давали личные деньги на существование ансамбля.

Дисциплина была жесткая, и она тоже помогла выжить, потому что приходили любители погулять и выпить, бездельники и т.д.

А Мухтар создавал как из рога изобилия все новые и новые танцы, а к ним соответствующие костюмы. Выпустил книгу о народных танцах балкарцев и карачаевцев, которая сразу же заняла свое достойное место в искусстве.

Большая борьба шла из-за названия ансамбля, но общество победило. Ансамбль назвали «Балкарией».

И вот настал день первого концерта. Я пошел за кулисы. Кудаев и Ульбашев успокаивали артистов, а у самих ни кровинки в лице, бледные. Концерт прошел «на ура». Это был успех! Нет, это был триумф! Кончилась программа, но до полуночи люди не расходились. Первые не выдержали девушки, расплакались. Я их обнимаю, целую, а у самого тоже глаза на мокром месте. Парни бледные, усталые, но такие счастливые, торжествующие. А радость Мухтара в тот день можно сравнить разве только с радостью отца, вырастившего сына – настоящего джигита. Все поздравляли друг друга с блестящей победой искусства и осознавали, что присутствуют при открытии новой страницы в истории балкарской культуры. Заслуга в этом, в первую очередь, Мухтара Кудаяева, основоположника, зачинателя, идейного руководителя и выдающегося этнографа.

Хадис Тетуев, председатель, заместитель председателя общественного объединения «Ныгъыш»

Не будет преувеличением, если я скажу, что в первой половине 80-х годов XX века в связи с известными событиями у балкарцев почти полностью отсутствовала информация об истории, культуре, обычаях и традициях своего народа. В связи с этим стремление к получению этих знаний, особенно в молодежной среде, было велико. Осознание этого и подтолкнуло меня, выпускника исторического факультета КБГУ, к мысли о создании кружка для изучения и пропаганды нашей истории и культуры.

В ту пору я работал секретарем комитета ВЛКСМ Нальчикского станкостроительного завода и был на общественных началах комиссаром оперативного комсомольского отряда при Ленинском райкоме ВЛКСМ г. Нальчика. Поэтому и первых своих сподвижников я нашел среди его членов в лице Хуламхановой Зурият, Османовой Зурият, Абдуллаевой Марины, Кучменова Бориса. На одной из наших встреч, 6 декабря 1984 года, в штабе оперативного

отряда, который находился в подвальном помещении по ул. Байсултанова, 25, мы приняли решение о создании неформального кружка с названием «Ныгъыш».

Затем последовала встреча со студентами балкарского отделения университета, из числа которых и сформировался основной костяк объединения. Следует отметить, что студенты балкарского отделения середины 80-х годов были первыми во многих наших полезных начинаниях. Способствовал и помогал этому Ахматов Ибрагим Хашимович, заведующий кафедрой балкарского языка и литературы, светлейшей души человек.

Это был период, когда в нас бурлила сила и энергия молодости, обуревало стремление принести пользу своему народу, узнать то, что было ранее закрытым для нас: свою культуру и подлинную историю. Хотели многого и, думается, сделали немало.

Так как целью кружка являлось изучение и пропаганда истории, культуры, традиций и обычаев балкарского народа, мы приступили к подготовке цикла телевизионных передач на местном телевидении с объединяющим названием «Ахшы адет – халкъны бетиди» («Хороший обычай – совесть народа»). Открылся он в июне 1985 года передачей на тему «Фронтовая лирика Кайсына Кулиева и Керима Отарова». Активное участие в осуществлении цикла принимали студенты: Муса Кетенчиев, Анжела Бачиева, Лиза Темукуева, Абидат Биттирова, Мариям Созаева, Сафийат Настаева; из числа работающей молодежи – Марина Абдуллаева, Людмила Биттирова, Бузжигит Аккиев.

К этому же периоду относится и наше близкое знакомство с Мухтаром Чукаевичем Кудаемым, который в это время руководил танцевальным ансамблем «Ай таш» при обувной фабрике. В начале 1985 года мы обратились к нему с просьбой: обучать желающих из числа нашей молодежи балкарским танцам. В числе этой молодежи были Магомед Гамаев, Римма Этчеева, Аслан и Магомед

Аппаевы, Альберт и Артур Аппоевы, Роза и Асият Биттуевы, Людмила и Абидат Биттировы, Анжела Бачиева, Бузжигит Аккиев, Руслан Кудаев, Эльдар Махиев и многие другие. Надо сказать, Кудаев принял и поддержал нас сразу. Человек добрый, открытый, с детской извинительностью в словах, он удивлял нас своим трудолюбием и неутомимостью. Его желание узнать и раскрыть истоки традиционной культуры балкарцев и карачаевцев было искренним и последовательным. Вскоре он возглавил сектор народной хореографии нашего объединения. Помимо балетмейстерской работы он консультировал нас по всем вопросам, касающимся народных традиций и обрядов. Так, в июле 1985 года, при самом деятельном участии Мухтара Кудаева, с привлечением ансамбля «Ай таш», была осуществлена программа «Таулу той» – серьезная телепостановка, скрупулезно воссоздавшая на сцене все детали древнего карачаево-балкарского свадебного обряда. Помимо действия в ней звучали свадебные песни, здравицы, частушки (ийнарла) в прекрасном исполнении Аслана Малкарова и Абидат Атабиевой. Большую помощь в осуществлении этой передачи оказали писатель Алим Теппеев и редактор телевидения Мухтар Боттаев.

В это же время мы организовали и провели в окрестностях селения Ак-суу, в пригороде Нальчика, обрядовый праздник «Голлу», в котором приняли участие Алим Теппеев, композитор Мустафир Жеттеев, певец Исмаил Жанатаев, музыкант Олег Шомахов и, конечно же, Мухтар Кудаев, а также коллективы ансамблей «Ай таш» и объединения «Ныгъыш».

Середина и конец 80-х годов прошлого века ознаменовались большими политическими переменами в целом по всей стране, в том числе в этот период были заложены основы национального возрождения всех народов Великой страны – СССР, в том числе и балкарского. Всплеск национального самосознания вылился в поиск путей на-

ционального возрождения. В этих условиях востребованность «Ныгъыша» многократно возросла. К работе нашего молодежного любительского кружка подключилась прогрессивная часть интеллигенции, рабочих и жителей села, и он перерос в одноименное общественное объединение.

Бурное время, бурные страсти, стремление любой ценой добиться политической реабилитации народа, активный поиск путей возрождения его истории и культуры создавали в среде тех, кто посещал наши собрания, реальные предложения, которые, в свою очередь, находили и реализацию, и воплощение в общественно-полезных делах.

Идея создания профессионального балкарского танцевального коллектива зрела давно и была подхвачена «Ныгъышем». На мой взгляд, ансамбль «Ай таш» можно по праву назвать предтечей ансамбля «Балкария». Многие из его участников стали профессиональными артистами, связали свою судьбу с национальной хореографией. Большинство единомышленников и деятельных помощников Мухтара из числа молодежи прошли школу «Ай таша» и «Ныгъыша» и благодаря ей прониклись уважением и интересом к народной культуре, фольклору, обрядам и традициям.

Объединением «Ныгъыш» были созданы инициативная группа и группа поддержки ансамбля, проведено несколько благотворительных концертов. Первый из них состоялся 24 января 1989 года в музыкальном театре. Участие в нем приняли певцы Аздор Ульбашев, Салих Жанатаев, Зариф Бапинаев, Хабас Бечелов, Магомет Кайтаев, Сафар Узденов Зейтун Геккиев. В этот вечер впервые, гласно, вслух, после сорокапятилетнего вынужденного молчания, со сцены прозвучала песня об изгнании, автором и исполнителем, которой был молодой певец Зейтун Геккиев. На глазах зрителей блестели слезы – это были слезы горечи и печали. Но в этот вечер состоялось и первое вы-

ступление уже сформированного, но еще не принятого и не утвержденного правительством КБАССР фольклорно-этнографического ансамбля. Концертные костюмы для него собирали всем миром. Большую помощь в этом нам оказала методист отдела культуры облсовпрофа Мадина Чипчикова. По ее просьбе костюмы нам одолжили Советский и Чегемский районные Дома культуры, производственное швейное объединение. Благодарности заслуживают и директор музыкального театра Батчаев Борис Камоевич, предоставивший нам в аренду зал, и директор Дома молодежи Борис Паштов, выделивший билеты. Вел вечер актер драмтеатра Зариф Бапинаев. Переполненный зал – народу некуда ступить – бушевал от оваций, и вновь у всех на глазах блестили слезы, но это были слезы восторга. Со словами благодарности от имени зрителей выступили Исхак Суйдумов, Салих Эфендиев, Магомет Мокаев. Поэт Магомет Мокаев, говоря о своем впечатлении от вечера, сказал: «Столько балкарцев вместе я вижу впервые после нашего возвращения на родину». Этот день всенародной радости нам подарил Мухтар Кудаев.

Замечательным событием для всех нас стала победа уже Государственного фольклорно-этнографического ансамбля «Балкария» на фестивале народного танца в Абхазии. Она была впечатляющей – три из четырех наград были вручены нашему ансамблю. Единственным мероприятием в честь такого большого для нашей республики события стал вечер, проведенный объединением 12 ноября 1990 года в курортном зале, названный нами «Миллет культураны жангы бутагы» («Новая ветвь национальной культуры»). Он показал, что народ может и умеет гордиться достижениями своей культуры и искусства. В числе почетных гостей были Исмаил Кайтаев, Шарипа Шунгарова, Миналдан Шаваева, Бахаутдин Этезов, Паго Шаваев, Назифа Холамханова, Махти Джуртубаев, Ибрагим Занкишиев, Хамзат Бачиев. Как отметил ведущий вечера

Зариф Бапинаев, 1990 год выдался для балкарского народа урожайным – присвоение Мухажиру Уммаеву звания Герой Советского Союза, создание Государственного балкарского драматического театра имени К. Кулиева и, наконец, создание Государственного ансамбля «Балкария» и его победа на Первом фестивале народного танца в городе Сухуми. В программе вечера приняли участие такие известные деятели искусства, как Исмаил Жанатаев, Мустафир Жеттеев, Исса Боташев, Магомет Мокаев, Идрис Малкондуев, Салих Жанатаев и неизменный и бескорыстный участник всех наших мероприятий Зариф Бапинаев.

Памятным подарком ансамблю стало национальное платье горянки из золотистой ткани, сшитое мастерицами швейного ателье «Эльбрус», руководимого Лидией Атаевой. Оно было вручено солистке ансамбля Лейле Каравой.

Общественная организация «Ныгъыш» с первых дней своего существования уделяла серьезное внимание не только изучению, но и оказанию содействия в возрождении и развитии различных жанров народного искусства и, прежде всего, танцевального. Но решающим фактором, послужившим основой для воссоздания на сцене карачаево-балкарского танцевального фольклора, является исследовательский, балетмейстерский и организаторский труд Мухтара Кудаяева. Мне хочется пожелать ему, замечательному человеку, энтузиасту, сделавшему так много для сохранения традиционной культуры карачаевцев и балкарцев, оставаться таким же неутомимым и сильным долгие годы, радуя нас тем, что он есть.

3. Зокаев, общественный деятель

Кудаяев Мухтар собрал и возродил карачаево-балкарские фольклорные танцы, подарил им второе рождение, в этом его неопценимая заслуга. Благодаря ему, нынешнее поко-

ление наконец-то узнало, в какую древность уходит корнями народная танцевальная культура.

Наши предки умели и любили танцевать. Но танец для них был не простым времяпровождением, а творческим актом, вдохновенной импровизацией. В редкие минуты отдыха балкарские скотоводы и пахари самозабвенно плясали и становились постановщиками, музыкантами и исполнителями, создателями оригинальных движений, новых рисунков танцев, а изумительные альпийские луга, высоко в небе парящие орлы, гордые туры на скалах – вся прекрасная природа родного края – превращалась для них в необъятный репетиционный зал. Шум бурных рек, грохот водопадов, журчание ручьев сливались в единую мелодию.

Танцы балкарцев были по-настоящему народными: в них все были равны – знатный и простолюдин, родовитый и безродный, богатый и бедный. Танец сопровождал их от рождения до самой смерти, а иногда и после нее. Для того чтобы показать, сколь велико было его значение, приведу несколько примеров из далекой истории и теперешней жизни балкарцев. Так, много лет назад, как рассказывал мой дед по матери, Атабиев Малкар, погибших или умерших холостыми юношей и молодых людей хоронили под обрядовую пляску. Носилки с таким умершим сопровождали его танцующие сверстники. Этот ритуал означал его несостоявшуюся свадьбу.

А вот одна быль, рассказанная мне младшим братом моего деда Зокаевым Кичибатыром, столетним старцем. Случилось это двести, а может быть, и триста лет тому назад. Зокаев Эркан, трехкратный призер соревнований «Голлу», во время очередного набега был схвачен в Грузии. Грузинский князь, владетель той земли, узнав, кто к нему попал, перед тем как судить его, а Эркан, видимо, сильно досадила ему, решил проверить, действительно ли этот молодой человек так удачлив, как приписывает ему молва. Князь устроил состязание. Эркан легко поборол сво-

их соперников. Победил и в толкании ядра, и в поднятии тяжестей. Тогда князь пожелал, чтобы он подтвердил свою славу певца и танцора. Песня князю понравилась. Но после танца старый князь надолго задумался. Все присутствующие притихли – казалось, он замышляет что-то недоброе. Каково же было всеобщее удивление, когда князь изрек: «При тяжелых обстоятельствах, под угрозой смерти, человек способен собрать свои физические и душевные силы и одолеть противников, но заставить себя при этом так самозабвенно петь и танцевать – такой силы на свете нет. Этот юноша должен жить. Отдайте ему коня и отпустите с Богом».

И еще один обычай из балкарской жизни. Помню, лет шестьдесят тому назад мой дедушка поехал в лес за дровами и там сломал себе ребра, да к тому же заболел воспалением легких. По тому, как его навещали, думается, что ему было очень плохо. Но дело в другом. В комнате, где лежал дедушка, каждый день устраивался импровизированный концерт: домашние и посетители пели и плясали, играли на духовых и смычковых инструментах, рассказывали смешные истории. В доме не смолкал веселый смех. Балкарцы считают, что такая обстановка отвлекает от физической боли, а главное – от душевной тоски и, в итоге, помогает скорому выздоровлению. О пользе этого обычая могу сказать следующее: я видел, как дедушка довольно улыбался, особенно когда выходили танцевать его сверстники. Возможно, такой метод и не очень соответствует сегодняшней официальной, научной практике лечения, но по мне, если уж болеть, так лучше в окружении танцующих друзей, чем лежа наедине со своими мрачными мыслями, гадая, поднимусь или нет. Это к вопросу о том месте, которое занимали танцы в жизни карачаево-балкарцев.

Работая в профсоюзных органах, кроме всего прочего, я курировал отрасль культуры, в том числе и развитие

художественной самодеятельности на промышленных предприятиях и в учебных заведениях.

Наверное, многие помнят, как в 70-е годы все праздничные, торжественные вечера завершались выступлениями самодеятельных коллективов медицинского училища, университета и автоуправления, которые не уступали профессиональному государственному ансамблю песни и пляски в художественном мастерстве. Руководили этими самодеятельными коллективами влюбленные в свою профессию, одержимые энтузиасты, абсолютные бессеребренники. Проучившись в школе десять лет, в институте пять, они безропотно соглашались работать за 70 рублей в месяц! Одним из них был и Мухтар Кудаяев.

Чем он запомнился мне? Если его коллеги буквально осаждали нас просьбами решить ту или иную проблему, зачастую личную, то Мухтар показывался редко и никогда ни о чем не просил. Придет, бывало, после неоднократных приглашений и, словно извиняясь, доложит о том, что сделал, какие наметил планы, что покажет в скором времени – своего рода краткий отчет. И ни слова о трудностях и недостатках. Казалось, он был счастлив уже одним тем, что ему позволяют заниматься любимым делом. Задавая наводящие вопросы, мне буквально по крупицам приходилось вытягивать из него информацию о проблемах. Наконец, он признавался, мол, хорошо бы сделать доплату гармонисту, заменить изношенный барабан и купить кое-какие мелочи, но никогда ничего не просил для себя.

Желая подчеркнуть уровень авторитетности того или иного человека, отмечая его профессионализм, иногда говорят: он – Мастер от Бога. По моему глубокому убеждению, такое определение можно дать Кудаяеву Мухтару. Но он не только Мастер, он еще и педагог. Я не знаю другого человека, который был бы способен создать в коллективе

такие трогательно-родительские, но вместе с тем ответственно строгие, доверительные отношения.

Работу свою он совмещал с исследовательской деятельностью и упорно трудился над возрождением того, что когда-то было культурным наследием народа, а в ту пору преступно-равнодушно предавалось забвению. Как-то раз Мухтар показал мне свою рукопись – иллюстрированный сборник балкарских фольклорных танцев. Я был поражен. Сколько надо было вложить труда, для того чтобы собрать такой материал?!

Обидно, что на всем своем долголетнем творческом пути вместо поощрения, благодарности и даже почитания Мухтар всегда получал неприятности. Однажды он включил в репертуар своего самодеятельного художественного коллектива несколько фольклорных танцев. Какую тогда подняли шумиху далекие от искусства отдельные должностные чиновники. Они отказывались понимать и признавать, что балкарцы имеют такую древнюю хореографическую культуру. Мухтару пришлось вынести весь шквал неприятностей, который обрушился на него.

Помню, как-то зашел ко мне Мухтар и, между прочим, сказал, что ему предлагают продать свою фольклорную рукопись за двадцать тысяч рублей, огромную по тем временам сумму, составлявшую стоимость четырех машин. «Ну, а что же ты?» – задал я ему вопрос и тут же пожалел об этом. В его глазах стоял такой укор, такое разочарование – со стыда можно сгореть. Как я мог подумать, что Мухтар Кудает способен продать то, что принадлежит его народу! Даже за очень большие деньги.

Кудает Мухтар малолетним ребенком рос в тяжелейших моральных и материальных условиях. Мальчик-сирота испытал всю горечь и унижения ссылки. И ничего бы странного не было, если бы он вырос мрачным и озлобленным. Получилось совсем наоборот. Всего себя он посвятил самому веселому и живому жанру искусства

– народному танцу. Более того, ценой невероятного, самоотверженного труда, он возродил и как свой личный дар вложил в копилку мировой культуры древнюю и самобытную танцевальную культуру карачаево-балкарского народа. Влюбленный в музыку, великий Мастер танцевального искусства, Мухтар Кудаев стал гордостью своего народа, национальным героем и говорить об этом надо сейчас, вопреки нашей глупой привычке стесняться хвалить в глаза.

Хамзат Бачиев, народный мастер, кузнец

Я не был знаком с Мухтаром, но слышал о нем, как о человеке, обучающем детей народным танцам. В 1989 году ко мне пришли Исмаил Кайтаев и Мухтар Табаксоев, наш поэт. Мухтара я знал хорошо, Исмаил представился. Он был председателем кооператива «Алтын кол», никогда сам не танцевал, но был единомышленником Кудаева и не просто единомышленником, а одним из организаторов ансамбля. Вместе с ним он бился над созданием профессионального ансамбля балкарского народного танца: оплачивал расходы, встречался с людьми, помогал ему во всем. Они стали просить меня изготовить атрибутику к танцам: кинжалы, шлемы, оружие, чаши, обрядовую символику. Я в это время работал в Рембытстрое, получал хорошие деньги, но согласился, не раздумывая, и оставил работу, хотя понимал, что заработать на этом заказе не смогу. Они ничего не скрыли от меня. На этот период в будущем ансамбле было только три пары танцоров. Помещения и костюмов не было, музыкальные инструменты самые захудалые, денег мало... Республиканская власть не оказывала никакой поддержки. Но я почему-то им сразу поверил. Они были полны какой-то радостной уверенности в успехе. И я заразился этим настроением.

При первой встрече Мухтар Кудаев не произвел на меня впечатления. Я даже засомневался, способен ли он завер-

шить начатое. Но когда он выложил передо мной эскизы, описания всего, что я должен был сделать, все сомнения улетучились. Передо мной был не просто энтузиаст, а профессионал самого высокого уровня. Но с предложенным им огромным объемом я один не мог справиться, и Мухтар Табаксоев привел мне напарника – Рашида Курданова. С ним вместе мы и стали работать.

Но я забегаю вперед. Работать было негде. И потому мы обратились к Идрису Таукенову, директору городского парка. Его тоже не пришлось просить дважды. Он тут же выделил нам помещение, а его сотрудники: грузчики, водители, сторожа – с готовностью стали помогать нам обустроиваться. Мы приступили к работе. Вокруг постоянно были люди. Назови их, как хочешь: советчики, ботельщики, помощники...

Внимание людей, которые приходили, а кто только у нас не перебывал, дало нам понять, насколько важно и ответственно то, чем мы занимаемся. Мы работали не покладая рук. Работа была очень трудоемкая. Но в душе был такой подъем, какого мне не довелось никогда больше испытать – вот и у нас есть, что показать миру! Что отличает один народ от другого? Его культура и искусство. Это его лицо. Чтобы уничтожить народ, достаточно уничтожить его культуру и искусство: песни, стихи, танцы, сказки, легенды... В них душа народа. У нас и пытались отнять душу и лишить лица. Почему мы так любим Кайсына? Потому что он всему миру показал, какие мы на самом деле. Это было необходимо, и, прежде всего, нам самим.

Танец это же не только движения – это рассказ людей о себе. Вот мы какие: открытые, ловкие, умелые, смелые, щедрые. А наш народ так долго был лишен возможности порадоваться и погордиться. Казалось, все должны разделить эту нашу радость. Но не тут-то было. Пришел один человек и стал расспрашивать, чем мы заняты, а мы на радостях не поостереглись... Доверчивость – отли-

чительная черта нашего народа. Мы выложили ему все, показали эскизы, заготовки. В углу лежали копыя, щиты, заготовки для шлемов. Напоили его чаем. Он ушел. На следующий день пришли из госпознадзора и запретили нам работать. Самим им было неловко перед нами. Мы собрались уходить. Но они не только закрыли помещение, но не стали отдавать и готовые изделия и заготовки. «Опечатаем вместе с ними» – и все. Спрашиваем: «За что?» – «Так велено». – «Кем?» Не отвечают. Но тут подошли ребята, сотрудники парка. Дело едва не дошло до рукопашной... Они уступили. И мы вместе загрузили все на машину. Куда везти? Не знаем. Но тут Зейтун Зокаев, он в это время был директором турбазы «Нальчик», выручил нас – выделил нам бойлерную. Там было потеплее, и мы стали работать.

Вскоре пришел тот же человек. Суетливый такой. Носил белый войлочный широкополый колпак. По нему его знали все в городе. Ему казалось, что так он станет ближе к образу горского интеллигента-просветителя. Я спрашиваю:

– Зачем пришел?

Он говорит:

– Просто так. Что-то вы запрятались, ребята. Нигде вас не видно. Дай, думаю, посмотрю, чем тут заняты мои друзья.

Мы молчим. Даже сесть не предложили. Он ушел. Как мы и ожидали, тут же к Зейтуну пришли из госпознадзора. Но он не отступился. Предупредил нас, и мы стали работать ночами. Днем уходили, а затемно возвращались. Мне было легче, чем Рашиду. Я соорудил кузню во дворе своего дома и, забирая с собой заготовки, продолжал свою работу в кузне. А Рашиду приходилось трудиться ночью. Он очень упорный парень. К Зейтуну за те шесть месяцев, что мы у него проработали, пришло семь проверок, о которых он нам даже не говорил. Но у человека есть такое свойство:

чем больше на него давишь, тем сильнее он сопротивляется. Так и мы.

В течение года мы изготовили для ансамбля всю атрибутику из железа и дерева. Приносили в санаторий «Терек» к Мухтару, он одобрял, и тогда мы продолжали работу. Мухтар радовался как ребенок, добрел на глазах, когда его замысел осуществлялся и становился злым и нетерпимым, если мы хоть немного отступали от него. Так мы изготовили три комплекта шлемов, копья, пики, пояса. Каждый предмет мы делали на определенного танцора – по его размеру. Шапочки, головные обручи мы мерили на каждую танцовщицу, чтобы они не соскользнули во время танца. Долгие годы артисты «Балкарии» работали нашими кинжалами, потому что мы их сработали на совесть, из трех слоев железа.

Все наши близкие помогали ансамблю, чем могли. Мой отец изготовил деревянную ритуальную чашу, теща дала деньги.

Наши труды сполна окупились в день сдачи программы. Не передать словами радость людей. Наверное, это под силу только поэтам. Мы ходили на каждый концерт ансамбля, хотя в село приходилось возвращаться пешком. Путь был длинный, в несколько километров. Но люди шли, не торопясь, оживленно переговариваясь. Не хотелось расставаться. Все мы были счастливы тогда.

О последующих событиях все знают. В день пятидесятилетия депортации нашего народа артисты ансамбля в национальных костюмах прислуживали за столом, разливали водку. Это было надругательством над памятью тех, кто остался в Азии, и тех, для кого создание ансамбля было делом жизни, а сам он воплощением души народа. И еще я понял одно: того из нас, кто говорит: «Мой народ» – ждет бедность. Исмаил Кайтаев был одним из самых преуспевающих предпринимателей в республике и лишился всего. Зейтун Зокаев остался без работы. У Мухтара Ку-

даева в итоге долгих интриг отняли его ансамбль. Ни для кого не секрет, что после его ухода ансамбль постепенно стал терять свое лицо. В ансамбле оставалось все меньше от той прежней, «мухтаровской» «Балкарии»: исчезли с таким трудом и любовью изготовленные обрядовые атрибуты – флаги, тамги, маски; все большее место в программе стали занимать все те же, неотвратимые «лирические», «девичьи» и «пастушьи» танцы, неуловимо менялись движения. Из ансамбля выхолащивалась душа. Мутай Ульбашев повел его по привычному для него «северокавказскому» пути. Им он шел всю свою долгую творческую жизнь. Бесспорно, что Мутай один из самых талантливых танцовщиков и балетмейстеров Кавказа, с ним связаны успехи и «Кабардинки», и «Балкарии», но разница между ним и Мухтаром для меня в том, что Мухтар собрал и возродил на сцене и в бесчисленных своих учениках танцевальное искусство своего народа. А Мутай, знаток северокавказского сценического танца, его просто не знал. Опасения у меня возникли еще тогда, когда Мухтар пригласил его в ансамбль, после того как тот остался без работы. Я делился ими с Мухтаром, но при его просто нечеловеческой нагрузке ему были нужны помощники.

Мухтару Куддаеву досталась не очень легкая судьба, много испытаний ему пришлось преодолеть, но все они меркнут по сравнению с тем, что произошло. Он оказался вне своего создания, в которое вложил годы жизни, упорного самозабвенного труда. Со стороны приходится ему наблюдать, как медленно, по крупичкам, выхолащивается в танцах и репертуаре «Балкарии» то, что дало ей право носить это имя. Мне это кажется величайшей несправедливостью и даже жестокостью. Мухтар Чукаевич Куддаев подарил всем нам, кто с ним работал, высшую радость на Земле – радость творчества во имя своего народа! Я благодарю его за это и желаю ему долгих лет жизни, здоровья и исполнения всех замыслов.

Борис Нагудов, заслуженный артист КБР (Из статьи А. Саракуевой «Это было наслаждением»)

Когда Мухтар Кудает пригласил меня работать в создаваемый им танцевальный коллектив, я, отработав в «Кабардинке», находился на пенсии. Мне было всего 38 лет. Это было очень тяжелое для меня время, потому что я не находил себе применения. Мухтар Кудает пришел ко мне и сказал: «Вижу, что ты в растерянности. Мы создаем фольклорно-этнографический ансамбль. Иди к нам работать». Я, не раздумывая, согласился. Почему? Потому что хотелось попробовать себя в новом качестве, а главное – у меня появилась возможность вновь заняться любимым делом. К тому же я был знаком с Мухтаром еще со времен его работы в технологическом техникуме, знал его тяготение к фольклору, и мне это нравилось. Мне были близки его утверждения, что танец должен быть читаем, иметь сюжет. Поэтому я не мог отказаться от его предложения.

Нас пригласили в Президиум Верховного Совета республики к Борису Чабдарову. Там обсуждался вопрос о создании нового ансамбля.

Мухтар сказал:

– Наш народ перенес много страданий. В изгнании он потерял не только людей, но и культуру. Ее необходимо возродить. – Потом он повернулся ко мне: – Борис Магомедович, ты сейчас на пенсии. Это дело необходимо не только мне, но и народу. Помоги.

– Я готов и буду работать с удовольствием, – ответил я.

Первыми нашими помощниками были Исмаил Кайтаев и Валерий Боттаев. Исмаил в то время был одним из самых первых бизнесменов на всем Северном Кавказе. Это человек большой культуры и знаний. Он приходил на наши репетиции, радовался нашим успехам. Говорил: «Неужели я увижу «Балкарию» на сцене?». Помимо того, что он содержал нас, но еще и давал ребятам деньги, потому что понимал, что многие из них не имеют жилья в

городе, живут у родственников или у Валерия Боттаева в санатории «Терек».

Труд Валерия в создании ансамбля невозможно переоценить. Он хороший врач, прекрасно танцует, поет. Весь этот период он был нам братом, другом, отцом и матерью. Он не только предоставил нам зал для репетиций, но и заботился о каждом из нас.

Мы старались набирать в ансамбль тех, кто до тех пор не танцевал. Переучивать сложно. Почерк первого балетмейстера остается на танцовщике как штамп. С приходом Алихана Мисакова я работал в основном с девушками, а Алихан с парнями. Алихан – замечательный танцор. Когда он танцевал, сердце замирало в груди, и ты понимал, что именно таким должен быть настоящий танцовщик. И сейчас я вижу в солистах «Балкарии» почерк моего друга. Например, когда на сцене Кудаев Хасан, то трюки похожи на мои, но в постановке головы, движениях рук узнаешь почерк Алихана. Глядя на первых танцоров «Балкарии», я восклицаю: «Алихан! Алихан!»

...Особенность, индивидуальность «Балкарии» была в ее фольклорно-этнографической направленности. Сейчас такого коллектива нет. Он стилизован. Случилось это с приходом Мутая Ульбашева. Нет сомнения в том, что Мутай Исмаилович большой мастер. Этот его талант от Бога. Такие балетмейстеры рождаются один раз в столетие. Более того, все, чего я достиг в этой жизни, свершилось благодаря ему. Пятнадцатилетним мальчиком я пришел в «Кабардинку». Он научил меня танцевать, женил, жена моя тоже танцевала у него. Но если говорить о народных танцах, то знания в этой области у Мухтара глубже. Он автор 12 книг, из них две изданы в Турции. Дорога, выбранная Кудаевым, правильной. Подтверждение тому Гран-при фестиваля в Сухуми. Это дорогая награда, потому что в жюри фестиваля были специалисты высочайшего класса из Москвы, Санкт-Петербурга, Кубани, Си-

бири. Все они единогласно присудили главный приз «Балкарии». Выражая их мнение, председатель жюри Бэбия сказал в своей речи: «Спасибо тебе, Мухтар Чукаевич! Мы все стремимся к тому уровню, которого ты уже достиг. Мы только мечтаем приблизиться к своим корням, фольклору – тебе это уже удалось».

Мухтар Кудает дал вторую жизнь, возродил древние танцы, присущий им реквизит, костюмы, а мы с Мисаковым Алиханом, как репетиторы, отшлифовывали его постановки, давали им сценическую жизнь. У него я научился использовать фольклор на сцене. К сожалению, из танцев первой программы на сцене осталось немного. «Балкария» постепенно потеряла свое индивидуальное, только ей присущее лицо. Директор ансамбля ссылается на то, что с реквизитами тяжело передвигаться на сцене. Но это не так. В ансамбле нет танцоров, не способных поднять жезл или флаг. Просто без реквизита проще. Несколько лет я провел в Турции. Туда меня тоже отправил Мухтар. Я танцевал в государственном ансамбле и ставил кавказские танцы, затем давал уроки в Стамбульской академии танца, обучал турков турецким танцам. Сейчас я работаю в школе, техникуме. Недавно, на встрече с теми, кто стоял у истоков создания ансамбля «Балкария», говорилось о необходимости создания по-настоящему фольклорного ансамбля. Пошел бы я туда? Несомненно.

Муталип Бенпаев, поэт

Для меня Мухтар Кудает – повелитель танца! С юных лет предан он этому удивительному виду искусства и, как языческий бог, уже многие годы повелевает древнейшим миром карачаево-балкарского танца, заставляет всех нас восхищаться его чеканным и молитвенным изяществом. В детские годы, как рассказывает сам маэстро, он видел одни и те же сны: его жесту беспрекословно повиновались все окружающие предметы и живые существа. И де-

ревья, и камни, и кусты, и травы, и животные пускались в пляс по его желанию. В этом мире танцевальных грез Мухтар живет и поныне.

Я знал отца Мухтара с детских лет. Он часто гостил у нас. Мы близкие родственники и это каждый раз при встрече подчеркивал Чукай. Мне доводилось видеть самому, как преображалось лицо пожилого горца, когда разговор шел об успехах его сына.

С Мухтаром Чукаевичем же я познакомился гораздо позднее. Во времена нашего знакомства он часто бывал в Болгарии у своего известного побратима, которого в свое время спас от гибели. Мухтар был, в буквальном смысле этого слова, околдован, зачарован этой балканской страной. Сейчас же знаменитый балетмейстер и несколько месяцев не может прожить без Турции. За этим с интересом и любовью к другим странам и народам стоит открытость миру, умение увлечься, проникнуться культурой другого народа, полюбить этот народ.

Мухтар Кудает открыл глаза в прекрасный мир национального танца многим тысячам людей. Его ученики живут в разных уголках нашей огромной страны. Невозможно переоценить значение его творчества для сохранения и развития нашей национальной культуры, а значит, и всей мировой культуры, маленькой, но яркой и неповторимой частью которой она является. Подтверждением моим словам служит вручение Мухтару Чукаевичу Кудаету первой золотой медали имени Ататюрка в Анкаре. Он получил эту награду за большой личный вклад в международное фестивальное движение тюркоязычных народов. И это, думается, символично. Сегодня его танцы исполняют в Киргизии, Казахстане, Румынии. Благодаря ему, на берегах Дуная звучат карачаево-балкарские танцевальные мелодии.

Помимо таланта в Мухтаре есть еще одно ценное качество – он умеет дружить, и друзей у него много. Он об-

ладает удивительным даром зажигать нас своими идеями, несмотря на то, что порой они кажутся утопическими, подтолкнуть на участие, казалось бы, в заведомо неисполнимых действиях. И вот в последние два десятилетия мы оказались свидетелями воплощения в жизнь всех его идей.

Я желаю тебе, мой друг и брат, здоровья, неиссякаемых творческих сил и личного счастья.

Альберт Анпоев, музыкант

С Мухтаром Кудаяевым судьба свела меня, когда я учился в первом классе – я занимался танцами под его руководством. Он создал такую атмосферу в коллективе, что мы, дети, очень тянулись к нему, с нетерпением ждали дня репетиций. Позднее, в период создания ансамбля «Балкария», я работал с ним уже в качестве гармониста. С тех пор прошло много лет, и годы нас разлучили. Сегодня, к сожалению, многие недооценивают тот огромный труд, который Мухтар вложил в создание ансамбля «Балкария». Мы, его ученики, старались помогать ему, чем могли. Ведь мы были первыми. До нас у нашего народа не было профессионального коллектива.

Мухтар Кудаяев в Болгарии

Благодаря Мухтару я состоялся как музыкант. Он научил меня бережно относиться к народной музыке как к бесценному национальному достоянию. Чтобы собрать те народные мелодии, которых не было в архивах радио или исследовательском институте, нам приходилось выезжать в дальние балкарские и карачаевские села. Там мы записывали напетую стариками мелодию, обрабатывали ее. Теперь эти мелодии возвращены нашему народу. Они звучат со сцены, под них танцуют, они доносятся из окон домов и машин. Что может быть большей наградой для нас?!

Меня всегда поражала его энергия, темперамент, внимательный подход к людям, стремление никого не обидеть. По сей день, работая с другими руководителями, я не знаю и не назову никого, кроме Мухтара, кто бы так упорно, не ленясь, зачастую не досыпая, без отдыха, отдавал всего себя обучению детей искусству танца. Многие поколения прошли через него.

Хотя сегодня мы с Мухтаром и не работаем в «Балкарии», я думаю, ни один человек не может упрекнуть нас в том, что мы не все силы приложили к тому, чтобы вернуть народу утерянные танцы и мелодии. А наша работа с детьми не менее важна. Из них мы готовим будущие кадры для «Балкарии».

Сегодня мой наставник, коллега, друг – заслуженный деятель искусств КБР Мухтар Кудаяев жив, здоров и, несмотря на свой не очень молодой возраст, продолжает трудиться. Как и прежде, с нетерпением ждут его приезда на репетиции дети из дальних балкарских горных селений.

У любого народа таких людей. как Мухтар Кудаяев, не много и их надо беречь и уважать. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить его за труд, терпение и профессионализм, которые он вложил в нас. Пусть талант твой никогда не иссякнет, Мухтар! Здоровья, здоровья и еще раз здоровья на благо нашего народа!

Абдуллах Бегиев, поэт

Ансамбль «Балкария» – самая светлая, радостная песня нашего народа. Главная песня. И хотя поют ее другие, но слова и музыка написаны Мухтаром Кудаяевым.

М. Кудаяев с участниками детского ансамбля школы с. Хасанья

Хусей Хубиев, директор Карачаево-Черкесского государственного ансамбля «Эльбрус»

Что такое народный танец для меня? У меня он в генах. Мой отец танцы любил до самозабвения. Мне кажется, и меня он любил по-особому, потому что я был в него. У нас часто собирались его друзья, обедали, беседовали и танцевали. Со второго класса я им играл на барабане, а когда подрос, пошел в Дом пионеров, где моим первым учителем танцев стал Салих Эльмурзаевич Кочкаров, человек известный в Карачае всем, как-либо связанным

с народной хореографией. Мне хотелось бы рассказать об одном эпизоде из его жизни, потому что он, на мой взгляд, очень ярко демонстрирует то, какое огромное, важное место занимает танец в жизни нашего народа. Рассказывают, что в Средней Азии Кочкаров хотел принять участие в фестивале самодеятельного творчества, но ему отказали, так как в программе смотра отсутствовали карачаево-балкарские танцы. Тогда он прямо перед клубом сбросил туфли и, как был в носках, без ноговиц, принялся плясать для пришедших на концерт зрителей. По его словам, он танцевал так, как никогда не танцевал ни до, ни после. На пальцах, по острому гравию пять раз в танце обошел, нет, облетел клуб, ног не чувствовал, но скорее упал бы бездыханным, чем остановился. Ноги его были разбиты в кровь. И только когда все стали кричать: «Хватит, хватит. Остановись!» – остановился. После этого строгие организаторы смотра разрешили ему представить карачаево-балкарский танец на концерте. Он стал лауреатом фестиваля. Так в борьбе, вопреки запретам, приходилось спецпереселенцам доказывать право существования своей культуры. И такая любовь и приверженность к покинутой родине конечно же потрясала людей и находила в них отклик: ему разрешили не только танцевать, но и заниматься нашими танцами с детьми. Память о Салихе Эльмурзаевиче живет в его учениках, а нас великое множество в Карачае.

Проучившись у него, я перешел в районный ансамбль «Минги-тау». Но дома мне запретили танцевать. Мать и старший брат Алий хотели, чтобы я после окончания школы продолжил учебу в вузе, а я уже жил танцем. Обратной дороги для меня не было. Конфликт разрастался... Но тут, неожиданно для всех, отец встал на мою сторону. «Относитесь к нему как к неизлечимо больному», – сказал он. Он меня понимал, потому что сам был болен той же болезнью. Видимо, она наследственная. У меня старший

сын и дочь далеки от танцев, а младший, можно сказать, в люльке стал танцевать: руками делает танцевальные движения, отбивает ритм. Явно и в его кровь проникла наша с отцом болезнь.

После окончания школы меня пригласили в государственный ансамбль. С тех пор уже более 30 лет вся моя жизнь связана с народным танцем. Уже более 10 лет я возглавляю государственный ансамбль Карачаево-Черкесии.

Некоторые так считают: пляшут, удовольствие получают, а им еще и деньги плати. А танцы это не только счастье, радость, это – адский труд. Но я не жалею о своем выборе. Ансамбль – это мой дом, мое настроение, моя жизнь. Пройдусь по чистым кабинетам, давление поднимется, а в репетиционном зале в грохоте барабанов, в пыли и поту сразу нормализуется.

Мое отношение к Мухтару Кудаяеву и его творчеству? Мухтар показал всем балетмейстерам необходимость возврата к истокам народной хореографии. То, что он делает в танцевальном искусстве, это тот идеал, вершина, к которой должны стремиться хореографы. Другое дело, что это требует кропотливого труда, а далеко не все на него способны.

Для всех нас, балетмейстеров, серьезным уроком было участие в Сухумском фестивале. Все мы думали, что «Шлем» заберет знаменитый осетинский «Алан» или мы, хотя в то время тоже были очень молоды, всего на несколько месяцев старше «Балкарии». В ту пору мы не знали, что в составе жюри были ученые-историки, этнографы. Осетины оттанцевали «Симд», мы «Абезех». Что там скрывать, постановка танцев была похожа. После нашего выступления Мухтар меня поздравил. У него и в мыслях не было, что может победить он. И вдруг поднимается председатель жюри и объявляет победителем «Балкарию»! Несмотря на то что Мухтар создал новый коллектив, совершил титанический труд, возродил для сцены старые народные танцы, на обласканного, уверенного в себе человека похож

не был, не привык к похвале. По нему было видно, как сильно он потрясен. Весь его коллектив плакал. Для всех это было полной неожиданностью. Мы крепко отметили победу. Нашу радость искренно разделили и абхазы, и ингуши, и чеченцы. Все специалисты понимали, какой огромный, напряженный, можно сказать, героический труд стоял за этой победой. То, что произошло позднее, еще раз доказывает благородство Мухтара. Когда в ансамбле проявилось недовольство, он не стал дробить коллектив, стравливать молодежь, хотя у него было достаточно сторонников. Так делали многие до него в аналогичных обстоятельствах. Он просто отошел в сторону. Сказать «ушел» язык не поворачивается. Все, что он сделал за всю свою жизнь, осталось там.

Халимат Карчаева, директор Верхнебалкарской школы

Мухтара Кудаяева я знаю с 1986 года. В ту пору я работала председателем исполкома Верхнебалкарского сельского совета народных депутатов. Культурно-спортивный комплекс нашего села считался одним из лучших в республике: при нем были организованы различные кружки; но неважно обстояли дела с обучением детей и молодежи народным танцам, хотя желающих было много. Чтобы улучшить работу Дома культуры в этом направлении, я пригласила Кудаяева. И не ошиблась. Несмотря на то что ему приходилось приезжать из Нальчика, он принялся за работу со свойственной ему энергией. С его приходом была открыта детская танцевальная студия и организован ансамбль народного танца. В студии обучалось 200 детей, в ансамбле – в свободное от работы время – занимались 150 взрослых парней и девушек. Благодаря ему, мы стали одним из самых «танцующих» сел в республике.

В 2001 году я ввела в учебный план уроки ритмики и пригласила их вести Мухтара Кудаяева. С тех пор он проводит их один раз в неделю, и дети, начиная с подготови-

тельного класса, постигают азы древних танцев балкарского народа. Помимо уроков он организовал и работает с тремя разновозрастными ансамблями, в том числе и учительским.

Мухтар Чукаевич – специалист не только в области народной хореографии. Он имеет серьезные и глубокие знания обо всех составляющих духовной культуры балкарского народа.

В 1986 году мне пришлось возглавить делегацию молодежи из Верхней Балкарии, выехавшую на фольклорный фестиваль, который проводился в Болгарии. Было нас 50 человек. Наши выступления проходили на лучших сценах Софии, Великотырнова, Кырджали, Пловдива. Не передать словами, с каким восхищением принимали зрители танцы, поставленные М. Кудаемым. С 2002 года наш ансамбль ежегодно участвует в международных фольклорных фестивалях и знакомит с уникальными балкарскими танцами представителей других наций и народов. И везде они сопровождаются таким же восторженным приемом. Эти поездки помогли мне понять, что в нашей культуре есть уникальное явление – Мухтар Кудаем. Если в начале нашей совместной деятельности я воспринимала его как педагога, учителя танцев, то со временем осознала, что он – профессионал высочайшего класса, обладающий непререкаемым авторитетом среди специалистов мирового уровня в области народного танца. Бывая на фестивалях за рубежом, я вижу, как востребовано то, чему он посвятил всю свою энергию, знания и опыт.

Редко можно встретить человека, который бы так неутомимо трудился, отдавая всего себя любимой работе. И отраднo, что у такого большого Мастера есть желание работать с детьми, потому что любовь к своим корням, истокам, культуре надо прививать человеку с детства. А кто это может сделать лучше, чем Мухтар Чукаевич?

Далхат Айбазов, балетмейстер, художественный руководитель ансамбля народного танца «Минги-Тау» Мало-карачаевского района КЧР

Вся моя жизнь связана с коллективом, которым теперь руковожу. Пришел в танец, когда мне было 15 лет. Учил меня знаменитый Салих Кочкаров. Путь мой был обычным, традиционным: Дом пионеров, затем – ансамбль, потом – армия, и вновь – ансамбль. Женился в ансамбле, теперь сын в нем танцует.

С Мухтаром Чукаевичем Кудаяевым знаком с первого концерта «Балкарии» на нашем районном стадионе. Это был 1991 год. После выхода Указа о реабилитации карачаево-балкарского народа началось оживление в культуре, люди воспрянули духом. В тот день я был потрясен всем, что происходило на сцене. Все было необычно и красиво: танцы, вокал, костюмы. Я принял увиденное всем сердцем и решил пригласить постановщика в свой коллектив. Им оказался Мухтар Кудаяев. С тех пор продолжается наше сотрудничество и наша дружба.

До встречи с Мухтаром я не знал, что наш фольклор так богат. И костюмы, и движения, и орнамент, и музыка отличаются от всех. В 1996 году поставил нам «Стым той». Когда я первый раз показал этот танец, он сопровождался несмолкаемыми аплодисментами и по сегодняшний день зритель неизменно реагирует на него так же. В Турции он вызывал восторг как зрителей, так и специалистов. Нас снимало центральное телевидение Турции. Хореографы и этнографы, историки были настолько заинтересованы увиденным, что требовали от меня подробных пояснений по обрядовой стороне и атрибутике танца. Затем последовал «Озай»...

Сегодня в программе нашего ансамбля 8 танцев, поставленных Мухтаром. Если мы где-либо на конкурсе показываем их, победа нам обеспечена. На традиционном

республиканском фестивале «На балу Терпсихоры» ежегодно получаем первое место благодаря его постановкам. Признание его танцы получают не только у кавказских хореографов. На Рождественских встречах в Сочи мы показали «Озай», «Стым-той», «Сандырак», «Хычауман». Наша программа вызвала огромный интерес у членов жюри, а в его составе профессионалы высокого класса, профессора хореографии, этнографы. После просмотра сочинское и краснодарское телевидение пригласили нас в большой передаче рассказать о карачаево-балкарских танцах, уделив особое внимание их специфике.

Но ни один из коллективов в республике не исполняет танцы из нашего репертуара – «мухтаровские» танцы. Почему? Уже свыше 80 лет на Северном Кавказе танцуют одни и те же или разные вариации одних и тех же танцев. Я сам их танцевал. За это время они отшлифованы до автоматизма. Одни движения, одни ритмы. Непохожесть, оригинальность постановок Мухтара шокирует. К тому же в них иногда проскальзывает неуклюжесть, эпизод не складывается, потому что нужны годы, чтобы танец принял завершённую форму. Балетмейстеров это отпугивает. Но я знаю твердо – это трудный путь, но сворачивать с него нельзя. Народ эти танцы уже исполняет в быту, он тоже поможет отшлифовать их. Казаки 70 лет работали над сценической обработкой своих танцев и песен, в результате сегодня Кубанский казачий хор на почти недостигаемой творческой высоте.

Все наши народные танцы шли под вокал, сопровождали богатейший обряд, несли и несут огромную смысловую нагрузку. Работа над их возрождением и развитием – тяжёлый труд, но одновременно увлекательный и благодарный. Один раз ступившему на этот путь уже не свернуть с него.

Однажды я работал на концерте с Кубанским академическим хором. После его окончания за кулисы ко мне пришел его руководитель, профессор хореографии, зна-

менитый Захарченко, и спросил: «Кто создал эту красоту? Почему не объявляете постановщика?». Мне было стыдно. С этого дня на наших концертах неизменно звучит: «Постановщик танца заслуженный деятель культуры КБР Мухтар Кудаев». А в «Балкарии» его имя почему-то не объявляется и по сей день. Но, как бы ни сложилась его личная судьба, танцы Кудаева уже вошли в золотой фонд карачаево-балкарского и российского народного искусства навсегда.

Юрслан Болатов, поэт, продюсер фольклорных коллективов – участников международных фестивалей

Трудно выразить словами то, что я чувствую, находясь среди зрителей или за кулисами в дни международных фольклорных фестивалей, в подготовке и проведении которых принимаю участие в последние годы. Радуюсь, видя, что на нашей планете жива Культура и в душах людей, в особенности в юных душах, существует стремление к Братству всех народов.

Сегодня, в начале нового века и нового тысячелетия, продолжается начавшаяся много лет назад многогранная деятельность сына Балкарии Мухтара Кудаева.

Вместе со своим народом, который в конце Великой Отечественной войны был предан своим государством и депортирован с родной земли, Мухтар ребенком оказался в Центральной Азии. Одним из самых ярких воспоминаний о пребывании в Кыргызстане для него является посещение студии индийских танцев. Там же впервые заметили его талант.

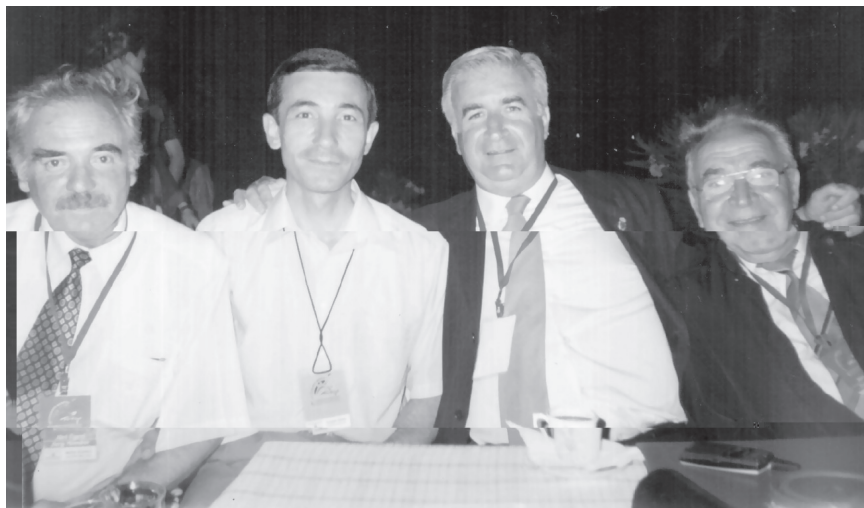
Он хотел вернуться на Кавказ – и потому, что это была его родная земля, и потому, что чувствовал: здесь его ожидает уникальная возможность для приложения своих сил и способностей на почве родной кавказской хореографии. Прибыв в Кабардино-Балкарию, он включился в творческий процесс. В советские годы успешно прово-

дил зарубежные поездки любительских ансамблей своей республики. За четверть века ему доверили осуществить 29 поездок, во время которых он посетил с выступлениями Толедо, Мадрид, Лиссабон, Париж, Берлин, Дрезден, Мюнхен, Франкфурт-на-Майне, Лейпциг, Амстердам, Гаагу, Брюссель, Льеж, Лондон, Дублин, Стокгольм, Осло, Хельсинки, Копенгаген, Варшаву, Краков, Брно, Братиславу, Будапешт, Бухарест, Софию, Пловдив, Албену, Варну, Вену, Зальцбург, Рим, Мехико, Гавану, Анкару, Дели, Бомбей (Мумбаи), Каир, Александрию, Дамаск.

Одновременно Мухтар вел активную исследовательскую работу. Воссоздавал древние карачаево-балкарские танцы, раскрывал их содержание, объяснял смысл каждого движения. Все это публиковалось.

После расставания с созданным им Государственным фольклорно-этнографическим ансамблем «Балкария» Мухтар проводит более интенсивную работу по приобщению юного поколения к национальному фольклорно-хореографическому искусству. В последнее десятилетие постоянно бывает на международных фольклорных фестивалях в географически и этнически близкой Турции. Посещал Стамбул, Анкару, Силифке, Урфу, Конью, Афьен, Эскишехир, Ялову, Адану, Бурсу, Орхангази, Сындыргы, стамбульский остров Бююк Ада. Выступал перед карачаево-балкарской диаспорой на фестивале «Нарт кюнле», а также в селе Башююк под Коньей. Он участвует в ежегодном детском фольклорном фестивале в Стамбуле, демонстрирует танцы тюркских народов Северного Кавказа. Был членом международного жюри на весьма представительном конкурсном стамбульском фестивале «Бююкчекмедже». На международных фестивалях Кудаяев делится своими бесценными знаниями, опытом с представителями многих народов. Старейшиной тюркского фольклора называют его специалисты за рубежом.

Члены международного жюри (слева направо): Мухтар Кудиев, переводчик Юруслан Болатов (Россия), Рафаэль Ромеро Карденас (Испания), Тодор Жидчев (Болгария)

Памятны его интервью международному телевидению «Евразия»; передовая статья в «Журнале тюркской истории и культуры», посвященная юбилею М. Кудиева; публикация о нем, занявшая целую полосу в газете «Курултай»; кадры турецкой версии CNN, показавшие его собственную танцевальную импровизацию во время презентации «Антологии балкарской поэзии» в Стамбуле. Кстати сказать, когда Мухтар танцует, зрители не могут оставаться в своих креслах, какая-то сила поднимает их, и они смотрят и аплодируют стоя. Не раз я был свидетелем этих движений, подобных молнии, этого выражения поистине огненного темперамента.

Хореограф, фольклорист Мухтар Кудиев является одной из самых ярких фигур в истории карачаево-балкарского искусства. Он возродил множество древнейших произве-

дений народного танца и объяснил в них смысл каждого движения. Эти священные творения нашей культуры имели присущее им музыкальное оформление и вместе с музыкантом Альбертом Аппоевым, другими сотрудниками он вернул к новой жизни и эти мелодии.

Возрождение балкарского народа на своей земле после насильственного выселения было бы неполным, если бы в результате сложной борьбы за свои права наш народ не обрел «Балкарию» – свой государственный фольклорно-этнографический ансамбль танца, детище Мухтара Кудаева, его пламенного энтузиазма и божественного дара.

В наши дни, в это, может быть, самое трудное время в истории человечества, он приобщает к искусству, культурной жизни десятки, сотни человеческих душ, которые в итоге получают импульс к соответственному продолжению жизненного пути. Я желаю ему здравствовать и продолжать свое служение так долго, как это только возможно!

Алий Хубиев, заведующий отделом культуры Малокарачаевского района КЧР

Я не специалист по хореографии, но у меня хватает знаний и образования для того, чтобы понять, что все то время, когда мы в годы советской власти формировали новую социальную общность под названием советский народ, мы соответственно формировали и такое понятие, как «советская культура». В результате этих усилий образовалась и своеобразная северокавказская культура. Она была идеологически подготовлена и исполняла объединяющую роль. Трудрами приезжих балетмейстеров сложился тип северокавказского ансамбля. Они были подобны друг другу и отличались только техникой исполнения: кто лучше танцевал, был красивее одет, тот и выглядел лучше. Большой разницы между осетинским «Аланом», кабардино-балкарской «Кабардинкой», карачаево-черкесским «Эльбрусом» и, допустим, адыгейским «Нальмасом»

не было. Это продолжалось довольно долго. Несмотря на сходство, для российского зрителя они были интересны своей зрелищностью.

И вот на волне демократических преобразований в конце 90-х появился Мухтар Кудаяев. Я думаю, что в одном этом человеке проявилось самосознание нашего народа. Он доказал, что у нас есть своя национальная хореография и, более того, заставил задуматься многих других о путях развития танцевального искусства своего народа. Его сейчас не оценивают должным образом, но пройдут годы и он, как Кайсын в поэзии или Омар в песне, займет подобающее ему место в нашей культуре. Через 10 лет все коллективы будут исполнять его танцы.

Первое выступление ансамбля я видел в Нальчике. Начиналось оно с танца «Озай». Это было потрясающе. Я пригласил ансамбль к нам, в район, но боялся, что зритель его не поймет и не примет – настолько все, что происходило на сцене, было необычно. Но затем решил, что если **это** настоящее, народное, то зритель примет, почувствует это сердцем, как почувствовал я, если нет – пропустит мимо себя. Зазвучала музыка. Первый танец. Стадион замер, как казалось, в равнодушном молчании. А затем грянули аплодисменты, не смолкавшие до конца программы.

Как и многие, я думал, что танцы «Балкарии» – постановка Мутая Исмаиловича Ульбашева, он уже долгие годы был на слуху, как руководитель «Кабардинки», был недостижимым авторитетом в мире кавказской хореографии – о Мухтаре же мы не слышали. Поэтому открытие было двойное: и танцы, и сам Мухтар. Чем ближе я узнавал его, тем больше понимал, что это не интуитивные постановки, не предмет творческой фантазии, а научные изыскания. Я считаю, что Мухтар Чукаевич является той нитью, которая связывает карачаево-балкарский народ с древней историей, с нашими предками. Это не толь-

ко хореограф, не только балетмейстер, это ученый. Ученый серьезный. Думаю, что здесь, на Кавказе, его можно сравнить только с Захарченко, руководителем Кубанского казачьего хора.

Искренне жаль, что его детище «Балкария» меняет программу, пытается вернуться на старый путь, потому что он легче и привычнее. Мы же, в свою очередь, считаем своим долгом сохранить наши древние танцы в постановке Кудаева. Сейчас в репертуаре одного из наших районных коллективов восемь его танцев. Молодежь уже танцует их в быту, музыка в обиходе. Обидно то, что в Балкарии, узнав его, стали забывать, а в Карачае еще только узнают. Я желаю ему долголетия. Так уж сложилось, что балетмейстеры отличаются долголетием. Долгой и творческой жизни тебе, Мухтар Чукаевич! Твои танцы будут жить и передаваться из поколения в поколение как бесценное достояние нашего народа.

Ирина Чумак, директор ДК п. Эльбрус

Вот уже более 6 лет в Доме культуры пос. Эльбрус работает коллектив народного танца под руководством М.Ч. Кудаева, заслуженного деятеля искусств КБР. Однажды по воле судьбы счастливый случай, а сейчас я это могу утверждать с уверенностью, свел меня с Мухтаром, и я пригласила его на работу. И до него в Доме культуры был коллектив национального танца, но работали с детьми случайные люди, не сумевшие привить им любовь и интерес к хореографии. С приходом такого Мастера своего дела, как Мухтар, атмосфера в коллективе изменилась, хотя в его составе были дети, которых, казалось, невозможно было обучить танцу. Но вначале мало кто верил в успех. А когда Мухтар первый раз завел разговор об участии в Международном фольклорном фестивале, это восприняли как нечто фантастическое. Но всего лишь через полгода его работы в ДК сказка превратилась в быль.

Поездка 8 человек из нашего коллектива на первый фестиваль в Турцию стала грандиозным событием не только для детей и родителей, но и для всех жителей нашего поселка. По возвращении их встречали как героев. А потом вновь последовали повседневные рабочие будни и, как и перед первым фестивалем, так и перед четырьмя последующими, работа в бешеном темпе с утра до позднего вечера. Порой кажется, что Мухтар Чукаевич выкован из железа. Не перестаю удивляться, откуда он черпает силы для творчества. Возможно, в бескорыстной и преданной любви к танцевальному искусству, ведь балкарский народный танец – это его жизнь, в полном смысле этого слова.

Благодаря неустанному труду М. Ч. Кудаева коллектив народного танца нашего поселка стал одним из лучших в районе. В прошлом году двое из его участников – Журтубаев Назир и Василенко Аслан, стали лауреатами Международного фестиваля стран Европы и Азии. Мухтар не жалеет ни сил, ни времени, передавая весь свой богатейший опыт молодежи, а у него есть чему поучиться – потрясающей работоспособности, умению сплотить вокруг себя единомышленников, безраздельно отдаваться любимому делу... Низкий ему поклон и долгих лет жизни!

Алим Тепнеев, писатель

Мухтар Кудаев – человек очень трудной судьбы. В детстве он в полной мере испытал сиротскую долю, полную бесприютности, голода и безысходности. Тот, кому знакомы такие лишения, не может не удивляться, не восхищаться тем, что человек, неся в душе такие раны, может оказаться в стихии самого веселого, подвижного и жизнерадостного вида искусства – национального танца! Что оказаться в стихии? Явиться его воплощением, его выражением и его носителем.

Мухтар Кудаев, оторванный от родных корней в самом раннем детстве, выросший на чужбине в безнадежном отрыве от родного слова, от родных мелодий и от радос-

тных ощущений, смог это! Смог преодолеть гнет ранних лишений и ранних обид и пришел к нам, к нашему времени в образе, в котором воплотилось историческое лицо народа, его неподдающаяся никаким невзгодам жизнелюбивая душа.

Даже сейчас, когда Мухтар прожил годы и позволил себе набрать не свойственный и не положенный танцору вес, он танцует так, словно вот-вот оторвется от земли и полетит. Танцует страстно, так, словно хочет отомстить тем, кто лишил его детства, кто хотел отнять танцы у его народа. И я всегда горжусь, видя в нем эту страсть и эту месть.

Впервые я увидел его совсем мальчиком, вернее, не его, а старую женщину, идущую по безлюдной и безмолвной улице нашего аила, и босоногого мальчика, нехотя шагающего за нею. Старая женщина и мальчик шли куда-то, может быть, в поисках приюта и хлеба, а может быть, искали своих потерявшихся сородичей, будто в них было их спасение. До того были они отрешенные и опаленные солнцем – позови их кто-нибудь, они все равно не оглянулись бы, не смогли бы оглянуться. Я смотрел вслед им, облокотившись о могучую иву у ворот дома, приютившего нас киргиза. Я видел, как потрескались пятки мальчика, как он шел, упорно не оглядываясь по сторонам. Такое было впечатление, что по пыльной улице аила шли вовсе не женщина с мальчиком, а знойное марево толкало вперед оборванные и растрепанные ветром почерневшие кусты перекасти-поле, и будет оно толкать их до тех пор, пока не появится в степи обрыв и они не упадут туда...

Я, может быть, и не запомнил бы это скорбное шествие – мало ли бродило в ту пору бездомных, ссыльных людей по пустынным дорогам Киргизии. Да, не запомнил бы, если бы другая женщина, такая же старая и безмолвная, не узнала их и по ее изможденному лицу не потекли бы слезы. Но прежде чем сказать о них слово, моя бабушка позвала меня и протянула ячмень, обернутый в тряпицу:

– Догони, отдай им.

Неся горсть ячменя незнакомым путникам, я сердился на бабушку, потому что мы сами были голодны. Но, с другой стороны, мне было любопытно увидеть мальчика, своего ровесника, вблизи и одарить его чем-нибудь. Но, догнав их, горсть ячменя, завернутого в тряпицу, я отдал не ему, а старой женщине. Она посмотрела на меня то ли удивленно, то ли недоверчиво, но подношение взяла и ничего не сказала, точно не было сил говорить. Страшно худой, еле стоявший на ногах мальчик на мое приветствие даже не отреагировал.

Когда я вернулся, бабушка, как бы удивляясь, сказала:

– Как она играла на гармошке, и как ее сын Чукай танцевал...

И я представил танцующего парня и женщину, играющую на гармошке. Заливается гармошка, блестят любовью глаза женщины, а он, ее сын, ловкий и сильный, кружится в танце.

Пройдут годы, и я увижу Мухтара снова: успешного, веселого...

Не помню, то ли это был выпускной вечер, то ли другой какой-то праздник, но из всего грандиозного торжества запомнилось лишь то, что являло собою искусство танца в исполнении Мухтара Кудаева.

Высокий, стройный, с рыжеватыми, крепкими усами, могучим взмахом рук отменяя музыку, он танцевал, а перед моими глазами вставала беспринютная картина нашего детства... Да, он танцевал так, словно стремился воплотить в танце всю высоту, благородство и сдерживаемую страсть кавказского характера. Но перед моим взором в который уже раз встанет тот сказочный танцор из моего детства, и та женщина, молодая и красивая, будет играть на гармошке...

Уже более сорока лет мы с Мухтаром Кудаевым дружим.

Я очень ценю своего друга как самородка, как человека не то чтобы преданного искусству танца, а рожденного для этого чуда. Мухтар Кудает никогда не учился танцевать, нигде, ни в каком прославленном институте хореографии не занимался – ни возможности, ни средств, ни времени для этого у него не было, однако же стал не только первоклассным танцором, но и первым собирателем и исследователем танцевальной культуры своего народа.

...И вот гордость всех балкарцев и карачаевцев – фольклорно-этнографический ансамбль «Балкария»! Ныне многие так называемые патриоты расталкивая друг друга, пытаются осветить свое лицо светом рождения этого коллектива, а топор, построивший дом, остается на улице. И топор этот – Мухтар Кудает. Созданию государственного балкарского танцевального ансамбля предшествовала его по-настоящему подвижническая работа. Повторюсь, что это он систематизировал, а главное – описал все ныне исполняемые «Балкарией», и не только «Балкарией», танцы. Какая могла быть речь о создании самобытного национального этнографического ансамбля без той базы танцевальной культуры, которая была заложена Мухтаром Кудаетым к началу 90-х годов? Благодаря ему в круг духовной культуры Кабардино-Балкарии вошли танцы, в которых яркими отметинами проявляются исторические пути балкарского народа. Эти танцы признали и далеко за пределами республики. Именно они сделали возможным создание государственного ансамбля.

Я никогда не замечал, чтобы Мухтар Кудает стремился к роскоши – построить большой дом, сшить себе разные и хорошие костюмы, ездить на дорогих иномарках. Зато был свидетелем того, как он «катался» на рейсовых автобусах по горным и низинным дорогам, чтобы приобщать детей из сельских школ к чуду танца. Таким, до само-

отверженности влюбленным в танцы своего народа, он остается и по сей день.

Я никогда не слышал от Мухтара Кудаяева сладких и клятвенных слов о любви к своему родному языку, к своему народу. Однако сколько он сделал для создания национальной хореографии, скольких мальчишек и девочек он научил расправлять крылья и держать осанку! И в скольких географических широтах заставил рукоплескать таланту и жизнестойкости балкарского народа!

Если среди нас, шестидесятников, следует кого-либо назвать истинным патриотом своего народа, то в первом ряду будет стоять Мухтар Кудаяев – деятельный и скромный, добрый и честный, трудолюбивый и неизменно доброжелательный, мой земляк и современник. Такой патриотизм заслуживает преклонения. И я преклоняюсь перед ним.

Борис Чипчиков, писатель

Из той на свадьбу, со свадьбы на той – в поисках утраченной радости. Хождение между горскими саклями в поисках будущей радости. Мухтар Кудаяев – профессия хореограф. Мухтар Кудаяев – профессия рудокоп. Нет более тяжкого пути – продраться сквозь зависть, нищету и враждебность и, расчистив всю эту шелуху, ахнуть при виде чистой радости.

Танец – это и прошлое, и сегодняшнее, и будущее, это всегда – над, над бытом и бытием. Танец – это невмещаемость в слово, невмещаемость в груди. Если и есть на этом свете победители, то это танцующие люди. Ибо сдавшийся не танцует, а танцующий не сдается.

Глядя на танец, уйдя в танец, мы не лезем в карман в поисках, может и несуществующих, денег, забываем о доме, где нет порой и хлеба, в танце мы все равны.

Мухтар Кудаев – дарующий радость. У нас будут, обязательно будут Нобелевские лауреаты, ибо мы выстрадали свой путь в Скандинавию, и один из лауреатов вместо нобелевской речи станцует танец Мухтара Кудаева, и все поймут, как надо жить.

ИМЯ В ИСТОРИИ

Мухтар Чукаевич Кудаев – это человек, вернувший нашему народу утерянный танец. Его творческий и человеческий подвиг сопоставим с подвигом Прометея или Сосрука. Они подарили людям огонь – символ жизни, он подарил балкарскому народу радость возвращения. Под силу ли обычному человеку одарить радостью целый народ? Мухтару оказалось под силу.

Томас Манн, говоря о Бетховене, дал замечательное определение героизму: «Таких людей, как Геракл или Зигфрид, я считаю популярными фигурами, но не героями. Героизм, на мой взгляд, это «вопреки», это преодоленная слабость. Не силач – но нашедший в себе силы; не герой – но сотворивший в себе героя». Мухтар сотворил в себе героя. Долгие годы он трудился вопреки всему. Как часто, наверное, возникало у него искушение быть как все, войти своим в монолитное братство хореографов республики. Ведь самое сложное в жизни человека – не поддаться влиянию не всегда верного мнения большинства, не пойти на поводу у привычных стереотипов, следовать отличному от других мнению. Это всегда путь борьбы. У Мухтара он был изнурительным. Но и радостным.

Мухтар Кудаев вошел почти в каждую балкарскую семью. Многие из тех, с кем мне приходилось беседовать, не зная его лично и даже не осознавая его значения для нашей культуры, тем не менее рассказывая о своих близких, умеющих хорошо танцевать, с гордостью произносят: «Он учился у Мухтара». Благодаря ему, на празднествах

и свадьбах балкарская молодежь танцует. А ведь, верно, было время, когда танцевали единицы, но умело – только старшие. Легендой казались рассказы о том, что совсем недавно, в предвоенные годы, парни и девушки собирались и без всякого застолья пела и танцевала до утра. Мы, родившиеся в Азии, не танцевали вовсе. Старшие на семейных праздниках огорчались, глядя на нас: «Ну что вы за молодежь! В наше время за столы юношам и девушкам было стыдно садиться, а вы, как старики, в беседе время проводите».

Сегодня в Балкарии по-прежнему мало танцуем мы, теперь уже старшие, 50–60-летние. Благодаря Мухтару, наша молодежь танцует: с упоением, умело, сменяя друг друга.

Посоветовав Кудаеву отдыхать, я не учла одно обстоятельство. Его легко вывести из равновесия, внушить неуверенность. Но длится это состояние недолго, потому что он владеет могущественным средством, которое позволяет ему преодолевать любые испытания – талантом. А талантливых людей Бог наделил особым духом, жаждущим творчества, и это дает им превосходство над любыми обстоятельствами. Осознает ли он свой талант? Порой мне кажется, что нет.

Его постановки сопровождает огушительный и безусловный успех. Объясняется он тем, что Мухтару удалось сделать самое сложное, то, к чему стремится каждый балетмейстер в области фольклорных танцев, хотя не всегда достигает цели – объединить в единый сплав не только музыку и движение, но и обряд, а в итоге создать яркое, живописное представление. Мухтар сумел блестяще справиться и с более сложной задачей: средствами хореографии, в пластических образах он раскрыл мировоззрение карачаево-балкарского народа, его историческое прошлое и культуру, что само по себе и является основной задачей

народного искусства. В этом главная, непреходящая ценность его труда.

Досадно, что его обширнейшие знания народной карачаево-балкарской хореографии не использованы в полной мере. Сколько еще прекрасных танцев седой старины ожили бы на профессиональной сцене, если бы мы умели внимательней и бережней относиться к своему национальному достоянию. А М. Ч. Кудаев и есть национальное достояние карачаево-балкарского народа.

Двадцать лет спустя. На юбилейном вечере Махти Джуртубаева встретились организаторы ансамбля «Балкария». *Первый ряд:* Мухтар Кудаев (в центре), Алим Тепшеев (слева), Бахаутдин Этезов (справа). *Второй ряд* (слева направо): Хамзат Бачиев, Ибрагим Занкишиев, Махти Джуртубаев, Хадис Тетуев, Мухтар Табаксоев.

Фото А. Мамаева

К сожалению, и сегодня непревзойденный мастер танца Мухтар Чукаевич Кудает не получил от нас должной оценки своего труда. В последнее двадцатилетие хорошей традицией стало проведение юбилейных и творческих вечеров деятелей искусства и литературы. Дважды, в связи с его 60-летием и 65-летием, балкарская общественность обращалась к правительству республики с просьбой о его чествовании, но оба раза просьбы не получили поддержки. Видимо, чествование Мухтара Чукаевича еще впереди. Видимо, рано еще подводить итоги. Продолжает трудиться созданный им ансамбль, дорогая его сердцу «Балкария», ставшая для карачаево-балкарского народа символом его возрождения; многочисленные малыши в самых отдаленных школах с нетерпением ждут его приезда, из окон домов и машин слышатся почти забытые и подаренные нам Мухтаром народные мелодии. А он со своим всегдашним упорством продолжает однажды начатое: возвращает своему народу потерянные им на нелегком историческом пути песни, танцы, обряды, орнаменты, мелодии. Все то, что делает народ народом, способствует тому, чтобы «не оборвалась времен связующая нить».

В историю культуры Мухтар Чукаевич Кудает навсегда вошел как основоположник карачаево-балкарской этнохореографии, создатель первого профессионального государственного ансамбля карачаево-балкарского народного танца «Балкария», талантливый исследователь и ученый. В народной памяти имя Мухтара Кудаета по праву будет стоять в одном ряду с именами Кязима Мечиева, Ислама Крымшамхалова, Исмаила Семенова, Кайсына Кулиева, Омара Отарова.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

К 70-летию М. Ч. Кудаява

Книги и статьи М. Ч. Кудаява Книги на русском языке

1. *Кудаяв М. Ч.* Древние танцы балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1997. – 144 с.
2. *Кудаяв М. Ч.* Карачаево-балкарские народные танцы. Нальчик: Эльбрус, 1984. – 116 с.
3. *Кудаяв М. Ч.* Карачаево-балкарский свадебный обряд. Нальчик: Эльбрус, 1988. – 124 с.
4. *Кудаяв М. Ч.* Карачаево-балкарская этнохореография и символика. Нальчик: Эльбрус, 2003. – 108 с.
5. *Кудаяв М. Ч.* Материалы к карачаево-балкарскому словарю природоведения. Нальчик: Эльбрус, 2003. – 108 с.
6. *Кудаяв М. Ч. Карчаева Х. Ж.* Пища карачаевцев и балкарцев.

Статьи на балкарском языке

1. *Кудайланы М.* «Абзех»: Той-оюн коллектив болушлукыгъа // Коммунизмге жол. 1979. 9 июня.
2. *Кудайланы М.* Адетле эм да халкъ тепсеуле // Коммунизмге жол. 1979. 4 дек.
3. *Кудайланы М.* Ант: Малкъар эм дюгер халкъланы шухбайламлыкъларыны юсюнден // Коммунизмге жол. 1990. 13 янв.

¹ Составила А. Махиева.

4. *Кудайланы М.* «Бийнегер»: Халкъ тепсеу // Шухелукъ. 1980. № 3. б. 103–107.
5. *Кудайланы М.* «Бийче» тепсеу: [Милет искусствобузну юсенден ушакъ] // Коммунизмге жол. 1989. 14 нояб.
6. *Кудайланы М.* «Долай» тепсеу // Заман. 2000. 22 июля.
7. *Кудайланы М.* Жарыкъ фахму [З. Соттаева] // Коммунизмге жол. 1983. 12 мая.
8. *Кудайланы М.* Жер атланы юсенеден (топонимика) этюд-ла // Коммунизмге жол. 1977. 25 июня.
9. *Кудайланы М.* «Ийнай» – деген халкъ тепсеу // Коммунизмге жол. 1982. 13 февр.
10. *Кудайланы М.* Киймлени атлары // Заман. 2003. 16 апр.
11. *Кудайланы М.* Къууанч ийнагъы – «теке» // Коммунизмге жол. 1983. 24 дек.
12. *Кудайланы М.* Миллет тепсеуню устасы [о Жабоевой Е.] // Коммунизмге жол. 1983. 2 апр.
13. *Кудайланы М.* Миллет тепсеулени усталары // Коммунизмге жол. 1987. 18 дек.
14. *Кудайланы М.* Озай // Минги Тау. 1987. № 2. б. 72.
15. *Кудайланы М.* Сабан той // Коммунизмге жол. 1985. 5 янв.
16. *Кудайланы М.* Тепсеуледе таулу тиширыуну сыфаты // Коммунизмге жол. 1976. 23 окт.
17. *Кудайланы М.* Тепсеуле эм заман // Коммунизмге жол. 1976. 18 мая.
18. *Кудайланы М.* Тюз тепсеу // Коммунизмге жол. 1984. 23 февр.
19. *Кудайланы М.* Тюз тепсеу // Заман. 2000. 28 июня.
20. *Кудайланы М.* Этнография эм профессионал искусство // Коммунизмге жол. 1976. 30 июля.
21. *Кудайланы М.* Этокъо сууну жагъасында табылгъан жазыу // Коммунизмге жол. 1971. 12 мая.
22. *Кудайланы М.* «Голду» – халкъ тепсеу // Коммунизмге жол. 1980. 11 марта.

Статьи на русском языке

1. *Кудаев М.* В вихре танца. Штрихи к портрету заслуженно-го артиста ЧИАССР, РСФСР и лауреата республиканской премии КБАССР М. И. Ульбашева // КВП. 1983. 16 авг.

2. *Кудаев М.* Его счастье: творческий портрет: /А. Нересян/ // Советская молодежь. 1984. 26 апр.

3. *Кудаев М.* Есть душа у танца: (отражение в танцах народных обычаев) // Советская молодежь. 1982. 9 февр.

4. *Кудаев М.* Душа народа. Приглашение к разговору // Советская молодежь. 1979. 20 марта.

5. *Кудаев М.* Живая связь поколений. [Слет юных этнографов в г. Орджоникидзе] // Советская молодежь. 1976. 19 авг.

6. *Кудаев М.* «Кабардинка». Ансамбль в лицах [Жабоева Е.] // Советская молодежь. 1984. 28 февр.

7. *Кудаев М.* Когда на сцене девушки. [О нац. танцах] // Советская молодежь. 1977. 20 янв.

8. *Кудаев М.* Любовь к танцу: Творческий портрет Б. М. Губжокова // Советская молодежь. 1984. 26 янв.

9. *Кудаев М., Кагермазов Б.* Танцы (О Согтаеве К., солисте анс. «Кабардинка») // Кабардино-Балкарская правда.

Статьи на кабардинском языке

1. *Къудей М.* Къагъырмэс Б; КъэфакIуэ // Адыгэ псалъэ. 1994. 14 мая.

2. *Къудей М.* КъэфакIуэ Iээ // Ленин гъуэгу. 1987. 22 янв.

3. *Къудей М.* Гулътэшизэ къонэ// Ленин гъуэгу. 1976. 7 авг.

4. *Къудей М.* Я гур къафэм етауэ// Ленин гъуэгу. 1987. 21 мая.

5. *Къудей М.* Къагъырмэс Б. Къэфак / уэ // Адыгэ псалъэ. 1994. май и 14.

Статьи о Мухтаре Кудаеве На балкарском языке

1. *Акъайланы Т.* Той устасы [29 апрель – Тепсеуню халкъла аралы кюнюдю] // Заман. 2001. 28 апр.

2. *Акъайланы Т.* «Чабакъ сууну ауазы»: Эллим, тенгим, той устасы Къудайланы Мухтаргъа // Минги-тау. 1988. № 2.

3. *Аппаланы А.* Фахмусуну энчи жарыгъы (Къудайланы М.) // Советская молодежь. (Шаудан). 2003. № 8. 30 апр.

4. *Байчекуланы А.* Балетмейстер (Къудайланы М.) // Коммунизмге жол. 1970. 21 июля.
5. *Бегийланы А.* Жюрегинден «Балкария» деген ариу кьанатлы учханды» (Къудайланы М.) // Заман. 2003. 22 апр.
6. *Бегийланы А.* Кишилик шарты (Къудайланы М.) // Заман. 1998. 30 мая.
7. *Беппаланы М.* Халкъ тепсеулени устасы (Къудайланы М.) // Коммунизмге жол. 1986. 15 марта.
8. *Биттирланы А.* «Асса» – Тюркде. (Къудайланы М.) // Заман. 1998. 19 июня.
9. *Биттирланы А.* Тарыхда кьалырса, Мухтар! // Заман. 2003. 22 апр.
10. *Биттирланы А.* Халкъыбыз сезюн, тепсеулерин терелерин билирге керекди (Къудайланы М.) // Заман. 1998. 21-чи окт.
11. *Герийланы А.* Халкъ адамы. [Къудайланы Мухтаргъа – 65 жыл] // Советская молодежь (Шаудан). 2003. № 18. 30 апр.
12. *Жабелланы Л.* Саулай Малкъар тепсейди [Къудайланы Мухтаргъа – 65 жыл] // Заман. 2003. 22 апр.
13. Жолунг болсун, «Балкария!» // Нюр. 1991. № 1.
14. *Журтубайланы М.* Жюрек ыразылыгыым чексизди (Къудайланы М.) // Заман. 2003. 22 апр.
15. Кавасоглу М. Анкарадан келген кьагъыт (Къудайланы М.) // Заман. 2000. 23 июня.
16. *Канов А.* Сау бол, Зейтун! (О книге Кудаева и спонсорской помощи Зокаева З.) // Моя республика. 1998. № 15. 20–26 апр.
17. *Малкондуланы А.* Тойчу // Коммунизмге жол. 1963. 1 окт.
18. *Мамайланы А.* Кобузчу Манаф [Темукуланы Манаф, Къудайланы Мухтар] // Заман. 1995. 21 сент.
19. *Мокъа М.* Халкъыбызны ехтемлиги (Къудайланы М.) // Минги-тау. 1988. №4.
20. Миллет искусство халкъны байлыгы (Къудайланы М.) // Заман. 1994. 20 окт.
21. Миллет культураны жангы бутагы. [«Малкъар» ансамблени адамлары бла тюбешиу] // Заман. 1989. 8 сент.

22. «Нюрню» календары [М. Къудайланы 60 жыл] // Нюр. 1998. № 7.

23. *Османланы Х. Махтаугъа тийишли болуп къайтхандыла* [Кудаев М. и его «Асса»] // Заман. 1999. 9 июня.

24. *Табаксойланы М. Аллай адамыбыз болгъан кадарда.* (Къудайланы М.) // Заман. 2003, 22 апрель.

25. *Табаксойланы М. Чынты таулу* (Къудайланы М.) // Заман. 1998. 30 мая.

26. *Теппеланы А. Тейри биргебизгеди, Мухтар* // Заман. 1998. 30 мая.

27. *Холаланы М. «Балкария» ансамбль бла тюбешу* // КБП. 1990. 14 нояб.

28. *Шауланы Х. Тепсеулеге жангыдан жан салгъан* // Заман. 1997. 16 янв.

29. *Шауланы Х. Халкъыбызгъа жарагъан жаш* // Заман. 1999. 20 окт.

На русском языке

1. *Аппаева Ж. Забытые танцы.* [О книге М. Кудаева «Карацаево-балкарские народные танцы»] // Советская молодежь. 1985. 12 янв.

2. *Аппаева Ж. Обрести собственное лицо.* [Беседа с балетмейстером ансамбля «Балкария» М. Кудаевым] // Единство. 1992. 4 апр.

3. *Ахматов М. Жизнь в танце: Беседа с балетмейстером М. Кудаевым* // Горняцкая слава. 1992. 23 июня.

4. *Бенпаев М. «Алтын кол» – золотые руки* [Кооператив «Алтын кол» истратил десятки тысяч руб. на создание ансамбля] // КБП. 1989. 21 янв.

5. *Бенпаев М. Неутомимый Мухтар: творческий портрет* // Советская молодежь. 1986. 20 марта.

6. *Биттуева А. Фольклор – его крылья.* [О Кудаеве М. Ч.] // КБП. 1997. 22 янв.

7. *Верниковская Ю. Кровник мог спастись, коснувшись платья женщины.* [Кудаев М. о нац. костюмах] // Газета Юга. 1999. 25 марта.

8. *Гизбрехт А.* Какова она, свадьба. [О книге Кудаяева М. «Карачаево-балкарский свадебный обряд». Нальчик: 1988] // Ленинское знамя. 1988. 14 июля.

9. *Джуртубаев М.* Возрождение красоты (Кудаяев М.) // Советская молодежь. 1989. 16 июня.

10. *Джуртубаев М.* «Золотой шлем» – «Балкарии» (Кудаяев М.) // Терек. 1990. № 2. Дек.

11. *Жабелова Л.* Хореография. Ее настоящее и будущее. (Кудаяев М.) // Горняк. 1998. № 4. Апр.

12. *Жангуланов И.* «Асса» покоряет Усть-Джегуту (Кудаяев М.) // КБП. 1994. 10 нояб.

13. Из древних пластов народного искусства [Кудаяев М. «Древние танцы балкарцев и карачаевцев. Презентация книги»] // КБП. 1998. 11 апр.

14. *Кудаяев М.* Передовой каменщик, комсомолец [Фото] // Советская молодежь. 1961. 28 июля.

15. *Мусукаев А., Мизиев И.* Сохранить бесценное наследие. [О кн. М. Кудаяева «Карачаево-балкарский свадебный обряд»] // КБП. 1989. 19 окт.

16. Неповторимый почерк «Балкарии». [Фольклорно-этнографический ансамбль М. Кудаяева] // КБП. 1991. 6 июля.

17. Первые лауреаты. [Премия лучшим работникам литературы, искусства и журналистики. Премию получил этнограф ансамбля народного танца «Балкария» М. Кудаяев] // КБП. 1991. 8 мая.

18. Самое мимолетное из искусств (Кудаяев М.) // Апшаева Ж. Рисунок времени. Нальчик: Эльбрус. 1996. С. 77–80.

19. Президент В. М. Коков о присвоении почетного звания «Заслуженный деятель искусств КБР» М. Ч. Кудаяеву: Указ от 29 июня 1992 // КБП. 1992. 4 июля.

О КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ НАРОДНОЙ ХОРЕОГРАФИИ

В недавнем прошлом был распространен взгляд, согласно которому возникновение древнего искусства танца связано с различными видами трудовой деятельности, что танец есть как бы имитация и преобразование ритмичного трудового процесса. Разумеется, это мнение правомерно, но следует сказать и о том, что народная хореография имела не один исток, а несколько. Военственные пляски, вероятно, родились из имитации боя, другие связаны с обрядами посвящения, почитанием тотемических предков и мифологических покровителей, календарными и свадебными обрядами; огромна роль и шаманских плясок, поскольку именно шаманы, кроме всего прочего, были первыми профессиональными и вдохновенными музыкантами, актерами, плясунами, поэтами, т. е. духовными предками нынешних людей творческих профессий.

В карачаево-балкарских мифах и нартском эпосе говорится, что пение, пляски и танцы были угодны богам, что они с удовольствием взирали на них с небес и окрестных вершин (в эпосе особо отмечена любовь богатырей-нартов к пению, игре на музыкальных инструментах и к пляскам). Неудивительно поэтому, что пение и танцы являлись неотъемлемой частью всех обрядов и ритуалов, с них они начинались и ими заканчивались; а поскольку не в таком уж отдаленном прошлом вся деятельность людей рассматривалась как череда сакральных актов, то пение и танцы, можно сказать, пронизывали жизнь карачаево-балкарцев. Даже похороны не мыслились без песни-плача (кюй) – считалось, что без этого земля не примет покойника. И совсем не случайно в уникальном карачаево-балкарском этическом кодексе ЕЗДЕН АДЕТ говорится:

Жырлай билмеген айыпды,
Тепсей билмеген бедишди.

Не уметь петь – стыдно,
Не уметь танцевать – позорно.

Известный исследователь В. В. Басилов в своей книге «Избранники духов» отметил, что у одних народов шаманы только пели и играли на музыкальных инструментах, у других только плясали, у третьих и пели, и плясали. И конечно же у вторых и третьих искусство хореографии будет более развито, чем у первых; но те, в свою очередь, будут обладать огромным музыкально-песенным наследием. Карачаево-балкарцы сохранили много песен (мифологических, эпических и пр.), но и хореография у них, несмотря на потери, достаточно богата, причем большинство танцев и плясок у них сопровождалось не только музыкой, но и пением, т. е., видимо, их шаманы и пели, и плясали.

К сожалению, хореографическое наследие наших предков не сохранилось полностью – слишком сложна и трагична была наша история в прошедшем тысячелетии. Что-то утратилось полностью и навсегда, в ряде случаев неизвестны мелодии, от некоторых плясок и танцев остались только названия; например, известно, что бытовал танец «Жезокъя», но каков он был, никто до сих пор выяснить не смог. Неясно и значение слова «жезокъя»: то ли это «жез окъ» (латунная стрела), то ли «медное шитье» («окъя» – серебряное или золотое шитье).

Данная работа не претендует на специальный очерк. Это просто краткие характеристики примерно четверти известных на сегодняшний день карачаево-балкарских танцев и плясок; их фиксации и описанию (некоторые поставлены и на сцене) мы, в первую очередь, обязаны подвижнической деятельности Мухтара Чукаевича Кудаева. Статья подготовлена на материалах, собранных им (другая часть – мной), и призвана дать молодежи хотя бы приблизительное, общее представление об этой важной составляющей традиционной народной культуры.

* * *

1. «АГЪАЗ ТЕПСЕУ» (танец ласок). Ласка, этот подвижный и грациозный зверек, до сих пор пользуется почитанием в народе, бытуют рассказы о его необычайной сообразительности. Ласку нельзя ни убивать, ни тревожить. Причина почитания в том, что его название народно-этимологически означает «белый ас» (акъ ас); «ас» – второе название предков карачаево-балкарцев (алан).

Впервые сведения об этой пляске были записаны фольклористом Х. Х. Малкондуевым, уроженцем Чегемского ущелья, где, в основном, она и бытовала до начала XX века. Раз в год жители селения собирались у подножия холма, где обитало множество ласок, и становились в два-три ряда. Пляску начинали девушки, стоявшие в первом ряду: они с пением обрядовой песни, восхваляющей ласку, медленно приближались к холму. Зверьки, по рассказам, никогда не прятались, а наоборот, тут же выходили из всех норок, с любопытством наблюдая происходящее. Все три ряда участников обрядовой пляски, не прерывая пения и ритмичной пляски, несколько раз подходили к холму и отступали от него. Обряд заканчивался подношением даров ласкам, пищи, которую оставляли у подножия.

2. «**БАРСОЙНАКЪ**» (барсово игрище). Эта пляска (сопровождалась ли она пением, к сожалению, неизвестно) названа в честь главного тотема карачаево-балкарцев – барса. Почитание его в качестве героя-предка привело к тому, что слово «барс» попало под запрет, стало табу; вместо него говорили «алан» (от «ала анг» – пятнистый зверь) или «кьяплан» (от «кабы ала анг» – букв. «пятнистошкурный зверь»). Некоторые ошибочно полагают, что «кьяплан» – это тигр. Но тигр на Кавказе никогда не водился, к тому же все тюрки называют его «жолбарс». В карачаево-балкарской мифологии Жолбарс (тигр; «жул» – полосатый) и Албарс (т. е. собственно барс) – два стража луны, охраняющие ее от дракона.

«Барсойнакъ» – это вольная пляска молодых воинов, прошедших испытания и получивших посвящение, что отмечалось нанесением знака креста на правой лопатке. Это опять-таки следствие народной этимологии: слово «жор» (крест) ложно содержится во многих военных терминах – «жортууул» (поход), «жора, чора» (воин, дружинник), «жора» (посвященный), «жоралау» (посвящение) и пр. Лопаточная кость называется «жаурун, жаурун», что народно-этимологически созвучно «жан орун» (букв. «место души»).

Основная роль в пляске принадлежала импровизации, каждый юноша стремился выказать свою силу, ловкость, удаль. Мелодия, под которую исполнялась пляска, не установлена.

3. «**КЪАБЫШХАНЛА**» (букв.: «мерзляки», «зябнущие»). Так именовали духов зимы. Это странные существа, которые могли обмануть человека, завести его в непроходимые места, посмеяться над ним, но могли и помочь. Они избегали солнечного

света и грелись только возле ночных костров; представлялись большими любителями танцев, пения, плясок (о чем подробно говорится в эпосе). Пляска представляла собой, с одной стороны, имитацию их игрищ, с другой – попытку их умиловления. После принятия ислама «мерзляков» стали отождествлять с чертями, а пляску именовать «шайтан тепсеу» («бесовская пляска»).

4. «ОБУР ТЕПСЕУ» (шаманская пляска; слово «обур» в караево-балкарском языке имеет четыре значения: шаман, колдун; оборотень; вещий; ведьма). Это пляска-состязание шамана и шаманки (был и групповой вариант), обряженных в самые странные костюмы и сопровождаемое только ударами в барабан. Пляска в большой мере представляла собой импровизацию, но включала в себя набор движений в определенной последовательности – вращения, прыжки и т. п., что и придавало ей организованность. Победителем признавали проявившего (ую) наибольшую легкость и слаженность движений.

5. Групповой вариант той же пляски назывался «САНДЫ-РАКЪ» (экстаз; бред, бредовое, измененное состояние сознания, от «сант» – причуда). Пляска, начинавшаяся монотонно, в постепенно нарастающем темпе, имела целью достижение экстаза, самозабвения – при этом ритм и слаженность движений пляшущих не нарушались. Поскольку пляска считалась священной, отношение к ней было самое серьезное, и человек, не имевший намерения достичь экстаза, в нее не вступал, поскольку мог сбить с ритма остальных. С усилением ислама танец стал рассматриваться как наследие язычества, но, поскольку он считался сакральным актом, прямого запрета его не последовало, но распространилось пародирование, сопровождаемое песнями шуточного или насмешливого содержания, или полной бессмыслицей. Мелодия этой сакральной пляски не установлена.

6. «ГОККАН» (цветочек) – веселый танец девочек-подростков. С одной стороны, представляет собой пародирование танцев, внешности и манер взрослых (часть девочек могла надеть папахи, привязать усы и бороды), с другой – танец исполнялся вполне серьезно и даже самозабвенно. Иногда сопровождалась песней. Мелодия танца не установлена.

7. Подростками, но теперь и с участием мальчишек, исполнялся танец «МАРОКО» (земляника). Его же могли исполнять и взрослые. В отличие от темпового «Гоккана», «Мароко» – та-

нец полушутливый, полулирический; в нем происходила смена ритма: девочки танцевали плавно и медленно, во второй части мальчишки отплясывали изо всех сил.

8. «ОЗАЙ», «ШЕРТМЕН», «ГЮППЕ» – все три термина означают то же самое, что и славянское «колядки». По старому календарю Новый год начинался в дни весеннего равноденствия. Юноши и девушки (до принятия ислама – ряженые, после исламизации участниками обряда чаще всего были ученики медресе) обходили с песнями и плясками все дворы селения, веселя и развлекая односельчан, мягко подшучивая над ними и распевая благопожелания. После этого в каждом дворе их должны были оделять подарками – съестным, бузой, черным пивом (сыра). После обхода колядующие собирались в одном месте и начиналось игрище. Молодежный танец, и песня, сопровождавшая его, называются «ОЗАЙ», «ГЮППЕ», «ШЕРТМЕН». Мелодия, песня и танец сохранились.

9. «ТЮЗ ТЕПСЕУ» (букв.: «танец по прямой»). Групповой и сольный танцы, имеющие довольно сдержанный, строгий характер. Наиболее часто исполняемый ныне на различных торжествах (групповой – крайне редко). Несмотря на кажущуюся простоту, требует особого изящества, гармонии движений, а в более темповом варианте (что зависит от мелодии) – лихости, легкости, ловкости.

10. «ИСТЕМЕЙ» (от «истем» – желание; отсюда искаженное «Исламей») – парный любовный танец типа лезгинки. Может быть групповым или исполняться соло (юношей). Танец бурный, порывистый.

11. «КЪАПАТЕЙНА» (значение неясно) – танец, исполнявшийся во время встречи знатных гостей. Начинался у въезда в селение большой группой молодежи. Танцуя и играя перед гостями на музыкальных инструментах, сменяя друг друга, юноши указывали им дорогу к дому, в который они направлялись (так же встречали свадебный поезд, везущий невесту). Танец заканчивался у самых ворот. Мелодия, к сожалению, не установлена.

12. «АЛАЙ-БЫЛАЙ» (букв. «так и этак») – групповая, вольная, раскованная молодежная пляска; поэтому часто исполнялась дружками жениха перед отправлением за невестой, а также при первой поездке с женихом в дом ее родителей. По обычаю, дружек не бывало больше двадцати. Могли участвовать все, но, конечно, более старшие воздерживались, предпочитая тюз тепсеу. Мелодия не установлена.

13. «АБЕЗЕХ» (под руку) – групповой танец, имеет два варианта, медленный и быстрый. Единственный из карачаево-балкарских танцев, где юноши и девушки соприкасаются, а также имеют право говорить друг с другом. Мелодии сохранились.

14. «ТЕПЕНА» («ТЫПАНА») (от «тып анасы» – мать огня) – песня-пляска в честь богини огня и семейного очага. Обязательно исполнялся после завершения строительства дома на его плоской земляной крыше, вокруг очажного отверстия (достигалась и практическая цель – земля на крыше утаптывалась), а также в доме – перед очагом или вокруг него, или вокруг опорного столба. Могли участвовать мужчины и женщины или одни мужчины. Мелодия песни-пляски сохранилась.

15. «ЫНДЫРБАЙ» (бог гумна) – круговая, очень ритмичная песня-пляска, исполнявшаяся на току, после окончания молотбы и провеивания зерна. Песня, сопровождавшая ее, представляла собой обращение к богу ветра Эрирею (Эрирей-Чоппа). Текст гимна и мелодия сохранились. В пляске участвовали и мужчины, и женщины.

16. «БАЙЧОМАРТ» (бог щедрот) – эпитет божества охоты и промысловых животных Апсаты, поэтому пляска, посвященная ему, часто именовалась «Апсаты». Она имела вполне определенную цель – заслужить благоволение могучего покровителя. Исполнителями являлись молодые охотники, т.е. пляска являлась завершающей частью обряда посвящения. Исполнялась ли она под пение одного из сохранившихся гимнов-обращений к Апсаты, неясно.

17. «КЁРЮКБАС» (раздувающий меха) – групповая песня-пляска в честь солнечного божества кузни, прародителя богатырей-нартов Золотого Дебета. Исполнителями были юноши, чьи сверстники (или сверстник) прошли посвящение и признавались мастерами-кузнецами (темирчи). Мелодия пляски не установлена, но, вполне возможно, она сохранилась в качестве мелодии одной из эпических песен о Дебете.

18. «ЧОППА» (от «чеп бай» – бог злаков) – божество грома, покровитель урожая. Праздник, посвященный ему, был весенним. По народным понятиям, произрастание злаков связано с луной, и, в свете этого представления, лунные затмения считались предвестием неурожая и других бедствий. Поэтому в песне, сопровождавшей пляску, обращались к богу-громовнику не только с мольбой о ниспослании урожая, но и с просьбой защитить луну от дракона, пытающегося поглотить ее. В Чегемском

ущелье сохранилась площадка, которая так и называется «Чоп-пачыла» («Исполняющие «Чоппа»). Песня сохранилась.

19. «ИНАЙ» – песня-танец валяльщиц войлока, посвященная мифологической покровительнице ковроделия. Исполнялась после завершения работ по изготовлению войлочных ковров-кийизов, обычного убранства карачаево-балкарских жилищ как богатых, так и бедных; а также перед тем, как обставлять новое жилье. (Поэтому и говорится: «Жарлыны юйюн кийиз жасар» – «Дом бедняка красен войлочными коврами».) Текст и мелодия песни известны. Поскольку многие из сохранившихся кийизов представляют собой подлинные произведения искусства, не исключено, что песня и танец являлись элементом обряда посвящения в мастерицы (кийиз уста).

20. «АЙМУШ» – песня-пляска, завершающая часть обряда посвящения в чабаны, исполнялась юношами в честь покровителя пастухов Аймуша. Песня и мелодия сохранились.

21. «БОЗ АЛАША» (серая лошадка) – песня-пляска, посвященная покровителю коневодов и коней Сыйкуну. В песне восславляются достоинства эпического коня Гемуды, служившего последовательно трем героям нартского эпоса – Дебету, Алаугану и Карашауаю (деду, сыну, внуку). Сохранилась и величественная мелодия, под которую исполнялась пляска.

Большое количество воинственных плясок и танцев – отражение той жизни, которую вели тюркские племена, насельники восточно-европейских степей (скифы, сарматы, аланы, болгары и др.), предки карачаево-балкарцев. Среди них, например, такие:

22. «АРСЛАНБИЯ» (львиная пляска; «бия» – арх. слово «танец, пляска»). Сравнения со львом в эпосе и в речи удаивались только безупречные во всех отношениях, высококонравственные, мужественные, благородные воины. Исполняемая только мужчинами, она и отличается такими же чертами, которые отличают взрослых, испытанных воинов – одновременно и строгая (в начале), и безудержно стремительная в финале, имитируя, вероятно, порыв к победе.

23. «ЭРИРЕЙ» – древнее божество ветра и войны, имя которого означает «герой-меч» (от слова «эрек (ирек, эрей)», откуда один из терминов, означающих «воин, дружинник» («ирейчи», «эрейчи», из арх. «эрек» – меч, букв. «мечник»). Праздник в честь Эрирея справлялся в середине лета, но потом, видимо, в связи

с тем, что функции покровителя воинов перешли к грозовому божееству Элие, праздник был передвинут на дни осеннего равноденствия (в середине сентября), а само божеество стало восприниматься в качестве покровителя молотьбы и веяния зерна. Поэтому песня-пляска в честь этого божеества носит мирный характер, отражая ритм слаженной работы на току. Праздник «Эрирей» – один из трех основных в годичном цикле.

24. «ЭЛИЯ» – имя божеества молнии и покровителя молнии, сменившего прежнего Эрирея. Одним из неперемных атрибутов исполнителей пляски в честь этого божеества является оружие (дротики – мужура, кинжалы – кьама, сабли – кьылыч, боевые топоры – гида и пр.); в нее же входит сольный танец с кинжалами (молния, по мифологическим представлениям, это огненный кинжал Элии). Замечательный гимн-обращение к божееству, сопровождавший пляску, сохранился. Основная цель ее исполнения (накануне битвы) – слаженность движений и демонстрация перед божееством (большим любителем плясок) умелого владения оружием. Праздник Элии был одним из главных в годичном цикле и справлялся в дни летнего равноденствия (середина июня).

24. Третий главный праздник карачаево-балкарцев посвящался умирающему и воскресающему солнечному божееству «ГОЛЛУ» (огненный, вспыхивающий), отмечавшийся в дни весеннего равноденствия. Божеество представлялось в виде всадника в золотой шубе или в золотых доспехах, верхом на белом коне поднимающегося ввысь. Праздник был общенациональным и весьма демократичным – на нем отменялись все сословные перегородки, он включал в себя различные состязания – как спортивно-военные, так и в пении, в танце, выборы самой красивой девушки и пр. Мелодия, сопровождающая пляску, сохранилась и является одной из самых величественных и возвышенных в народной музыке.

(Четвертая точка в движении Солнца по небесному своду, зимнее солнцестояние в середине декабря, праздником не отмечалась – полагали, что солнце в эти дни умирает, чтобы воскреснуть весной).

25. «ТЫПЧЫНАЙ» (от «тып чанакъ» – огненная чаша); танец посвящен символу бессмертия жизни – волшебной золотой чаше с живым огнем (другое, главное ее название – «кьаст аякъ» – обетованная чаша, святая чаша), о которой много раз говорится как о реальном предмете в мифологических и эпи-

ческих текстах. Именно поэтому тюрки (скифы, аланы, и пр.) ставили на курганах каменные изваяния, изображавшие воинов с чашей или кубком (рогом) в руке, прижатой к груди на уровне сердца (слово «жан» имеет значения: «душа», «жизнь»; «гореть», «пылать»). Танец исполнялся юношами и девушками вокруг небольшого стола с чашей, в среднем темпе. В финале один из них поднимал чашу высоко над головой и передавал другим для ритуального поцелуя. Мелодия танца не установлена. Сопровождался ли он песней, неизвестно (записан только эпический текст, представляющий собой гимн-обращение к святыне).

26. «ЖОРТУУУЛ ТЕПСЕУ» (походный) – групповой лирический танец, исполнявшийся молодыми воинами и девушками, провожавшими их в поход. (Танец, вероятно, весьма старинный, поскольку известно, что в относительно недавние времена в набег выступали только вечером, под удары в литавры-дауурбас, извещающие сельчан о выступлении, но проводы не устраивали). Существует древняя формула, которой возлюбленные, матери, сестры, жены заканчивали свои напутствия уходящим на битву воинам:

Кебин кийген къайтмаз,
Кюбе кийген къайтыр.

Не вернется одетый в саван,
Но вернется одетый в латы.

Танец этот строгий, сдержанный, такова же и замечательная мелодия, в которой ощущается скрытая печаль.

* * *

К величайшему сожалению, работа по возрождению хореографического наследия карачаево-балкарского народа после вынужденного ухода М. Ч. Кудаева из ансамбля «Балкария» прервалась и неизвестно, когда возобновится. Большая часть замечательных танцев и плясок так и не увидела сцены. Не все понимают важность, даже необходимость неотложных мер по спасению нашего духовного наследия, в том числе имущие и начальствующие. (Многие наши современники в глубине души твердо убеждены, что люди живут только для того, чтобы есть, развлекаться и спать; но вслух свое убеждение они пока вы-

сказывают редко, да и то не каждый). Мечтать о том, что в один прекрасный день наступит массовое прояснение в мозгах людей, способных, но не желающих помочь делу (материально, конечно), не приходится. Нужно продолжать работу по сбору и публикации материала, пока еще живы те, кто хранит в памяти хотя бы крупицы завещанного нам великого богатства. Из-за невежества и беспечности мы уже лишились огромного количества старинных войлочных ковров, многие из которых представляли собой подлинные произведения искусства (проданы, и то за бесценок, заезжим дельцам, сгнили в сараях, сожжены как старый хлам). А ведь они грели детей и стариков на чужбине, в годы изгнания, и наши родители привезли их обратно, на родину, туда, где они были созданы. Конечно, иногда люди бывают вынуждены расстаться с чем-то дорогим их сердцу – когда нет иного выхода; так, карачаево-балкарцы продавали в Азии бесценные старинные вещи, чтобы накормить голодных детей. Но многое мы потеряли по своей вине, уже здесь. Не повторить бы этих ошибок. Не опоздать бы.

Махти Джуртубаев

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Глава первая. Война.....	10
Глава вторая. За что?.....	15
Глава третья. Изгнание. Детство.....	33
Глава четвертая. Юность. Учеба	46
Глава пятая. Борьба за утраченное достоинство	49
Глава шестая. «Домой! На Кавказ!»	57
Глава седьмая. Танец	64
Глава восьмая. Возвращение	74
Глава девятая. Предназначение.....	85
Глава десятая. Народный танец и история народа	90
Глава одиннадцатая. Этапы развития карачаево-балкарской этнохореографии.....	103
Глава двенадцатая. Поиск	142
Глава тринадцатая. Книги	149
Глава четырнадцатая. Борьба.....	154
Глава пятнадцатая Создание «Балкарии»	163
Глава шестнадцатая. Первый концерт «Балкарии».....	192
Глава семнадцатая. Признание.....	197
Глава восемнадцатая. Испытание	203
Глава девятнадцатая. Слово о мастере и мастерстве	208
Имя в истории.....	251
<i>Приложения</i>	
Библиографический указатель к 70-летию М. Ч. Кудаева.....	255
<i>Махти Джуртубаев. О карачаево-балкарской народной хореографии.....</i>	<i>261</i>

Литературно-художественное издание

Жабелова Лидия Локмановна

Серия

Известные люди Балкарии и Карачая

ОН ПОДАРИЛ НАМ РАДОСТЬ

Заведующий редакцией В. Н. Котляров

Художник Л. Х. Габаева

Корректор Н. В. Римская

Лицензия № 00003 от 27. 08.99

Сдано в набор 10.08.09. Подписано в печать 30.10.09.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Букман.
Усл. печ. л. 14,28. Тираж 500 экз.

Издательство М. и В. Котляровых.
(ООО «Полиграфсервис и Т»)
360051, КБР, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19.
Тел./факс: (8662) 42-62-09
e-mail: elbrus@mail.ru
www.elbruss.ru

